

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Тверской государственный университет»

На правах рукописи

БЛИЗНЕЦОВА Юлия Сергеевна

**РАЗВИТИЕ ХРИСТИАНСКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЙ
КОНЦЕПЦИИ ВОСПИТАНИЯ
В ПЕДАГОГИКЕ РОССИЙСКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ В 20-50-Е ГГ. XX В.**

5.8.1 Общая педагогика, история педагогики и образования

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата педагогических наук

Научный руководитель:
доктор педагогических наук,
профессор, академик РАО
Лельчицкий Игорь Давыдович

Тверь 2024

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
Глава 1. Теоретические основы и социокультурные предпосылки христианско-антропологической концепции воспитания в отечественной педагогике	25
1. Христианско-антропологическая идея воспитания как научно-педагогическая проблема в трудах современных исследователей.....	25
2. Обоснование старшими славянофилами идей христианской антропологии в контексте проблемы воспитания.....	43
3. Социокультурные предпосылки развития христианско-антропологической концепции воспитания в педагогике Российского Зарубежья в 20-50-е гг. XX в.....	57
Выводы по Главе 1	86
Глава 2. Обоснование христианско-антропологической концепции воспитания в трудах педагогов Российского Зарубежья в 20-50-е гг. XX в.	88
1. Христианско-антропологическое обоснование принципов воспитания в педагогике Российского Зарубежья рассматриваемого периода.....	88
2. Виды воспитания и их назначение в русле христианско-антропологической идеи.....	107
3. Православно-культурная среда как условие реализации принципов и видов воспитания в русле христианско-антропологической идеи.....	131
Выводы по Главе 2	151
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	153
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ И УСЛОВНЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ	158
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	159

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. В настоящее время особую значимость приобретают вопросы духовно-нравственного воспитания, восстановления исторической памяти, сохранения и преемственности национального культурного наследия, что отвечает задачам, обозначенным в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации (Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 г. № 400) [111].

Указом Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» сформулированы цели, задачи и инструменты реализации данного аспекта государственной политики. В нем четко определены и охарактеризованы базовые национальные ценности: патриотизм, социальная солидарность, гражданственность, семья, труд и творчество, наука, традиционные российские религии, искусство и литература, природа, человечество. Такое понимание содержания духовно-нравственного развития и воспитания личности в дальнейшем определило выбор форм и методов его реализации, оценки результатов [112].

Федеральным законом от 25.12.2023 г. № 685-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» и статью 2 Федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» подчеркнуто, что воспитание основывается на традиционных российских духовно-нравственных ценностях, а одним из основных принципов государственной политики и правового регулирования отношений в сфере образования является гуманистический характер образования в соответствии с традиционными российскими духовно-нравственными ценностями [128].

В Указе Президента Российской Федерации от 07.05.2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» поставлена стратегическая задача «создания к 2030

году условий для воспитания гармонично развитой, патриотичной и социально ответственной личности на основе традиционных российских духовно-нравственных и культурно-исторических ценностей» [110, с. 7645].

Указом Президента Российской Федерации от 08.05.2024 г. №314 «Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения» определено, что «в основе самосознания российского общества лежат формировавшиеся и развивавшиеся на протяжении всей истории России традиционные духовно-нравственные и культурно-исторические ценности, сохранение и защита которых являются обязательным условием гармоничного развития страны и ее многонационального народа, неотъемлемой составляющей суверенитета Российской Федерации» [113, с. 7651-7652]. В данной связи ставится задача «формирования личности на основе присущей российскому обществу системы ценностей и любви к Родине» [113, с. 7651].

В условиях кардинальных перемен в социально-экономической и духовной жизни российского общества, обусловленных гибридной агрессией со стороны стран «коллективного Запада» и противостоянием России беспрецедентным вызовам, решение этих вопросов носит стратегический характер. Соответствие запросам государства и общества на укрепление суверенитета России как ключевого фактора сохранения государственной и территориальной целостности страны требует совершенствования образовательной практики.

Стратегия обращения к традиционным ценностям актуализирует осмысление соответствующего опыта, накопленного в отечественной педагогике, и детерминирует необходимость историко-педагогических исследований, ориентированных на возрождение педагогических традиций, органично связанных с национальными приоритетами. В этой связи востребовано изучение педагогической мысли, развивавшейся в условиях Российского Зарубежья в 20-50-е гг. XX в. – том периоде отечественной истории, когда проблема сохранения духовно-национальной идентичности выступила особенно рельефно.

В настоящее время приоритетное значение получает исследование

уникального наследия представителей христианско-антропологического направления педагогики Российского Зарубежья, прежде всего В.В. Зеньковского, как лидера этого направления, и его единомышленников (Н.Н. Афанасьев, Л.А. Зандер, И.А. Лаговский, прот. С. Четвериков, А.С. Четверикова и др.), научно-педагогические идеи которых были основаны на православном мировосприятии. Ученые были убеждены, что приобщение подрастающего поколения к духовно-нравственным ценностям и обеспечение межпоколенческих связей необходимо осуществлять в русле православной культуры.

Историко-педагогическое исследование развития христианско-антропологической концепции воспитания в педагогике Российского Зарубежья в 20-50-е гг. XX в. позволяет целостно представить опыт ученых по обоснованию актуального значения идей христианской антропологии в контексте проблем воспитания. Изучение научно-педагогического наследия В.В. Зеньковского и его единомышленников отрывает возможность целостной реконструкции христианско-антропологической концепции воспитания, позволяет установить преемственность в развитии ее основных положений, может стать основой обоснования современных стратегий воспитания растущего человека в соответствии с традиционными российскими духовно-нравственными ценностями.

Основное понятие исследования

В диссертации под христианско-антропологической концепцией воспитания понимается совокупность идей о воспитании растущего человека в соответствии с пониманием его природы и смысла жизни в христианском учении.

Хронологические рамки исследования.

Нижней хронологической границей выступает начало 1920-х гг., что обусловлено первой волной эмиграции, надеждами по преимуществу вынужденно оказавшихся за границей россиян на возвращение в обозримом будущем на Родину. Актуальной становится проблема обучения и воспитания детей и молодежи эмигрантской среды, сохранения их национально-культурной идентичности, что в условиях инокультуры детерминирует формирование

отвечающей этим задачам теории и практики педагогики Российского Зарубежья как уникального явления в истории отечественного образования.

Верхней границей является конец 1950-х гг., когда в условиях геополитического послевоенного переустройства в большинстве регионов пребывания эмигрантов российская педагогическая практика прекратила свое существование.

Именно в 20-50-е гг. XX в. идеи христианской антропологии рельефно проявились в отечественной педагогической мысли, при этом контекстом их актуализации выступило инокультурное пространство. Уникальность данного этапа развития концепции подчеркивает опыт приобщения молодого поколения к традиционным российским духовно-нравственным ценностям за пределами России, что в свою очередь обуславливает необходимость изучения этой проблемы в данных временных рамках для восполнения имеющегося пробела в историко-педагогическом знании.

Характеризуемый хронологический период ознаменован вкладом выдающихся мыслителей Российского Зарубежья – В.В. Зеньковского и его единомышленников (Н.Н. Афанасьев, Л.А. Зандер, И.А. Лаговский, прот. С. Четвериков, А.С. Четверикова и др.) в обоснование новых принципов воспитания в условиях эмиграции. Активный научный поиск ученых был связан с практикой воспитания молодого поколения в Русском студенческом христианском движении, которое было основано в 1923 году. В.В. Зеньковский направлял его деятельность по пути построения православной культуры, оставаясь неизменным председателем Движения на протяжении тридцати девяти. Как лидер христианско-антропологического направления педагогической мысли в эмиграции ученый смог объединить усилия своих единомышленников, что придало исследуемой концепции целостный характер.

Территориальные рамки исследования включают две группы стран:

– страны расселения представителей русской эмиграции с центрами в Белграде, Праге, Берлине, Париже;

– страны Прибалтики до 1940 г., в которых русское население проживало в положении национальных меньшинств.

Степень разработанности темы исследования. Проведенный анализ отечественной педагогической литературы по исследуемой проблеме позволяет разделить имеющиеся научные работы на следующие основные группы.

Первая группа включает исследования, посвященные христианско-антропологической идее воспитания как научно-педагогической проблеме (архимандрит Георгий (Шестун), С.Ю. Дивногорцева, Г.В. Егоров, М.В. Захарченко, А.А. Корольков, прот. С. Коротких, В.А. Леонов, Н.Ю. Налетова, В.М. Меньшиков, А.А. Остапенко, Т.А. Петрунина, Т.В. Склярова, В.И. Слободчиков, С.Л. Сурова, О.Л. Янушкявичене и др.).

Ко второй группе относятся научные труды, в которых осмыслиется религиозно-философское и педагогическое наследие старших славянофилов и их вклад в разработку духовных оснований воспитания (А.А. Гагаев, П.А. Гагаев, архимандрит Георгий (Шестун), Л.Н. Беленчук, С.Ю. Дивногорцева, В.И. Додонов, Б.В. Емельянов, И.В. Карлов, В.М. Кларин, А.А. Корольков, В.А. Кравцов, В.М. Петров, Т.А. Петрунина, Е.А. Плеханов и др.).

Третью группу составляют исследования феномена Российского Зарубежья, в которых проведен анализ условий инокультурной среды в следующих аспектах: история феномена в целом (П.Е. Ковалевский, Е.И. Пивовар, И.В. Сабенникова и др.); историография российской эмиграции и феномена Русского Зарубежья (А.А. Пронин, В.И. Цепилова); проблема социальной адаптации эмигрантов (З.С. Бочарова, В.Ю. Волошина, Ю.И. Руденцова), проблема самоидентификации и национальной идентичности эмигрантов (К.Е. Ситниченко, О.В. Щупленков и др.); консолидирующая деятельность российских союзов, учреждений и организаций в эмиграции, в том числе Русского студенческого христианского движения (К.В. Бирюкова, Л.А. Гуревич, У.А. Гутнер, А.И. Домнин, В.В. Ефременко, М.А. Сурайкин, О.Ю. Шишилова и др.); культурное наследие эмиграции (П.Е. Ковалевский, М.И. Раев, О.С. Сирота); педагогическое наследие Российского Зарубежья и история русской школы в эмиграции (Н.А. Белканов, Л.И. Богомолова,

М.В. Богуславский, В.П. Борисов, К.С. Дубровина, С.Н. Васильева, В.А. Владыкина, Н.А. Горяинов, С.Ю. Дивногорцева, В.И. Додонов, Е.В. Кабанова, Е.В. Кирдяшова, Н.А. Кондратьева, В.И. Косик, Е.Н. Крестьянова, И.Д. Лельчицкий, В.М. Мальцева, В.А. Сахаров, В.А. Сухачева, Ю.Ю. Тереня, О.В. Щупленков и др.); деятельность Религиозно-педагогического Кабинета (Ю.И. Ребиндер).

В четвертую группу входят труды, объектом изучения которых выступает философско-педагогическое наследие В.В. Зеньковского. Здесь можно выделить два блока. К первому относится литература Российского Зарубежья - работы К.А. Андроникова, С.И. Гессена, Н.О. Лосского, К.А. Ельчанинова, Л.А. Зандера, С.С. Верховского и др. Второй блок включает в себя современные исследования: диссертации (А.А. Антоневиц, Е.Н. Горбач, Е.А. Глущенко, Т.И. Зверева, Е.В. Кирдяшова, Т.Н. Любан, Н.Б. Смирнова, Л.А. Романова, Е.В. Петрова) и статьи, посвященные различным аспектам: биографии ученого, его педагогической деятельности (М.В. Богуславский, О.Т. Ермишин, Е.В. Кирдяшова, В.М. Летцев, Е.Г. Осовский и др.); религиозной педагогике и религиозному образованию (Л.Н. Беленчук, С.Ю. Дивногорцева, Е.А. Плеханов); идеям христианской антропологии в наследии ученого (И.А. Киселева, А.А. Корольков, А.Е. Лихачев, Т.А. Муравицкая, О.Б. Прончук, Е.С. Сахарчук, Л.И. Сорочик и др.); ценностным основаниям воспитания (Ю.Д. Куклачев, И.Д. Лельчицкий, В.М. Мальцева); отдельным видам воспитания: религиозному (Л.Н. Беленчук, Е.Н. Крестьянова, Е.А. Прокофьева), духовно-нравственному воспитанию и развитию личности (архимандрит Георгий (Шестун), Т.И. Артемьева, И.В. Гребешев, О.Н. Гулюкина, С.А. Ермолаева, В.М. Кларин, Е.В. Конькина, А.А. Корольков, Е.В. Кротов, О.С. Лебедева, В.М. Мальцева, В.М. Петров, В.А. Сахарова, Л.Г. Сахарова, А.В. Сухоруких), эстетическому (М.А. Захарищева, А.Г. Рукавишников), половому (Е.В. Кирдяшова), социальному (Т.С. Борисова, Е.Н. Крестьянова, Т.В. Складорова), национальному (Л.Н. Беленчук, Е.В. Кирдяшова, Е.Н. Крестьянова, С.К. Кудряшова, В.И. Петрухин); развитию эмоциональной сферы личности (С.А. Курносова); вопросам семейного воспитания, взаимодействию Церкви и семьи (Л.А. Грицай, С.Ю. Дивногорцева, С.А. Колесников); идее церковной школы (С.Ю.

Дивногорцева, Е.Н. Крестьянова); проблеме идеала учителя и педагогического авторитета (И.Д. Лельчицкий, Н.Б. Смирнова); проблеме свободы (А.В. Ворохобов, Н.И. Климова); психологическому наследию ученого (А.А. Костригин, В.М. Летцев, А.А. Мелик-Пашаев, А.А. Романов); культурологическим взглядам мыслителя (Д. Берестовская, Е.С. Воля, В.Н. Жуков, М.А. Маслин, Н.В. Сторчеус); сравнительному анализу воззрений В.В. Зеньковского и воззрений отечественных педагогов: Н.И. Пирогова (Е.А. Никитская), К.Д. Ушинского (Т.Н. Любан, Н.Л. Шеховская), С.И. Гессена (С.Ю. Дивногорцева, И.А. Есюков, Е.И. Жилиева, Е.В. Кирдяшова, Н.В. Крылова); актуализации идей мыслителя в современном образовании (К.А. Варова, О.С. Лебедева, Т.Н. Любан, С.М. Мальцева, А.П. Шпак и др.).

Пятая группа исследований содержит труды, в которых рассматриваются различные аспекты наследия единомышленников В.В. Зеньковского: Н.Н. Афанасьева (диссертационное исследование М.С. Сеньчуковой и работы по вопросам: биографии ученого (В.В. Александров), богословия (В.В. Александров, прот. В. Боровой, М. Соллогуб и др.)); И.А. Лаговского (биография ученого (А. Иванен, С.Г. Исаков, Н.В. Ликвинцева, Н.А. Струве), педагогические идеи и педагогическая деятельность (Н.В. Ликвинцева); прот. С. Четверикова (биография ученого и его участие в РСХД (Ю. Арбатская, А.К. Клементьев)).

В существующих исследованиях содержание философского, религиозного и педагогического наследия В.В. Зеньковского реконструировалось учеными в качестве концепции духовного воспитания личности (Л.А. Романова), концепции религиозного воспитания (Е.В. Кирдяшова), концепции воспитания целостного человека (Е.А. Глущенко); интерпретировалось как философско-педагогическая концепция (О.В. Попова), педагогическая концепция христианской свободы (О.Т. Ермишин), концепция социального воспитания (Т.В. Складорова), христианско-педагогическая антропология (Т.Н. Любан), философско-педагогическая антропология (Е.В. Петрова), религиозно-философская антропология (А.А. Антоневиц). Исследователями определена специфика антропологического подхода, разработанного ученым (Т.И. Зверева), выявлены и охарактеризованы

антропологические основы педагогических воззрений В.В. Зеньковского (Н.Б. Смирнова).

Несмотря на наличие авторитетных и глубоких исследований, в которых показан вклад В.В. Зеньковского в теорию религиозной педагогики, на сегодняшний день отсутствуют работы, посвященные феномену развития христианско-антропологической концепции воспитания в педагогике Российского Зарубежья. Кроме того, в существующих трудах остается недостаточно изученным педагогическое наследие единомышленников В.В. Зеньковского, которые являлись активными членами Русского студенческого христианского движения: Н.Н. Афанасьева, Л.А. Зандера, И.А. Лаговского, прот. С. Четверикова и А.С. Четвериковой.

Историографический анализ свидетельствует о том, что христианско-антропологическая концепция воспитания в педагогике Российского Зарубежья в 20-50-е гг. XX в. не являлась предметом специального исследования. Между тем, исследование совокупности факторов, обусловивших развитие христианско-антропологической концепции воспитания, отвечает задаче целостной реконструкции христианско-антропологической концепции воспитания в педагогике Российского Зарубежья в 20-50-е гг. XX в.

Следовательно, обоснованно утверждать о наличии сущностных противоречий между:

– необходимостью целостного ретроспективного исследования процесса развития христианско-антропологической концепции воспитания в трудах представителей отечественной религиозно-педагогической мысли и фрагментарным состоянием изученности идей христианской антропологии в контексте проблем воспитания;

– сложившимися тенденциями обращения к отечественному педагогическому наследию при обосновании концептуальных положений воспитания в современных социокультурных контекстах при недостаточном

внимании к научному анализу соответствующих положений, разработанных представителями отечественной религиозно-педагогической мысли;

– потребностью в актуализации потенциала, а также в выявлении возможностей влияния христианско-антропологических идей на развитие современной теории и практики воспитания и дефицитом историко-педагогической рефлексии соответствующих положений.

Необходимость разрешения указанных противоречий явилась основанием для формулирования **проблемы исследования**, заключающейся в выявлении особенностей развития христианско-антропологической концепции воспитания в педагогике Российского Зарубежья в 20-50-е гг. XX в.

Актуальность и значимость рассматриваемой проблемы, а также необходимость разрешения выявленных противоречий обусловили выбор темы диссертационного исследования: «Развитие христианско-антропологической концепции воспитания в педагогике Российского Зарубежья в 20-50-е гг. XX в.».

Объект исследования – религиозно-педагогическое наследие Российского Зарубежья.

Предмет исследования – принципы и виды воспитания в русле христианско-антропологической концепции в педагогике Российского Зарубежья рассматриваемого периода.

Цель исследования – историко-педагогическая реконструкция христианско-антропологической концепции воспитания в педагогике Российского Зарубежья в 20-50-е гг. XX в.

Задачи исследования:

1. Охарактеризовать современные представления о христианско-антропологической идее воспитания и обосновать ее научно-педагогический потенциал для решения актуальных задач воспитания растущего человека.

2. Выявить идеи христианской антропологии в философско-педагогических трудах старших славянофилов и установить преемственность этих идей с основными положениями христианско-антропологической концепции воспитания в педагогике Российского Зарубежья.

3. Определить социокультурные предпосылки развития христианско-антропологической концепции воспитания в педагогике Российского Зарубежья в 20-50-е гг. XX в.

4. Раскрыть сущность принципов воспитания и выявить назначение видов воспитания в русле христианско-антропологической идеи в педагогике Российского Зарубежья в рассматриваемый период.

5. Обосновать значение православно-культурной среды воспитания в организации деятельности православно-ориентированной школы.

Теоретико-методологическую основу исследования составили:

– методологические аспекты историко-педагогических исследований (В.Г. Безрогов, С.В. Бобрышов, М.В. Богуславский, И.Д. Лельчицкий, В.К. Пичугина, З.И. Равкин и др.);

– комплекс теоретических подходов к историко-педагогическому познанию: цивилизационно-парадигмальный (М.В. Богуславский, И.А. Колесникова, Г.Б. Корнетов); антропологический (В.Г. Безрогов, Б.М. Бим-Бад, Г.Б. Корнетов, В.К. Пичугина); аксиологический (М.В. Богуславский, З.И. Равкин);

– вопросы методологии исследования педагогических концепций, выявления их структуры (С.В. Бобрышов, Е.В. Яковлев, Н.О. Яковлева);

– научно-исследовательские работы, в которых идеи христианской антропологии рассматриваются в контексте проблемы воспитания (архимандрит Георгий (Шестун), С.Ю. Дивногорцева, М.В. Захарченко, прот. С. Коротких, В.М. Меньшиков, А.А. Остапенко, Т.В. Склярова и др.).

Специфика цели и предмета исследования обусловили необходимость использования как общенаучных, так и специальных историко-педагогических **методов исследования**. К первым относятся: теоретический анализ философской, педагогической, религиозно-педагогической научной литературы; обобщение; сравнение; систематизация; абстрагирование; интерпретация.

Вторая группа включает методы:

– историко-структурный – выявление и обоснование основных системообразующих элементов христианско-антропологической концепции воспитания;

– конструктивно-генетический – определение социокультурных предпосылок христианско-антропологической концепции воспитания в педагогике Российского Зарубежья в 20-50-е гг. XX в.; исследование генезиса принципа индивидуальности в педагогическом наследии В.В. Зеньковского, а также генезиса проблемы национального воспитания в изменяющихся условиях Российского Зарубежья в исследуемый период в трактовке В.В. Зеньковского и его единомышленников;

– историко-герменевтический – интерпретация понятий и идей, содержащихся в текстах старших славянофилов, В.В. Зеньковского и его единомышленников;

– историко-компаративистский – сравнение и сопоставление основных положений христианско-антропологической концепции воспитания, которые формировались в 30-50-е гг. XIX в. (в трудах старших славянофилов) и в период развития концепции в условиях эмиграции в 20-50-е гг. XX в. (в трудах В.В. Зеньковского и его единомышленников).

Источниками исследования являются:

– философско-педагогические труды В.В. Зеньковского («Дар свободы», «На пороге зрелости», «Основы православной педагогики», «Психология детства», «Русские мыслители и Европа. Критика европейской культуры у русских мыслителей», «Проблемы воспитания в свете христианской антропологии», «Педагогика», «Русская педагогика в XX веке», «История русской философии», «Христианская философия», «Церковь и школа» и др.) и прот. С. Четверикова («К вопросу о религиозном воспитании и образовании заграничной русской молодежи», «Путь чистоты: Из бесед пастыря-законоучителя»);

– статьи В.В. Зеньковского и его единомышленников по религиозно-педагогической тематике, опубликованные в периодических изданиях в эмиграции

(«Бюллетень религиозно-педагогического кабинета», «Бюллетень религиозно-педагогической работы с православной молодежью», «Вестник Педагогического бюро по делам средней и низшей школы за границей», «Вопросы религиозного воспитания и образования», «Вестник: Орган Русского студенческого христианского движения», «Вестник Русского студенческого христианского движения», «Вестник Русского студенческого христианского движения в Западной Европе», «Духовный мир студенчества», «Путь», «Православная мысль», «Русская школа», «Русская школа за рубежом», «Современные записки»), а также в сборниках статей («Православие и культура», «Дети эмиграции» и др.);

– протоколы педагогических совещаний, проводимых Педагогическим Бюро по делам средней и низшей русской школы за границей и Религиозно-педагогическим Кабинетом; отчеты и воспоминания членов Русского студенческого христианского движения о съездах, тезисы докладов;

– мемуарное наследие В.В. Зеньковского; автобиографии В.В. Зеньковского и прот. С. Четверикова; эпистолярное наследие В.В. Зеньковского (письма к прот. С. Булгакову, Д.И. Чижевскому), И.А. Лаговского (письма к Б.П. Вышеславцеву, И.В. Морозову) и прот. С. Четверикова (письма к Н.А. Бердяеву, митр. Евлогию (Георгиевскому)); воспоминания и свидетельства современников о жизни и деятельности В.В. Зеньковского (С.С. Верховской, Марита Р. Гизетти, Б. Зайцев, Н.М. Зёрнов, прот. А. Князев, И.В. Морозов, Н.К. Рауш, Н.А. Струве, прот. В. Юрьев) и его единомышленников: Н.Н. Афанасьева (архимандрит Александр (Семенов-Тян-Шанский), А.Н. Афанасьев, М.Н. Афанасьева, прот. А. Шмеман); Л.А. Зандера (архиепископ Иоанн (Шаховской) В.В. Вейдле, И.Н. Горяинова, В.Н. Ильин, прот. А. Киселев, прот. А. Князев, прот. И. Мейендорф, И.В. Морозов); И.А. Лаговского (Т.П. Милютина); прот. С. Четверикова (В.В. Зеньковский); А.С. Четвериковой (Н.А. Струве).

Результаты, полученные соискателем, и их научная новизна:

– охарактеризованы современные представления, в которых христианско-антропологическая идея воспитания является: 1) формой научно-педагогического

познания; 2) средством обобщения научно-педагогического знания о становлении и развитии человека в соответствии с пониманием его природы и смысла жизни в христианском учении; 3) методологическим ориентиром разработки категорий теории воспитания в русле православной педагогики;

– обоснован научно-педагогический потенциал христианско-антропологической идеи воспитания для решения современных задач воспитания растущего человека, заключающийся: 1) в осмыслении устоявшихся научных категорий теории воспитания; 2) в обосновании средств воспитания, направленных на формирование у молодого поколения российских традиционных духовно-нравственных ценностей; 3) в уточнении и дополнении методологических основ осмысления и обогащения историко-педагогического знания в русле православной педагогики; 4) в совершенствовании практики воспитания в православно-ориентированных образовательных организациях и общественных движениях, непосредственно связанных с Русской Православной Церковью;

– выявлены идеи христианской антропологии в наследии старших славянофилов: о сотворении человека по образу Божию; о поврежденности природы человека вследствие грехопадения; о свободе, дарованной Богом человеку; об иерархическом устройении человека и приоритете духовного начала в нем; о невозможности спасения человека вне Церкви;

– установлена преемственность идей христианской антропологии, представленных в трудах старших славянофилов, с положениями христианско-антропологической концепции воспитания в педагогике Российского Зарубежья. Эта преемственность проявляется: в целостном подходе к воспитанию; в признании приоритета духовного начала в человеке и ценности духовной свободы; в обусловленности духовного развития процессом воцерковления личности; в соборности как концепте воспитания;

– определены социокультурные предпосылки развития христианско-антропологической концепции воспитания в педагогике Российского Зарубежья в 20-50-е гг. XX в.: необходимость национального воспитания детей и подростков в

условиях эмиграции при возрастающем «давлении» иной культуры и денационализации; стремление эмигрантов к национально-культурному единству и сохранению национальной идентичности; возникновение общественно-педагогического движения и его активная деятельность на обширной территории рассеяния; потребность в разработке направлений педагогической науки, способных отвечать задачам воспитания в инокультурной среде; духовное возрождение, рост роли Православной Церкви в эмигрантском сообществе; антирелигиозная пропаганда в Советской России; мессианские устремления эмигрантов в служении будущей России и раскрытии Западу русской культуры; поддержка, оказываемая эмигрантам со стороны христианских организаций и фондов, обмен опытом;

– осуществлена историко-педагогическая реконструкция христианско-антропологической концепции воспитания в педагогике Российского Зарубежья в 20-50-е гг. XX в. Элементами концепции, базирующейся на идее о воспитании как пути к восстановлению целостности в человеке, являются: 1. Цель воспитания: духовное возрастание человека, раскрытие в нем образа Божия, обретение духовной свободы. 2. Принципы воспитания: признания образа Божия началом личности, христоцентричности, иерархии задач воспитания, целостности, свободы, индивидуальности; воцерковления, соборности. 3. Виды воспитания: религиозное, интеллектуальное, физическое, моральное, эстетическое, половое, социальное, национальное. 4. Православно-культурная среда воспитания;

– раскрыта сущность принципов воспитания в русле христианско-антропологической идеи в педагогике Российского Зарубежья в рассматриваемый период. Сущность принципа признания образа Божия началом личности заключается в его направленности на осуществление воспитателем педагогического влияния на ребенка, основанного на его вере в возможность преображения человека, освобождения его от греха, на познание ребенком себя как творения Божия. Сущность принципа христоцентричности заключается в том, что он ориентирует воспитателя на со-помощь ребенку в его общении со Христом,

которое выступает основополагающим условием развития осознанной духовной жизни человека. Сущность принципа иерархии задач воспитания заключается в его направленности на учет воспитателем во взаимодействии с развивающимся ребенком приоритета духовной сферы человека над психофизической. Сущность принципа целостности заключается в том, что он ориентирует воспитателя на согласуемое с целью спасения человека разностороннее развитие ребенка. Сущность принципа свободы заключается в его направленности на раскрытие воспитателем в ребенке дара свободы на основе сознательного выбора добра. Сущность принципа индивидуальности заключается в его направленности на индивидуальное духовное развитие ребенка, на раскрытие своеобразия каждой личности. Сущность принципа воцерковления заключается в том, что он ориентирует воспитателя на содействие развитию духовной жизни ребенка, освящаемой благодатью Церкви. Сущность принципа соборности заключается в его направленности на преодоление ребенком эгоизма и самообособления через соборное единение членов Церкви;

– выявлено назначение видов воспитания. Назначением религиозного воспитания является содействие вхождению ребенка в литургическую жизнь Церкви, в развитии его духовной сферы. Назначением интеллектуального воспитания – формирование целостного христианского мировоззрения, активизация интеллектуальной и творческой деятельности. Назначением физического воспитания – укрепление тела в соответствии с принципом иерархии задач воспитания, формирование «религиозной культуры тела». Назначением морального воспитания – содействие в обретении человеком духовной свободы, в его нравственном самоопределении. Назначением эстетического воспитания – приобщение ребенка к духовно-нравственным ценностям через искусство. Назначением полового воспитания – формирование у растущего человека навыков саморегуляции и сохранения физической чистоты на основе осознанного отношения к проблеме пола. Назначением социального воспитания – преодоление в ребенке эгоизма, развитие социальной отзывчивости, раскрытие социальной стороны его духовной жизни. Назначением национального воспитания –

пробуждение в ребенке чувства любви к Родине, содействие духовному осмыслению и воплощению в жизнь идеи служения Родине;

– обосновано значение православно-культурной среды воспитания в организации деятельности православно-ориентированной школы. Православно-культурная среда воспитания как совокупность условий повседневной жизнедеятельности растущего человека способствует его духовному становлению и развитию, формированию целостного христианского мировоззрения, приобщению к духовно-нравственным ценностям в сообществе людей, непосредственно и опосредованно принимающих участие в воспитательном процессе, исповедующих православие, объединенных вокруг Церкви и созидающих православную культуру; обеспечивает в рамках взаимодействия школы, семьи и Церкви единство педагогического влияния на духовную сферу растущего человека.

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что оно способствует решению научной задачи историко-педагогической реконструкции христианско-антропологической концепции воспитания. Сформулированные положения, характеризующие христианско-антропологическую идею воспитания как современную научно-педагогическую проблему, установленная преемственность идей христианской антропологии в наследии старших славянофилов с основными положениями христианско-антропологической концепции воспитания в педагогике Российского Зарубежья уточняют и дополняют существующие представления о тенденциях развития реконструируемой концепции. Установленные предпосылки развития христианско-антропологической концепции воспитания в рассматриваемый период подтверждают сложившиеся в педагогической науке положения о социокультурной обусловленности теории и практики воспитания. Целостное и системное представление о вкладе В.В. Зеньковского и его единомышленников в обоснование христианско-антропологической концепции воспитания расширяет возможности для исследования практики воспитания в Российском Зарубежье. Приведены доказательства того, что раскрытие сущности принципов и выявление

назначения видов воспитания в русле христианско-антропологической идеи в педагогике Российского Зарубежья, а также обоснование значения православно-культурной среды воспитания в организации деятельности православно-ориентированной школы способствует актуализации и использованию потенциала реконструируемой концепции в современных условиях.

Практическая значимость исследования христианско-антропологической концепции воспитания в педагогике Российского Зарубежья в 20-50-е гг. XX в. заключается в том, что оно направлено на совершенствование педагогической деятельности образовательных организаций и общественных движений, по преимуществу православно-ориентированных, а также форм религиозно-педагогической работы с молодежью, осуществляемых непосредственно Русской Православной Церковью. Результаты исследования могут быть востребованы при решении актуальных практических задач воспитания молодого поколения: их духовно-нравственного развития, приобщения к традиционным духовно-нравственным ценностям, формирования общероссийской гражданской идентичности. Материалы исследования могут быть использованы при обосновании методологических подходов организации взаимодействия семьи и образовательных организаций в воспитании детей и подростков.

Основные положения и выводы, содержащиеся в диссертации, могут быть использованы в учебном процессе образовательных учреждений, реализующих педагогические направления подготовки:

- для составления учебных программ и формирования содержания соответствующих лекций и семинаров по педагогике, истории образования и педагогической мысли;

- при формировании и реализации программ по направлениям подготовки: «Педагогическое образование», «Психолого-педагогическое образование», «Педагогическое образование (с двумя профилями подготовки)»;

– при разработке программ повышения квалификации преподавателей предметных областей «Основы религиозных культур и светской этики», «Основы духовно-нравственной культуры народов России».

Этапы исследования:

Первый этап (2019-2020 гг.) – определение источниковой базы исследования; анализ, синтез, классификация и периодизация материалов; разработка теоретических и методологических основ исследования.

Второй этап (2021-2022 гг.) – разработка основных положений исследования в соответствии с поставленными задачами; систематизация материала.

Третий этап (2023-2024 гг.) – формулирование научно-теоретических обобщений; осуществление подготовки диссертационной работы; оформление результатов исследования.

Положения, выносимые на защиту:

1. В настоящее время осуществляется процесс актуализации потенциала христианско-антропологической идеи воспитания. Положения христианской (православной) антропологии рассматриваются в качестве: методологической платформы для развития теории и практики современной православной педагогики; мировоззренческого компонента православной педагогической культуры; ценностно-смысловых ориентиров проектирования образовательной среды.

2. Идеи христианской антропологии получили развитие в отечественной философско-педагогической мысли в 30-50-х гг. XIX в. в трудах философов-славянофилов старшего поколения (А.С. Хомяков, И.В. Киреевский, К.С. Аксаков и Ю.Ф. Самарин). Ключевой для мыслителей являлась проблема воспитания целостного человека, решение которой, по их убеждению, необходимо осуществлять в русле христианского учения о человеке. Стратегия ученых в обосновании сущностных основ воспитания базируется на стремлении к объединению философии и религии, а также к созиданию культуры, внутренне связанной с Церковью. Преемство В.В. Зеньковским и его единомышленниками (Н.Н. Афанасьев, Л.А. Зандер, И.А. Лаговский, прот. С. Четвериков, А.С.

Четверикова и др.) этой стратегии выразилось в обосновании и реализации ими идеи целостного синтеза науки и религии и идеи православной культуры, что обусловило развитие христианско-антропологической концепции воспитания в педагогике Российского Зарубежья в 20-50-е гг. XX в.

3. Христианско-антропологическая концепция воспитания в педагогике Российского Зарубежья развивалась под влиянием комплекса социокультурных факторов. Стремление эмигрантов к национально-культурному единству и сохранению национальной идентичности обусловило формирование национального образовательного пространства, и, как следствие, возникла потребность в научно-педагогическом обосновании приоритетов воспитания в инокультурной среде. Ответом на давление иной культуры стало духовное возрождение в эмигрантском сообществе, возросшая роль Православной Церкви, мессианские устремления эмигрантов в служении будущей России и раскрытии Западу русской культуры. На фоне антирелигиозной пропаганды в Советской России научно-педагогические построения ученых носили апологетический характер. Сплочение единомышленников В.В. Зеньковского вокруг Русского студенческого христианского движения, деятельность которого поддерживалась со стороны христианских организаций и фондов, положило начало религиозно-педагогической и социальной работе с подрастающим поколением в эмиграции, обеспечив тесную связь теоретических построений ученых с практикой воспитания. В изменяющихся социокультурных условиях В.В. Зеньковским и его единомышленниками осуществлялась последовательная разработка отдельных элементов концепции, что, в сущности, представляло собой процесс актуализации потенциала христианского учения о человеке для педагогики на новом историческом этапе.

4. Идеи христианской антропологии (идея сотворения человека по образу Божию; идея поврежденности природы человека вследствие грехопадения; идея об иерархическом устройстве человека и приоритете духовного начала в нем; идея дарованной Богом человеку свободы; идея о невозможности спасения человека вне Церкви) стали методологической платформой историко-педагогической

реконструкции христианско-антропологической концепции воспитания, которая осуществляется в логике определения: а) идеи концепции – воспитание есть «путь к восстановлению целостности в человеке»; б) цели воспитания; в) принципов воспитания; г) видов воспитания; д) православно-культурной среды воспитания.

5. Православно-культурная среда православно-ориентированной школы характеризуется следующими чертами: уклад школьной жизни, основанный на православной традиции; доверительный характер отношений между участниками образовательного процесса; обеспечение связи преподаваемых научных знаний с духовно-нравственными ценностями; взаимосвязь религиозного воспитания и религиозного обучения; согласованность влияний семьи и школы на личность ребенка; роль Церкви как духовного центра православно-культурной среды воспитания; взаимодействие Церкви, семьи, школы, внешкольных организаций в образовании детей; активное участие православных мирян в организации православно-культурной среды воспитания.

Достоверность результатов исследования обеспечивается методологической обоснованностью исходных положений; комплексностью методов научно-педагогического исследования, соответствующих его объекту, предмету и задачам; использованием широкого круга различных источников.

Апробация результатов исследования. Основные положения диссертационного исследования обсуждались на кафедре «Социальная работа и педагогика» Института педагогического образования и социальных технологий Тверского государственного университета. По теме исследования опубликовано 13 работ общим объемом 7,28 п.л., в т.ч. 7 статей (5,35 п.л.) в изданиях, входящих в перечень ВАК при Минобрнауки России.

Результаты исследования представлены на Международной научно-практической конференции «Традиции и новации в профессиональной подготовке и деятельности педагога» (Тверь, Институт педагогического образования и социальных технологий Тверского государственного университета, 2020 г., 2022 г.); XII Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Молодежь и государство: научно-методологические, социально-

педагогические и психологические аспекты развития современного образования» (Тверь, Институт педагогического образования и социальных технологий Тверского государственного университета, 2022 г.); Международной научно-практической конференции - XXXV сессии Научного совета Российской академии образования по проблемам истории образования и педагогической науки при отделении философии образования и теоретической педагогики «Образовательные системы и среды: историко-педагогический дискурс в начале XXI века» (Вологда, Вологодский государственный университет, 2022 г.), VI Международной научно-практической конференции «Христианство и педагогика: история и современность» (Пенза, Пензенская духовная семинария, 2022 г.); Международной научно-практической конференции - XXXVI сессии Научного совета Российской академии образования по проблемам истории образования и педагогической науки при отделении философии образования и теоретической педагогики «Реализация идейного потенциала историко-педагогического знания в контексте современной образовательной политики» (Оренбург, Оренбургский государственный педагогический университет, 2023 г.).

Основные положения и результаты диссертационного исследования применялись при чтении лекции на курсе «Педагогика» в Институте педагогического образования и социальных технологий Тверского государственного университета.

Соответствие паспорту научной специальности.

Диссертация «Развитие христианско-антропологической концепции воспитания в педагогике Российского Зарубежья в 20-50-е гг. XX в.» соответствует Паспорту научной специальности 5.8.1. Общая педагогика, история педагогики и образования: П.8. Исследования педагогического наследия выдающихся ученых и педагогов-практиков; П.26. Теории и концепции развития, воспитания и социализации. Социокультурная и личностная обусловленность воспитания. Взаимосвязь воспитания личности и развития коллектива (сообщества); П.28. Теория и практика организации воспитательного процесса в образовательных организациях различных типов, по различным уровням образования; П.32.

Педагогические исследования воспитательных и социокультурных практик, детских и молодежных общественных движений и объединений.

Структура диссертационной работы соответствует логике исследования, включает введение, две главы, заключение, список сокращений и условных обозначений, список литературы (166 наименований). Общий объем диссертации составляет 176 страниц.

Глава 1. Теоретические основы и социокультурные предпосылки христианско-антропологической концепции воспитания в отечественной педагогике

1.1. Христианско-антропологическая идея воспитания как научно-педагогическая проблема в трудах современных исследователей

Понятие «антропология» состоит из двух греческих слов: *άνθρωπος* — человек и *λόγος* — слово, учение, разум. Таким образом, антропология представляет собой учение о человеке. В Новой философской энциклопедии христианская антропология рассматривается как учение христианства о человеке, при этом отмечается, что христианство в своей сущности является антропологичным: «Евангелие Христа есть откровение о человеке, говорящее о природе, судьбе и пути спасения человека» [109, с. 134].

Обращение современных ученых к идеям христианской антропологии в гуманитарных исследованиях актуализирует вопрос о месте христианского учения о человеке в системе научного знания. Лишь малая часть антропологического содержания христианства, как утверждает С.С. Хоружий, заключена в форму стандартно понимаемой антропологии как дескриптивно-научного знания об эмпирическом человеке. В более существенной части, по мнению ученого, это содержание облечено в понятия и форму, которые отвечают дискурсам богословия и аскетики. С точки зрения мыслителя, «состав антропологии христианства предстает трояким: антропология в узком смысле; антропология (под формой) богословия; антропология (в форме) аскетики» [109, с. 135].

По отношению к общенаучной антропологии христианское учение о человеке имеет свою специфику, так как рассматривает человека не только как психофизическое, но в первую очередь как духовное существо. Знание о смысле жизни человека и его предназначении в христианской антропологии формируется через призму проблемы спасения души человека. Можно согласиться с А.А. Корольковым в том, что христианская антропология представляет собой

онтологию идеала и поэтому не может быть построена на эмпирической научной основе [92]. Также и Л.В. Сурова отмечает, что христианская антропология ориентирована на «Нового Человека» - на идеал, который явил Иисус Христос. Следовательно, в изучении духовных феноменов, таких как раскрытие в человеке образа Божия, исцеление поврежденной грехом природы, обретение духовной свободы, важную роль имеют личные свидетельства и опыт подвижников Церкви, что является отличительной особенностью приращения знания в христианской антропологии [140].

Прот. В. Леонов рассматривает христианскую антропологию в качестве богословской дисциплины, «в рамках которой системно излагается богооткровенное учение Церкви о природе и личности человека, его предназначении и принципах существования» [103, с. 12]. Методологическими принципами христианского учения о человеке, по мнению ученого, являются: принцип веры, принцип богооткровенности, принцип целостности, принцип сотериологичности [103].

Содержание христианской антропологии актуально не только в рамках церковной жизни. Потенциал христианского учения о человеке прот. В. Леонов видит в обеспечении связи христианства и культуры, Церкви и общества на основе непреложных ценностей. Роль христианской антропологии в развитии научного знания, особенно в области педагогики и психологии, заключается, с его точки зрения, не в замене или дополнении существующих теорий, а в раскрытии их духовного содержания [103].

В.Г. Безрогов указывал, что с утверждением статуса религиозной антропологии применительно к детскому возрасту появляется возможность поиска путей становления целостной духовной личности [13]. Такой подход является особенно значимым в условиях глобальных вызовов, связанных с обострением в мире ценностных противоречий и угрожающих утрате «человеческого в человеке». Отмеченная В.К. Пичугиной направленность современной педагогической мысли на соотнесение «образовательных и воспитательных воздействий не только с биологической, но и с духовной природой ребенка», как представляется, открывает

возможность для осмысления потенциала христианской антропологии и реализации в современном отечественном образовании задач сохранения и укрепления традиционных духовно-нравственных ценностей [120, с. 11].

О востребованности идей христианской антропологии в современной педагогической науке свидетельствуют исследования последних десятилетий. Современные ученые (архимандрит Георгий (Шестун), С.Ю. Дивногорцева, М.В. Захарченко, А.А. Корольков, прот. С. Коротких, прот. В. Леонов, В.М. Меньшиков, Н.Ю. Налетова, А.А. Остапенко, Т.В. Склярва, В.И. Слободчиков, С.Л. Сулова, О.Л. Янушкявичене и др.) обращаются к положениям христианского учения о человеке, рассматривая его в качестве мировоззренческой основы православной педагогики. Так, по мнению Т.В. Склярвой, православная педагогика основывается на концепции православной антропологии, которая включает в себя: учение о человеке как образе и подобии Божиим; особое понимание свободы человеческой личности; проблему зла и греха в человеке; определение назначения человека и цели человеческой жизни [135].

В работах С.Ю. Дивногорцевой православная антропология выступает в качестве методологической и аксиологической основы православной педагогической культуры. Исследователем выделены следующие положения православной антропологии, детерминирующие интерпретацию основных педагогических категорий и особенности организации педагогической деятельности: понимание человека как образа и подобия Божиего; представления о его телесной, душевной и духовной жизни; первичность опыта богообщения личности; экзистенциальная вовлеченность и сотериологическая устремленность личности [27].

В.М. Меньшиков выделяет в качестве одного из ведущих направлений современной православной педагогики антропологическое направление, посвященное изучению человека и процесса его развития. В целостной модели человека его происхождение, устройство, цель и назначение жизни определяются в соответствии с основными идеями православной антропологии, вследствие чего духовная сфера человека рассматривается как основополагающая [105].

Христианская антропология в понимании Н.Ю. Налетовой представляет собой методологический подход в исследовании сущностных оснований отечественной православной педагогической теории и практики. Ключевые идеи христианского учения о человеке, с точки зрения исследователя, обуславливают ценностные ориентации педагогической теории христианства и являются основой педагогического опыта Русской Православной Церкви [108]. Ученый связывает потенциал данной антропологической стратегии с целостным подходом к личности человека. Характер педагогической деятельности в соответствии с данной стратегией, по мнению исследователя, обусловлен положениями:

- о приоритете в человеке духовного начала над биосоциальным (приоритетной педагогической задачей является духовно-нравственное развитие личности);
- о целеполагании педагогической деятельности (педагогическая деятельность направлена на спасение души человека);
- об организации педагогической деятельности (воспитание и обучение являются средствами развития духовных качеств человека и Богопознания);
- о субъектах педагогической деятельности (Церковь имеет приоритетную роль в педагогической деятельности, понимаемой в христианстве как воцерковление) [107].

Данные исследования направлены на изучение отечественной теории и практики воспитания, базирующихся на идеях христианской антропологии, связаны с актуализацией этих идей в современной педагогической мысли, способствуют уточнению и дополнению историко-педагогического знания в области православной педагогики.

В русле цивилизационного подхода архимандрит Георгий (Шестун) и М.В. Захарченко исследовали антропологический идеал русской цивилизации, выработанный на основе христианского Благовестия. Ученые призывали «вернуться в Россию» и понимали миссию образования как создание условий для воспитания человека - носителя антропологического идеала русской цивилизации,

смысл жизни которого, по мнению мыслителей, заключается в служении Богу, ближнему и Отечеству; вечная жизнь для него является живой реальностью [165]. Утверждение архимандрита Георгия (Шестуна) о том, что «воспитание в православной традиции понимается как спасение» раскрывает смысл христианско-антропологической идеи воспитания [166, с. 342]. В соответствии с этой идеей, воспитание должно отвечать главной цели жизни христианина – спасению души, которой, согласно христианскому учению о человеке, невозможно достичь вне Церкви. Исходя из этого понимания, воспитание рассматривается ученым как процесс воцерковления личности, освящения светом веры всей жизни человека [166]. Роль православной традиции в воспитании обусловлена, с точки зрения архимандрита Георгия (Шестуна), значимостью влияния Православной Церкви на историческую судьбу русского народа. Проблему сочетания тысячелетней православной традиции России с государственным, народным и национальным воспитанием и образованием ученый считал приоритетной научно-педагогической проблемой последних двух столетий в России [166]. На основе этого понимания можно заключить, что христианско-антропологическая идея воспитания органично связана с отечественной культурно-исторической традицией.

Применительно к этой же проблематике протоиереем С. Коротких осуществляется разработка и обоснование христианско-антропологической модели образования, укорененной в традициях православия. Человек рассматривается исследователем на основе христианского учения с ракурсов антропологии, аксиологии и эkkлесиологии. Значение этой модели для современного отечественного образования ученый видит в раскрытии национального воспитательного идеала и в выявлении содержания базовых национальных ценностей [93].

Труды современных ученых свидетельствуют о высоком научно-педагогическом потенциале христианской антропологии, раскрытие которого связывается с междисциплинарным подходом. В.И. Слободчиков рассматривает христианскую антропологию в качестве основы гуманитарно-антропологического

подхода в образовании, в русле которого возможно, по его мнению, объединить научную психологию, педагогику и православное богословие [136].

Т.В. Склярова обосновывает необходимость введения курса православной педагогической антропологии для интеграции в социально-педагогическое высшее образование элементов теологического знания. Ученым предложено содержание курса, включающее в себя: «комплекс теологических положений; антропологические представления о человеческой личности и ее характеристиках; психолого-педагогическую антропологию как учение о физической, психической и духовной жизни человека; требования к специфической организации воспитательного взаимодействия в семье, религиозной школе и общине; структуру религиозных ценностных ориентаций, убеждений и веры в мировоззрении педагога» [135, с. 328]. Введение данной дисциплины, по мнению исследователя, позволит обеспечить взаимосвязь педагогического образования с элементами теологического образования.

Понимание природы и смысла жизни человека в христианском учении определяет специфику разработки современными учеными категорий теории воспитания в православной педагогике. В христианской антропологии природа человека описывается двухчастно и трехчастно (дихотомия и трихотомия). Согласно двухчастному пониманию, природа человека состоит из тела и души. Тело человека относится к вещественному миру, а душа принадлежит к миру невидимому. Дух при этом рассматривается как высшая часть души. В соответствии с трёхчастной моделью человек состоит из тела, души и духа. Необходимо отметить, что в учении Святых Отцов между дихотомией и трихотомией не существует противоречия - в дихотомии дух включен в душу как ее высшая часть.

Посредством обращения к идее христианской антропологии об иерархическом устройстве человека и приоритете духовного начала в нем современные исследователи подходят к определению сущности и цели воспитания. По определению С.Ю. Дивногорцевой, воспитание представляет собой «специально организованный, управляемый и контролируемый процесс

взрачивания, поддержки ребенка и взаимодействия с ним, конечной целью имеющий возрождение, освящение и преобразование личности воспитанника, ее обожение, освобождение от пороков» [27, с. 20]. При этом, как указывает исследователь, в православно-ориентированной педагогике не отрицается возможность всестороннего развития личности. Цель воспитания для вечной жизни, ориентированная на спасение человека, согласуется, с точки зрения С.Ю. Дивногорцевой с целью воспитания для жизни земной, направленной на всестороннее развитие личности при подчинении этого развития духовному становлению [26]. Подобной точки зрения придерживается В.М. Меньшиков. Исследователь определяет категорию воспитания как «целенаправленное формирование человека в соответствии с сущностной идеей человека – идеей «образа Божия» при содействии благодати Божией» [106, с. 58]. Траектория воспитательного процесса обусловлена целью земной жизни человека, состоящей в подготовке к вечной жизни.

В трактовке Т.В. Склярской человек предстает в трех измерениях: в качестве индивида – представителя Homo Sapiens; личности – субъекта жизнедеятельности; а также образа и подобия Божия [135]. Исследователь понимает под формированием личности с позиции православной антропологии телесное, душевное и духовное становление человека при авторитете духовного начала. Дух, по ее словам, является тем стержнем, без которого целостная личность не может быть сформирована [134]. В этой связи, как указывает Т.В. Склярская, задача обретения человеком целостности выходит за рамки человеческих усилий и может быть достигнута только в соработничестве Богу. Понимание ученого отражает христианско-антропологическую идею о поврежденности природы человека вследствие грехопадения. Восстановление целостности человека в контексте этой идеи понимается как исцеление поврежденной природы.

С точки зрения прот. С. Коротких соподчиненность души и тела духу является неотъемлемым «условием сохранения гармонии в естестве человека» [93, с. 40]. Идея об иерархическом устройстве человека обуславливает для мыслителя ориентацию на формирование у растущего человека духовных

ценностей. Воспитание в его понимании представляет собой «развитие жизненных сил, онтологического потенциала в человеке в парадигме христианских педагогических принципов и библейской системы ценностей, полагаемой воспитанниками в основу их личной жизнедеятельности» [93, с. 39]. Этому подходу близок взгляд архимандрита Георгия (Шестуна) о том, что у человека существует два плана самосознания: «эмпирическое Я» и «высшее Я». Первый план самосознания связан с психологическими характеристиками личности, второй – с полнотой возможностей, которые может раскрыть человек в течение своего жизненного пути. Ценностное содержание развития личности определяет, по словам ученого, «отношение между эмпирическим Я и высшим Я» [166, с. 342].

На основе проведенного анализа можно сделать вывод о том, что формулировки сущности и цели воспитания на основе христианско-антропологической идеи отражают целостность и структурность природы человека. Применительно к понятию личности современные исследователи указывают на процессы «становления», «преобразования» и «развития». Архимандритом Георгием (Шестуном) дается следующая аргументация: «Воцерковить - это значит преодолеть разлад между мыслью и чувством, плотью и духом, знанием и верой, обрести полноту бытия в мире материальном и мире духовном; не исправлять и формировать, а освящать и преображать личность в духе истины и любви» [166, с. 27].

Развивая идеи архимандрита Георгия (Шестуна), А.А. Остапенко рассматривает соотношение процессов становления, развития и формирования человека через призму различий между духовной и душевной составляющей природы человека в православной антропологии. Используя метафоры «вертикаль духовного становления» и «горизонт душевного развития», ученый тем самым обозначает направления воспитательного влияния на растущего человека. В понимании мыслителя процесс духовного становления как восхождения человека к совершенству посредством преодоления нравственного релятивизма и освобождения от власти греха является однонаправленным и представляет ось, устремлённую к Богу. Процесс душевного развития определяется А.А. Остапенко

как многовекторное расширение в горизонтальной плоскости душевных сил человека, соответствующих трёхчастной структуре души в православной антропологии: разума, чувств и воли. Формирование человека в трактовке ученого является организованным процессом внешнего педагогического влияния на душевную составляющую человека с целью уравнивания стихийного процесса развития [115]. Данный подход, основанный на православной антропологии, позволяет с точки зрения мыслителя, создать пространство диалога между православно-ориентированной со-образной педагогикой и другими направлениями педагогической науки. Можно заключить, что христианско-антропологическая идея воспитания обладает богатым научно-педагогическим потенциалом в осмыслении устоявшихся категорий теории воспитания.

Понимание человека как существа с триединой духовно-душевно-телесной природой, устроенной иерархически, содержится в проекте Концепции воспитания человека в Российской Федерации. Процессы формирования, развития и становления человека охватывают его в целостности духа, души и тела, что определяет с точки зрения разработчиков этой Концепции (В.И. Слободчиков, А.А. Остапенко, Т.В. Черникова, И.И. Бурлакова и др.) ориентиры воспитательного влияния на человека в следующих его измерениях: жизнеспособный индивид, субъект собственной жизни и деятельности, личность при встрече с Другими, индивидуальность перед Богом [90]. Антропологическая практика воспитания направлена на раскрытие в человеке «внутреннего потенциала Идеального образа» и связана с государственно-общественной практикой воспитания и с практикой культурно-исторического наследия [90, с. 17]. Следовательно, процесс воспитания рассматривается учеными как непосредственно связанный с укреплением и сохранением традиционных российских духовно-нравственных ценностей в актуальном социокультурном контексте.

На основе идей христианской антропологии исследователи выделяют виды, направления, типы и уровни в структуре воспитания. Направленность воспитания на развитие духовной жизни ребенка на основе идеи о приоритете духовного начала в человеке согласуется с задачами развития задатков ребенка. Исходя из

понимания, что развитие охватывает всю природу человека (тело, ум, чувство, волю и дух) архимандритом Георгием (Шестуном) были обоснованы следующие виды воспитания: физическое, умственное, эстетическое, духовно-нравственное и религиозное [166].

В целостной системе воспитания В.М. Меньшиков выделяет следующие виды воспитания: духовное, нравственное, социальное, гражданское, правовое, семейное, экологическое. Опора на ценности православной культуры в содержании воспитания и приоритетная роль духовно-нравственного воспитания, выступающего, по мнению ученого, аксиологической и мотивационно-смысловой основой воспитательного процесса, являются неотъемлемыми условиями обеспечения взаимосвязи перечисленных видов воспитания [105].

В трактовке С.Ю. Дивногорцевой содержание православного воспитания включает в себя три направления: духовное (или религиозное как синонимы в православной педагогической культуре); нравственное (включающее интеллектуальное, гражданско-патриотическое, трудовое, эстетическое воспитание); воспитание тела, физической культуры [29]. Под религиозно-нравственным воспитанием исследователь понимает объединение двух направлений – духовного и нравственного.

Можно заключить, что развитие всех сторон человека рассматривается исследователями как условие обретения им целостности, но приоритетным условием является соподчиненность этого развития духовному становлению человека. Выделенные учеными направления воспитания задают ориентиры педагогического влияния на растущего человека в соответствии с целью воспитания – спасения его души, исходя из чего обоснование этих направлений связано с осмыслением их духовной составляющей.

В исследовании процесса духовного становления личности, архимандритом Георгием (Шестуном) были обоснованы два основных типа единой модели православного воспитания: ветхозаветный и новозаветный. Взаимосвязь этих двух типов ученый определил как сочетание закона и благодати: «закон очеловечивает, любовь обоживает» [166, с. 95]. В христианской педагогике мыслитель выделял

внешнее и внутреннее образование и понимал их как взаимно дополняющие друг друга процессы социализации и духовно-нравственного становления человека, реализуемые соответственно за счет обучения и воспитания. Ученый показал, что усвоение растущим человеком социальных и культурных норм должно уравниваться пробуждением и развитием у человека личностного начала, его устремленностью к Богу. Исходя из этого, можно предположить, что в логике христианско-антропологической идеи педагогическое влияние должно быть направлено на помощь ребенку в согласовании приобретаемого им опыта внутренней духовной жизни и его отражением во «внешней» жизни в поведении и отношениях с людьми.

Т.В. СклЯрова и С.Ю. Дивногорцева в своих трудах обращались к проблеме взаимосвязи обучения и воспитания человека в контексте его духовного становления. Характеризуя специфику православного воспитания, Т.В. СклЯрова обосновала его двухуровневую структуру. Первый уровень является рациональным, второй - духовным (мистическим). Рациональный уровень состоит из компонентов: информационного, нравственного научения и деятельностного. Духовный уровень включает в себя подготовку и участие в церковных таинствах, церковную и домашнюю молитву, покаяние, воспитание чувства благоговения и почитания святынь [134].

С.Ю. Дивногорцевой на основе православной антропологии были выделены уровни религиозно-нравственного воспитания: сакральный, знаниевый, нравственно-ориентированный. Для каждого уровня автором определены средства его организации. Сакральный уровень характеризуется невербализуемым знанием, которое передается воспитаннику путем предоставления возможности приобретения личного опыта христианской жизни через участие в богослужениях и в церковных таинствах. На знаниевом уровне посредством религиозного просвещения воспитанника осуществляется вербализованное педагогическое влияние на интеллектуальную и эмоциональную сферу его личности. Нравственно-ориентированный уровень предполагает более глубокое развитие эмоциональной сферы воспитанника и включает его в социально-милосердную деятельность [27].

Можно отметить схожесть взглядов исследователей относительно структуры православного воспитания.

Т.В. Скляровой был проведен анализ воспитательной деятельности православных педагогических систем Н.Н. Неплюева и С.А. Рачинского в контексте функций социализации, предложенными А.В. Мудриком [134]. Разработанную двухуровневую структуру православного воспитания автор применяет к деятельности религиозных объединений, выделяя рациональную и мистическую ее составляющие. Исследователем дано содержание каждой из функций социализации человека по рассмотренным педагогическим системам: ценностно-ориентационной; сакрально-мистической; регулятивной; ритуализирующей; коммуникативной; воспитательной; компенсаторной; милосердной [134]. Ученым раскрыта значимость задач социализации воспитанника в процессе православного воспитания. Соединение двух уровней воспитания (рационального и духовного) целостно представляет систему православного воспитания, основанного на положениях христианской антропологии.

С выделением двух уровней православного воспитания связано и обозначение исследователями сферы педагогического влияния на воспитанника. Так, Т.В. Склярова подчеркивает, что роль педагога возрастает в силу того, что именно спасение, а не развитие является конечной целью православного воспитания [134]. Таким образом, духовный уровень православного воспитания подразумевает участие ребенка в богослужении и его живое евхаристическое общение с Богом. Исследователь считает, что нарушение иерархии в структуре воспитания (приоритет интеллектуального развития над духовно-нравственным становлением ребенка) приводит к девальвации процесса религиозного воспитания, когда получаемые ребенком знания не соответствуют его духовному опыту [134]. Таким образом, воспитание в русле христианско-антропологической идеи основывается на опыте жизни в Церкви и осуществляется в соработничестве с Богом.

Единство процесса воспитания обеспечивается, по мнению С.Ю. Дивногорцевой, соединенностью трех процессов или направлений воспитания: воспитания человека Богом; самовоспитания; воздействия на человека других людей [27]. Таким образом, институтами воспитания в православной педагогической культуре являются не только семья и школа, но и Церковь, церковное общество. Педагогическая деятельность в этом контексте реализуется в семейном воспитании, церковном просвещении и школьном образовании [28]. Основу воспитательного идеала в педагогической культуре православной семьи представляет, с точки зрения ученого, евангельский закон на началах правды, любви, мира, преданности воли Божией, смирении, человеколюбии. В качестве средств воспитания исследователем рассматриваются традиции православной семьи: ее иерархичность, отеческое попечение, молитвенное общение, пост, участие в жизни Церкви и Её Таинствах [28].

В понимании архимандрита Георгия (Шестуна), семья является основным субъектом образовательного пространства. Православное воспитание в семье осуществляется в синергии Божественной благодати и родительской деятельности и направлено на создание условий, которые способствуют рождению духовной жизни и ее развитию в человеке [166]. Одним из первых современных ученых, разрабатывающих проблему духовно-нравственного становления человека на основе идей христианской антропологии, архимандрит Георгий (Шестун) обратил внимание на потенциал семейного воспитания в приобщении молодого поколения к духовно-нравственным традициям и обеспечении преемственности поколений. В образовательном пространстве, включающем национальное, народное (или государственное) и мировое образование и воспитание, именно семья, по мнению ученого, является системообразующим элементом этой трехуровневой структуры.

Современные исследования, посвященные анализу и проектированию образовательных сред на основе идей христианской антропологии, свидетельствуют о высоком воспитательном потенциале и социальной значимости отношений, характерных для церковного сообщества. Поиск религиозных мировоззренческих оснований функционирования образовательных сред стал

востребован вследствие развития деятельности православно-ориентированных образовательных организаций [95]. Сегодня этот поиск особенно актуален из-за необходимости отвечать на современные вызовы, стоящие перед системой образования и связанные с задачами консолидации общества на основе духовно-нравственных ценностей.

В рамках этой проблематики получает актуальное значение понятие со-бытийной общности, предложенное В.И. Слободчиковым. По мнению исследователя, такая общность является онтологическим основанием возможности возникновения «человеческого в человеке» и развития человека во всей полноте [137, с. 6]. Культивирование базовых способностей человека и обеспечение преемственности традиционных ценностей в образовательной со-бытийной общности составляет, с точки зрения мыслителя, сущность антропологически ориентированного образования. Можно прийти к выводу, что понятие со-бытийной общности близко понятию соборности, развитому в трудах русских религиозных философов, которые выступали с критикой индивидуализма, понимаемого как обособление человека от Бога и от людей. Таким образом, положения православной антропологии представляют аксиологическую основу в обосновании ресурса среды обучения и воспитания для духовного становления человека и укрепления общества.

Формирование системы отношений в со-бытийной образовательной общности напрямую связано с культивируемыми в ней ценностями. В качестве структурных компонентов пространства культуры отношений – элементов становления воспитательной среды православного образовательного учреждения Ю.Д. Куликов выделяет следующие: пространство культуры богочеловеческих отношений, пространство культуры человеческих отношений; пространство культуры отношений человека с окружающим миром [95].

Ценностно-смысловой компонент со-бытийной общности, с точки зрения исследователя, основывается на христианском учении о Троице, христианской антропологии и представлениях о мире [96]. Ценностное наполнение, разделяемое субъектами образовательного процесса, является, по мнению прот. Г. Егорова,

критерием идеальной образовательной среды. Синергический эффект, возникающий в модуле служения, создает ценностно-однородную событийную общность и способствует развитию всех участников образовательного процесса. Модуль служения задает вектор любви не к себе, а к другому [31]. Таким образом, приобщение участников событийной общности к христианским ценностям осуществляется в процессе их непосредственного взаимодействия, ценности не насаждаются извне. Следовательно, обогащение взаимоотношений внутри общности происходит как следствие духовного восхождения каждого из ее участников, в процессе которого человек преодолевает собственный эгоизм.

В христианско-антропологической модели образования, обоснованной прот. С. Коротких, ценностные ориентации участников образовательного процесса, формируемые на основании евангельских истин, определяют модель результатов образовательной деятельности, которая выражается в качествах личности обучающихся: «православный христианин, заботливый семьянин, ответственный и образованный гражданин» [93, с. 47]. Эти идеалы рассматриваются ученым в качестве базовых для создания уклада жизни образовательных организаций, способствующему духовно-нравственному развитию и воспитанию подрастающего поколения [93]. Условиями формирования и полноценного функционирования такого пространства мыслитель считает взаимодействие как участников образовательного процесса, так и субъектов социокультурного пространства, в рамках которого образовательное учреждение осуществляет свою деятельность.

Важно отметить, что в исследованиях последних лет обоснование актуального значения положений христианской антропологии для решения задач воспитания в современных условиях осуществляется учеными не только применительно к деятельности православно-ориентированных образовательных учреждений. Мыслители ориентируются на содержание Федеральных государственных образовательных стандартов, Концепции духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России и Примерной рабочей программы воспитания для общеобразовательных организаций.

Признание современными православными учеными в области педагогики и психологии (В.И. Слободчиковым, А.А. Остапенко, прот. С. Коротких, Т.В. Черниковой, И.И. Бурлаковой и др.) важности среды как приоритетного условия достижения цели и задач воспитания отражено в проекте Концепции воспитания человека в Российской Федерации. С точки зрения разработчиков данной Концепции только в органическом многослойном пространстве «воспитания человека, наполненного подлинным воспитывающими практиками государственно-общественного строительства, культурно-исторического наследования, становления и развития сущностных сил и способностей человека» возможно «совместное восхождение воспитателя и воспитанника к воспитательному идеалу», понимаемое как цель воспитания [90, с. 116]. Исходя из этого, можно заключить, что в характеризуемом пространстве воспитания дети и взрослые духовно связаны между собой.

Согласно рассматриваемой концепции, воспитание ориентировано и на личность, и на общество. Направленность воспитания на личность заключается в духовном становлении человека, его восхождении к высшим духовным ценностям, развитии базовых способностей. Направленность на общество состоит в самосохранении, самовоспроизводстве народа, его устойчивом развитии и верности своему историческому призванию. Следовательно, формируемое у растущего человека отношение к среде как к общности обуславливает его приобщение к ценностям солидарности, жертвенности, нравственности, патриотизма и другим традиционным духовно-нравственным ценностям.

В качестве антропологической первоосновы построения воспитательных систем выступает «встреча-со-бытие» как «со-бытийная встреча со значимым Другим – с высшим Идеалом и человеком-ближним» [90, с. 119]. В структуре пространства воспитательной системы в образовательной организации учеными выделены пять слоев:

– встречи-события, наполненные принятыми как детьми, так и взрослыми, целями и смыслами;

- воспитательные деятельности, осуществляемые через со-трудничество и со-ревновательность, позволяющие получить опыт проживания различных жизненных ситуаций и научиться разумно действовать в них;
- воспитывающие общности, отношения в которых строятся на основе любви, дружбы, заботы и доверии;
- воспитывающая среда в содержательно-смысловом, этическом и предметно-пространственном измерениях;
- соборный уклад детских, взрослых и детско-взрослых сообществ в пространстве родной культуры [90].

Таким образом, современные ученые понимают воспитательную среду образовательного учреждения как условие реализации содержания воспитания и достижения воспитательного идеала. Приоритетное значение в создании среды мыслители видят в формировании взаимоотношений участников воспитательного процесса в со-бытийной общности, которые несут в себе ценностное содержание и являются ресурсом воспитания целостного человека. Единство духовного становления и душевного развития, по их мнению, обеспечивается совокупностью четырех сфер воспитания: послушания (взаимодействие младшего со значимым старшим), наставничества (взаимодействие старшего со значимым младшим) соревновательности (испытание ребенком себя в преодолении трудностей), сотрудничества (обретение опыта совместного труда) [90]. Таким образом, межличностное взаимодействие выступает важнейшим средством приобретения каждым участником воспитательного процесса опыта познания себя и ближнего.

В своих трудах ученые уделяют внимание значению личности педагога. В основе педагогического влияния на детей лежит, с точки зрения исследователей, стремление учителя к собственному духовному росту. Признание им собственного несовершенства, его обращенность к Богу является положительным примером для ребенка, способствует развитию его эмоциональной сферы, поддерживает в духовном развитии [134]. Обязательным условием профессиональной

педагогической деятельности учителя является, с точки зрения Т.В. Склярской, признание за воспитанником свободы выбора и самоопределения.

Архимандрит Георгий (Шестун) указывал на важность благоговения учителя перед ребенком как носителем образа Божия и необходимость познания собственной внутренней жизни. Ученый определил в качестве задатков хорошего учителя искреннюю и неподдельную веру, широкий кругозор, смирение, любовь и добросовестность. Труд учителя понимался исследователем как православное служение, направленное на раскрытие в ребенке образа Божия. Осуществляя это служение, педагог, с точки зрения мыслителя, должен стремиться к воплощению идеального образа учителя и воспитания детей собственной личностью [166]. В понимании С.Ю. Дивногорцевой отражена мысль о том, что труд педагога в деле православного воспитания является соработничеством Богу, совершающему «личное попечение о любом человеке» и ведущему его ко спасению [28, с. 120]. Таким образом, ценностное отношение к учительскому труду формируется у педагога на основе православного мировосприятия. В этом контексте восприятие собственной личности и личности ребенка через призму идей христианской антропологии служит основанием для собственного духовного роста, в процессе которого развиваются личностно-профессиональные качества учителя и осуществляется его профессиональное становление.

В русле проблемы организации воспитательного процесса представляют значимость предложенные С.Ю. Дивногорцевой принципы педагогической деятельности, отражающие ценностные установки, изложенные в православном вероучении и православной антропологии. Это принципы: «христоцентричности; воцерковления; воспитания к свободе; принятия ребенка как образа и подобия Божьего; воспитания индивидуальности; сочетания иерархического и всестороннего развития личности; личного примера и согласованности педагогического влияния Церкви, семьи и школы; послушания; раскрытия православия как радостной полноты жизни во Христе; культуросообразности» [15, с. 14]. Изложенные принципы являются методологической основой для анализа концепций воспитания, основанных на христианской антропологии.

Осуществленный анализ современных научно-педагогических исследований позволяет сделать вывод, что положения христианского учения о человеке выступают в них в качестве теоретической и методологической основы разработки и обоснования основных понятий воспитательного процесса, цели и задач воспитания, структуры и содержания воспитательного процесса, принципов воспитания, ресурса воспитательной среды и способов ее организации.

Особое внимание исследователи уделяют проблемам формирования ценностных ориентаций подрастающего поколения и задач приобщения к традициям, что в контексте современных вызовов приобретает большую значимость. Таким образом, в настоящее время осуществляется процесс актуализации потенциала христианско-антропологической идеи воспитания для решения современных задач воспитания растущего человека, что позволяет трактовать эту идею как национальную научно-педагогическую проблему.

1.2. Обоснование старшими славянофилами идей христианской антропологии в контексте проблемы воспитания

Важнейшими вопросами истории педагогических идей являются выявление направленности их исторической динамики и установление причин, обусловивших их развитие [91]. Следовательно, реконструкция христианско-антропологической концепции воспитания в педагогике Российского Зарубежья в 20-50-е гг. XX в. предполагает обращение к отечественной педагогической мысли более раннего периода, что позволит установить преемственность в развитии ключевых положений исследуемой концепции и обеспечить их доказательность.

В современных научно-педагогических исследованиях и трудах по философии образования идеи христианского учения о человеке анализировались учеными в русле православной педагогики на основе наследия отечественных педагогов (Н.И. Ильминский, А.Н. Острогорский, Н.И. Пирогов, К.П. Победоносцев, С.А. Рачинский, К.Д. Ушинский и др.), учителей Русской Православной Церкви (святитель Игнатий Брянчанинов, праведный Иоанн

Кронштадтский, преподобный Нил Сорский, святитель Тихон Задонский, святитель Феофан Затворник и др.), русских религиозных философов (К.С. Аксаков, И.В. Киреевский, К.Н. Леонтьев, Ю.Ф. Самарин, В.С. Соловьев, С.Н. Трубецкой, А.С. Хомяков, и др.) и представителей духовно-академической науки (архиепископ Евсевий (Орлинский), А.Л. Громачевский, В.Ф. Владислев, П.Д. Юркевич и др.).

Исследования современных ученых (А.А. Гагаев, П.А. Гагаев, архимандрит Георгий (Шестун)), С.Ю. Дивногорцева, В.И. Додонов, Б.В. Емельянов, И.В. Карлов, В.М. Кларин, В.А. Кравцов, В.М. Петров, Т.А. Петрунина, Е.А. Плеханов и др.) свидетельствуют о большом вкладе старших славянофилов в научное осмысление потенциала христианского учения о человеке для развития отечественной педагогической мысли. Воззрения А.С. Хомякова (1804-1860), И.В. Киреевского (1806-1856), К.С. Аксакова (1817-1860) и Ю.Ф. Самарина (1819-1876) заложили основу для оформления православной педагогики в самостоятельное научное направление.

Обращение педагогов Российского Зарубежья в 20-50-е гг. XX в. к философско-педагогическому наследию славянофилов старшего поколения свидетельствует о наличии преемственности в развитии христианско-антропологической концепции воспитания. В.В. Зеньковский, по мнению И.В. Карлова, в числе первых мыслителей высоко оценил значение педагогических воззрений славянофилов, особенно в вопросах воспитания [82]. Целостное исследование развития христианско-антропологической концепции воспитания в педагогике Российского Зарубежья в 20-50-е гг. XX в. требует: во-первых, выявления идей христианской антропологии в философско-педагогическом наследию А.С. Хомякова, И.В. Киреевского, К.С. Аксакова и Ю.Ф. Самарина; во-вторых, интерпретации понятий и идей, содержащихся в их трудах, а также в работах В.В. Зеньковского и его единомышленников.

Педагогические идеи философов славянофилов старшего поколения органически связаны с их религиозно-философскими, политическими и историко-культурными воззрениями. Многогранное наследие мыслителей объединяет то,

что философы подходили к самым разным вопросам на основе православного миропонимания. Истоки насущных для своего времени социальных проблем, в том числе и проблем воспитания, они видели в духовном кризисе русского общества, отсутствии единых ценностных ориентиров у высшего сословия и народа. Свое понимание возможностей выхода из этого кризиса философы раскрыли в контексте обсуждения темы о путях развития России, которое перешло в острую полемику с представителями другого течения отечественной философской мысли – с так называемыми западниками (А.И. Герценом, Т.Н. Грановским, К.Д. Кавелиным, Н.В. Станкевичем, П.Я. Чаадаевым и др.). Характеризуя противостояние этих двух направлений, К.С. Аксаков писал: «Одно силится поддержать свою неправду - измены всему русскому и покорности западным уставам. Другое искренно жаждет восстановления русских святых начал веры, русского основного образа жизни, всего русского духа, русского ума и христианских добродетелей» [3, с. 24].

Будучи «ярко выраженными сторонниками православной веры, христианской антропологии», старшие славянофилы осмыслили задачи воспитания на началах православия и сложившейся под его влиянием национально-культурной традиции [32, с. 39]. Источником их собственных построений стало наследие Святых Отцов, обращаясь к которому, философы актуализировали идеи христианского учения о человеке в современном для них социокультурном контексте.

Идеи о создании человека по образу Божию и о поврежденности природы человека вследствие грехопадения нашли отражение в русле проблемы целостности личности, ставшей ключевой в педагогических воззрениях мыслителей. Обретение человеком целостности понималось славянофилами как восстановление его природы, поврежденной грехом, ее исцеление. И.В. Киреевский считал, что стать цельным невозможно без искренней веры в Бога, «ибо человек – это его вера» [84, с. 314]. По мнению мыслителя, лишь на пути духовной жизни может быть найдено то «внутреннее средоточие бытия», в котором отдельные части души объединяются в одну силу и личность человека восстанавливается «в ее первоизданной неделимости» [84, с. 311-312]. Под

внутренним средоточием бытия философ понимал духовное начало личности, развитие которого рассматривалось им в качестве ведущей задачи воспитания. Основанием веры, по словам И.В. Киреевского, является осознание человеком живой связи с Богом и устремленность к Нему [84]. Следовательно, видение в себе и других людях образа Божия, созерцание внутреннего мира приобретаются человеком через Богопознание и самопознание в процессе развития и углубления его духовной жизни.

Ю.Ф Самарин акцентировал внимание на том, что вытеснение понятия о духовной цельности человека и разделение его на отдельные способности и силы, развивающиеся обособленно друг от друга, создает искаженное представление о человеке, которое не может быть мировоззренческой основой для педагогики. Ученый выступал с критикой сложившейся в России образовательной практики, ориентированной на обучение профессионально значимым умениям и не содействующей, с его точки зрения, воспитанию «крепкого и цельного человека, годного для подвига жизни» [131, с. 475]. Выделение ученым в качестве основной задачи воспитания «создание цельного образа нравственного человека» связано с его пониманием духовности как силы, объединяющей все способности человека [131, с. 454]. Таким образом, через обращение к идеям христианской антропологии старшими славянофилами был обоснован приоритет воспитания над обучением. Целостный человек выступал в педагогических размышлениях мыслителей как воспитательный идеал.

Применительно к вопросам о соотношении веры и разума, взаимосвязи духовной жизни и познавательной деятельности человека, мыслители выражали несогласие с позицией, в соответствии с которой логическое мышление рассматривалось как единственное средство постижения истины [14]. И.В. Киреевский отмечал, что во многом такому пониманию способствовала замена религиозных понятий философскими в западноевропейской философии. Старшие славянофилы, будучи религиозными мыслителями, подходили к вопросам интеллектуального развития на основе идей христианской антропологии об иерархическом устройстве человека и приоритете духовного начала в нем. По

мнению И.В. Киреевского, для познания истины разум должен быть возвышен до согласия с верой, стоящей выше естественного разума [84]. Отделение разума от веры ведет, по словам ученого, «к раздвоению внутреннего самосознания» человека [84, с. 218]. Целостный подход к образованию, с его точки зрения, объединяет «внутреннее устройство духа, силою извещающейся в нем истины» и «формальное развитие разума и внешних познаний» [85, с. 189]. Эти процессы, как утверждал мыслитель, являются взаимозависимыми – развитие разума не может быть полным без устройства духа, как и полнота духовной жизни не может быть достигнута без развития разума. Ученый стремился обосновать такое сочетание веры и разума, при котором они могут взаимно дополнять друг друга [12]. Отсюда следует, что иерархия задач воспитания в понимании мыслителя не противоречит целостности педагогического процесса.

Тему односторонности рассудочной деятельности в познании истины развивали и другие философы славянофилы старшего поколения. С точки зрения А.С. Хомякова, целостность человека сводится не только к цельности разума, но охватывает весь его духовный состав [144]. Также и Ю.Ф. Самарин указывал, что высшая истина постигается не только с помощью умственных способностей, но затрагивает чувства и волю человека, дается «духу в его живой цельности» [131, с. 80]. Идея подчинения способностей человека его духовному началу являлась для мыслителей ключевой в религиозном обосновании интеллектуального воспитания.

Постижение истины, с точки зрения старших славянофилов, происходит на пути нравственного совершенствования по мере воцерковления человека. Так, А.С. Хомяков рассматривал христианское знание как плод живой и благодатной веры [145]. На связи религиозного знания с внутренним духовным опытом, формируемым в Церкви, акцентировал внимание и И.В. Киреевский, указывая на недопустимость обучения основам вероучения как науки и неприменимость соответствующих методов обучения [84]. В этой связи философ утверждал, что целостному восприятию православной веры способствует изучение

церковнославянского языка «как живого носителя духовных понятий» и Богослужения [21, с. 170].

Подлинной истиной для мыслителей была истина, хранимая Православной Церковью, поэтому знание, приобретаемое в Церкви, ими рассматривалась выше любого другого знания. Отсюда религиозная образованность отождествлялась у мыслителей с образованностью церковной. И.В. Киреевский считал учение Православной Церкви высшим идеалом для познающего разума. А.С. Хомяков характеризовал это учение как превосходящее человеческую логику и при этом единственно отвечающее духовным запросам человека, его сердцу [145]. Исходя из этого понимания, философы обосновывали, что школа должна быть внутренне связана с Церковью, чтобы содействовать духовному росту детей. И.В. Киреевский писал: «школа должна быть не заменой, но необходимым преддверием Церкви» [84, с. 134]. Признание ими первичности опыта Богообщения обусловило в их педагогических воззрениях приоритетную роль Церкви и в духовном и в интеллектуальном развитии человека.

В воззрениях философов получили развитие идеи христианской антропологии о невозможности спасения человека вне Церкви и о дарованной Богом человеку свободе. В соответствии с размышлениями А.С. Хомякова о Церкви как о теле Христовом, человек приобщается к литургической жизни на основе веры и любви ко Христу. Действующий в Церкви «закон усыновления и свободной любви», по мнению философа, предполагает такое подчинение Церкви и покорение Ее благодати, при котором человек обретает подлинную свободу как свободу во Христе, а его воля и разум получают исцеление [145, с. 21]. Следовательно, восстановление целостности человека понималось мыслителями как исцеление в Таинствах Церкви его природы, поврежденной грехом.

Созидание духовной личности, с точки зрения И.В. Киреевского, сопряжено с внутренней борьбой в человеке и только в Церкви эта борьба получает свой подлинный смысл как освобождение от греха. Эта точка зрения обусловила внимание ученого к проблеме связанности людей между собой. Борьбу «между стремлением к высшей гармонии и цельности бытия и пребыванием в естественном

разногласии и разъединенности» философ рассматривал не только как происходящую во внутреннем самосознании человека, но и как деле «всей Церкви и всего рода человеческого» [84, с. 315]. Православная Церковь понималась мыслителем как неделимое и вечное собрание верных, связанных общением молитвы и единством сознания [84].

Христианско-антропологическую идею о невозможности спасения человека вне Церкви ранее развил А.С. Хомяков в работе «Церковь одна». Мыслитель акцентировал внимание на том, что человек спасается не один, а в единении с другими членами Церкви. Единство Церкви понималось ученым как «единство многочисленных членов в теле живом» [145, с. 3]. Предложенная им концепция соборности как единства во множестве «стала основным принципом славянофильства» [143, с. 22]. Философы считали, что обретение человеком внутренней целостности невозможно без духовного общения с другими людьми. Таким образом, мыслители указали, что в процессе воцерковления происходит развитие как духовной, так и социальной сферы ребенка. Через опыт соборного единения ребенок учится социальному взаимодействию, основанному на духовно-нравственных ценностях.

Важно отметить, что, рассуждая о роли Церкви в духовном становлении человека, старшие славянофилы опирались на догматическое учение православия. В вопросе о соотношении разума и веры в христианских конфессиях И.В. Киреевский отмечал, что в православии святое учение Церкви и наука не противоречат друг другу, но и не пересекаются в силу того, что догматы Божественного Откровения не могут быть приложимы к научному знанию, для которого характерна изменчивость. Так и сознание верующего человека не может принять за догмат частное или общественное, пусть даже авторитетное мнение, так как догматы Церкви являются непререкаемыми и неизменными истинами [84]. Именно поэтому, по словам ученого, людям, воспитанным в православной традиции, не свойственны способы мышления, характерные для исповедующих католичество или протестантизм.

Сопоставляя христианские конфессии применительно к вопросу о единстве Церкви, А.С. Хомяков пришел к выводу, что истинное единство является плодом и проявлением свободы, которое сохранилось именно в православии. В католичестве, по его мнению, при единстве Церкви отсутствует свобода христианина. В протестантизме, напротив, свобода такова, что при ней «совершенно исчезает единство Церкви» [145, с. 115]. Понимание Церкви как единой и соборной, как хранительницы истины определило ориентацию старших славянофилов на народно-православную традицию в воспитании [143]. Именно в народной среде, по мнению мыслителей, сохранились ценности православной культуры, духовность и нравственность, подлинно христианское отношение к ближнему. Характеризуя среду высшего общества, они отмечали, что в подавляющем большинстве его представители следуют идеалам западной образованности, которые не являются органичными для русского человека [84]. Философы стремились разрешить проблему отсутствия цельности и единых подходов к образованию через обращение к православию как прочному фундаменту и мировоззренческой основе русского просвещения.

Мыслителями были выдвинуты идеи национального воспитания, основанные на ведущей роли Православия в истории Отечества и признании ими в качестве образца для подражания цельность древнерусского общества. В качестве основной задачи национального воспитания ими выделялось объединение людей разных сословий на основе ценностей православия, самобытной русской культуры, русской народности. По мнению И.В. Киреевского, общинный уклад жизни на Руси выражал общую цельность быта, единство убеждений и обычаев, которые в сущности заменяли русскому человеку законы. Основу формирования этих обычаев ученый видел в распространяемых православными монастырями и приходскими храмами понятиями о частных и общественных отношениях. По словам ученого, индивидуализм не был совместим с таким укладом жизни - ребенок, вырастая в семье и в общине, как единой среде воспитания, с раннего возраста впитывал христианские ценности, учился послушанию, жертвенности, любви к ближнему. В древнерусской образованности, как считал философ, было

заложено «стремление к цельности бытия внутреннего и внешнего», поэтому ее отличала разумность, а не рассудочность, присущая западноевропейской образованности [84, с. 222].

В свою очередь и А.С. Хомяков отмечал «цельность всех явлений духа, права, общества, быта и жизни семейной и частной» в Древней Руси, находившихся под влиянием православия, и противопоставлял ее раздвоенности Запада [144, с. 257]. Идея общинного единства, по его словам, определила сущность всех общественных понятий. Отсюда им было обосновано, что народность - «лучший воспитатель личному пониманию» и, как следствие, воспитание должно быть согласовано с семейным и общинным бытом [146, с. 228]. Также и Ю.Ф. Самарин утверждал, что русская народность и ее нравственные убеждения сформировались в неразрывной связи с православием и определили характер семейной и общественной жизни русского человека [131]. Л.Н. Беленчук справедливо отмечает, что в допетровской общине славянофилы видели воплощенный христианский идеал, состоящий в сочетании «соборного и личностного начала» [14, с. 47]. Таким образом, можно констатировать, что философы в разработке задач воспитания исходили из следования традиционным, исторически сложившимся формам жизни русского народа. Можно согласиться с В.М. Клариним и В.М. Петровым в том, что славянофилы стремились выявить потенциал практики воспитания, сформировавшейся на христианских основаниях и сохранившейся в народной среде, и вызвать в общественно-педагогическом движении научный интерес к этой практике и к изучению русских традиций воспитания [87, с. 12].

А.С. Хомяков подчеркивал историческую роль Церкви в судьбе России и ее объединяющую миссию. Он считал, что перед русским народом стоит задача достижения идеала православного общества, укорененного на основах общины и семьи. В этой связи мыслитель утверждал, что для обеспечения преемственности между поколениями национальное воспитание должно отвечать духу православия [144]. Внимание философа было направлено на решение противоречия «между жизнью народной и знанием высшего сословия» через «разумное просветление

духа человеческого» и объединение всех в целостный «общественный организм» на началах православия [144, с. 26]. Создание русского просвещения философ связывал с отказом от подражательности европейской образованности, освобождением науки от ложных систем, а также сближением науки и жизни.

Результатом долговременной подражательности Западу, по мнению Ю.Ф. Самарина, стало отсутствие связи между органичными для русского народа представлениями и заимствованными понятиями, которые были приняты на веру и со временем стали применяться в качестве непреложных истин, безусловных законов и правил [131]. Мыслитель подчеркивал важность развития народности и воспитания народа изнутри, при котором все понятия должны приводиться в согласие с его коренными убеждениями. Принятое от других народов знание, в сущности являющееся плодом иной народной жизни, по убеждению А.С. Хомякова, «дробится к какую-то калейдоскопическую пестроту разнородных начал и никогда не складывается в живое и полное целое» [146, с. 220]. И.В. Киреевский также отмечал имеющееся противоречие русской жизни, состоящее, по его мнению, в невозможности жить в соответствии с идеалами как западной, так и древнерусской образованности, из-за неукорененности первой в русской почве и проникнутости внешней жизни иными смыслами для второй [84]. Это противоречие, по мнению философа проявлялось не столько в умственном отношении, сколько в нравственном. Он с горечью отмечал у своих современников охлаждение в вере, неуважение к духовенству, ослабление семьи и другие признаки нравственного падения общества. Причину этого духовного кризиса славянофилы видели в том, что после петровских реформ Церковь уже не была духовным стержнем, с которым были связаны различные сферы жизни. В сфере просвещения секуляризация проявилась особенно рельефно, так как напрямую касалось разрыва в нравственных убеждениях людей разных сословий, ослабление национально-культурной традиции, и, следовательно, утраты преемственности опыта поколений и национальной идентичности. Именно поэтому решение социальных проблем и проблемы воспитания, в частности, философы видели возможным лишь при укреплении веры русских людей в Святую Православную

Церковь, возрождении исторической памяти народа и обращении к уцелевшим следам «внутренней цельности его существования» [84, с. 306].

Полемизируя с представителями течения западников в обосновании славянофильской позиции относительно укрепления национального самосознания, Ю.Ф. Самарин указывал на проблему оценки истории России и существующих явлений русской жизни исходя из «инородной точки зрения» [131, с. 467]. Такого же мнения придерживался и К.С. Аксаков, утверждая, что только следование пути христианского смирения в оценке русского народа и его истории может открыть подлинную глубину его духовных сокровищ и тем самым положить начало освобождению от влияния Запада. Философ призывал соотечественников «быть Русскими, идти Русским путем, путем Веры, смирения, жизни внутренней» и стремиться к образу жизни, основанному на этих началах [3, с. 23]. В русле этой проблематики И.В. Киреевский отмечал, что из-за длительной ориентации на идеалы европейского просвещения, «истребить его влияние уже вне нашей силы, хотя бы мы того и желали <...> Легче узнать все новое на свете, чем забыть узнанное» [85, с. 186]. Им была предложена идея синтеза начал древнерусской образованности и достижений заимствованной европейской, которые в свете учения Православной Церкви могли бы, по его словам, обрести высший смысл и получить развитие на русской почве.

Рассматривая вопросы о роли семьи, школы и общества в воспитании нравственной личности славянофилы, опираясь на идею соборности, пришли к обоснованию необходимости подчинения личного начала обществу. Как было показано ранее, мыслители считали, что индивидуализм чужд русскому самосознанию. Связь личности с социальным целым, по их мнению, должна быть основана на свободном отречении личности от своей самости, преодолении эгоизма, проявлении деятельной любви к ближним.

Противопоставляя соборность индивидуализму, А.С. Хомяков утверждал, что человек может достигнуть «своей нравственной цели только в обществе, где силы каждого принадлежат всем и силы всех каждому» [146, с. 29]. Этим словам вторит высказывание И.В. Киреевского: «все, что есть существенного в душе

человека, вырастает в нем только общественно» [84, с. 279]. Одним из важнейших качеств человека, формируемых в обществе, славянофилы считали любовь к ближнему [146]. Отсюда следовала в размышлениях философов полярность понятий любви и эгоизма. Так, А.С. Хомяков считал, что созидает человека только истинная любовь, которая исходит от духовного самопожертвования и переводит деятельность человека на «степень самоотрицающегося эгоизма» [146, с. 249]. Идею о подчинении личности социальному целому развивали и другие славянофилы. С точки зрения Ю.Ф. Самарина, общинный быт предполагает самоотречение человека как «высший акт личной свободы и сознания» [130, с. 90]. К.С. Аксаков также акцентировал внимание на том, что только подвиг самоотвержения личности и может образовать общество. В русской общине, по его словам, личность не подавлена, «она только лишена своего буйства, эгоизма, исключительности» [3, с. 629]. Преодолевая собственный эгоизм, человек, по мнению мыслителя, находит себя в обществе как в хоре и только в нем становится свободным [2]. Отсюда следует, что индивидуальность каждого человека не может раскрыться в эгоистическом обособлении от людей, она развивается в единении с ними. Таким образом, принципиальным в контексте данных рассуждений о связи личности и общества для славянофилов стал вопрос о нравственной свободе, который обусловил обращение философов к христианско-антропологической идее о свободе, дарованной человеку Богом.

А.С. Хомяков определял нравственную свободу через выбор, который делает человек «между любовью к Богу и эгоизмом, правдою и грехом» [145, с. 223]. По мнению К.С. Аксакова, именно вследствие свободы воли в человеке и в человечестве смешиваются светлая и темная стороны, что обуславливает постановку нравственного вопроса. Свобода воли может сделать человека «и добрым и злым, и уронить, и возвысить его» [1, с. 269]. Проявление подлинной свободы философ видел в свободном выборе поступать по совести, то есть в соответствии со своими нравственными убеждениями. Сопоставляя действие внутреннего (нравственного) и внешнего (формального) законов, мыслитель пришел к выводу, что нравственный поступок исходит из внутреннего свободного

побуждения и поддерживает нравственное достоинство человека. Ю.Ф. Самарин под личной свободой понимал способность человека к самоопределению, формирующуюся на религиозной основе и предполагающей религиозные убеждения [131]. Приведенные суждения философов свидетельствуют о близости их позиций относительно понимания нравственной свободы. Можно выделить три аспекта этого понятия в их работах: проявление свободного выбора человеком по отношению к Богу, к самому себе, к другим людям. Первый аспект первичен в самоопределении человека, так как именно вера, по словам А.С. Хомякова озаряет все нравственные понятия человека и является основой осознания им внутренних законов, связывающими его с другими людьми и определяющими характер его отношений с ними [144].

Исходя из признания значимости социальных связей в воспитании человека, А.С. Хомяков выделял общественное воспитание как наиболее приоритетное, называя общество последним и высшим воспитателем [144]. Философ акцентировал внимание, что, если школа изолирована от жизни и школьное воспитание не согласовано с семейным и общественным направлениями воспитания, то ребенок также оказывается в изоляции от органичной для него среды, «становится пришельцем на своей собственной земле» [144, с. 352]. Охарактеризованная позиция мыслителя позволяет предположить, что связь воспитания с жизнью, понималась им как важнейшее условие обретения человеком целостного мировоззрения, из чего следует, что философ связывал возможность целостного подхода к воспитанию с созданием единой воспитательной среды растущего человека.

Иной аспект целостности в воспитании звучал в его размышлениях о связях между поколениями. Мыслитель считал, что воспитание призвано готовить каждое новое поколение «к очередной деятельности в истории народа» и потому придавал важное значение крепости семейных связей как неотъемлемого условия преемственности между поколениями [144, с. 351]. Отсутствие взаимной любви между родителями и детьми, по его словам, ведет к разрушению семейных и межпоколенческих связей. Как следствие, воспитание в обществе, в котором

ослабляются семейные связи, не может принести должного плода. Мыслителем подчеркивалась роль семьи в духовном воспитании, закладывающим в раннем детстве основу целостного развития ребенка. Он считал ложным мнение, что воспитательное влияние на духовную сферу ребенка является необходимым при достижении ребенком старшего возраста, когда он готов воспринимать религиозные истины. Таким образом, семья выступает в рассуждениях философа как святыня и «малая Церковь», в атмосфере которой человек вступает на путь своего духовного развития и научается любви [146].

Анализ философско-педагогического наследия старших славянофилов позволил выявить идеи христианской антропологии, в обращении к которым мыслители видели решение приоритетной для них проблемы воспитания целостного человека: о сотворении человека по образу Божию; о поврежденности природы человека вследствие грехопадения; о свободе, дарованной Богом человеку; об иерархическом устроении человека и приоритете духовного начала в нем; о невозможности спасения человека вне Церкви. Важные вопросы развития личности, рассмотренные старшими славянофилами, непосредственно связаны с признанием ими приоритетной роли Церкви в воспитании и выделением в качестве ключевых ценностных ориентиров педагогической деятельности нравственные ценности православия. Можно выделить следующие ключевые аспекты: обретение целостности и свободы, познание Истины, переживание опыта соборного единения. Осмысление проблем воспитания осуществлялось философами с учетом социокультурной ситуации в России в 30-50-е гг. XIX в., характерными чертами которой, по их мнению, являлись: разрыв интеллигенции и народа, кризис национального самосознания, духовный кризис. Преодоление этих проблем в области педагогики мыслители видели в ориентации на православно-народную традицию в воспитании, в признании собственного пути развития России и самобытности русской культуры.

1.3. Социокультурные предпосылки развития христианско-антропологической концепции воспитания в педагогике Российского Зарубежья в 20-50-е гг. XX в.

Педагогика, являясь частью общей культуры, непосредственно связана с социокультурным контекстом каждой конкретной эпохи. По словам Г.Б. Корнетова, историю педагогических идей отличает широкий контекстуализм, поэтому целостное исследование процессов их возникновения, развития, трансляции, взаимодействия и видоизменения необходимо осуществлять сквозь призму определенных культурно-исторических условий [91]. Соответственно, и в ходе реконструкции педагогических концепций важно учитывать взаимную детерминированность социокультурного контекста и биографии ученых, занимавшихся их разработкой. Выявление социокультурных предпосылок формирования и развития педагогической концепции позволяет решить следующие задачи: осуществить целостную реконструкцию концепции; определить и проанализировать закономерности развития педагогического процесса; обосновать возможные пути преемственности педагогического опыта в современной образовательной практике.

Развитие христианско-антропологической концепции воспитания в отечественной педагогике в 20-50-е годы XX в. осуществлялось в социокультурном контексте эмиграции. Разработка концепции стала ответом на сложные вызовы инокультурной среды, что подчеркивает ее уникальность и связь с феноменом Российского Зарубежья.

По мнению историографа российской эмиграции А.А. Пронина, главным итогом проведенных научных исследований последних десятилетий является признание «российской эмиграции составной частью единой российской культуры – хранительницей ее лучших традиций» [121, с. 13]. Феномен Российского Зарубежья исследователи называют устойчивым социальным явлением, социокультурной системой (И.В. Сабенникова), мировым историческим феноменом (Е.И. Пивовар), целостным социокультурным феноменом (Е.Г.

Осовский, О.В. Щупленков), социально-политическим и этно-культурным феноменом (О.С. Сирота), социокультурным пространством (Т.П. Тетеревлева), уникальным национальным социально-культурным пространством (О.В. Щупленков), единым социальным и духовным пространством (Э.Д. Хафизов). На сегодняшний день учеными выявлены и проанализированы социокультурные аспекты данного феномена, на основе которых возможно системно подойти к реконструкции христианско-антропологической концепции в педагогике Российского Зарубежья в рассматриваемый период.

Российская эмиграция 20-х гг. XX в. возникла вследствие революции и гражданской войны в России. В первые годы эмиграции перед «обществом в изгнании», как называл русскую эмиграцию М.И. Раев, стояли задачи сохранения национально-культурного единства. Факторами сохранения единства являлись: чувство общности происхождения, неприятие советского режима (часто и революции), надежда на скорое возвращение в Россию, нежелание отказываться от своего национального самосознания [124]. И.В. Сабенникова отмечает в качестве негативных признаков русской эмиграции 1917-1939 гг., как социально-культурной системы, отрицание эмигрантами послереволюционного строя и их отторжение со стороны новой культурной среды. Позитивными признаками, по мнению исследователя, являлись социально-психологическое, религиозное и языковое единство [129].

Исследователями К.Е. Ситниченко, О.С. Сирота и О.В. Щупленковым раскрыта сущность процесса национальной самоидентификации эмигрантов в его тесной связи с осмыслением национальной идеи. Рассматривая духовную составляющую в самосознании творческой русской эмиграции, К.Е. Ситниченко отмечает в качестве ее ключевой характеристики культурно-национальную окрашенность, которая и обусловила потребность эмигрантов в переосмыслении национальной идеи и способствовала формированию мессианских устремлений в сужении России за рубежом [133]. Ученый полагает, что православные идеи всеединства и соборности являлись духовной основой самоидентификации эмигрантов [133].

Сохранению национально-культурной идентичности эмигрантов способствовало созидание в эмиграции родной культуры. Передовые представители отечественной интеллигенции, среди которых активную позицию занимали деятели образования, были убеждены в том, что для восстановления нарушенной связи с соотечественниками и обеспечения преемственности между поколениями, эмигрантам необходимо сохранить православие и русское культурное наследие [132]. Даже при утрате надежды на возвращение на Родину у многих русских людей за рубежом сохранялась готовность служения России и открытия Западу русской культуры.

Достижением российской эмиграции на протяжении 1920-х - первой половины 1930-х гг., по мнению Е.Г. Осовского, стало образование единого интеллектуального пространства вопреки обширной территории рассеяния российской диаспоры и существованию различных барьеров (национальных, политических и идеологических) [114]. Стремление эмигрантов к национально-культурному единству выступило условием создания единого пространства педагогики Российского Зарубежья, а также возникновения общественно-педагогического движения российской эмиграции и его активной деятельности. Две неотложные задачи в области просвещения стали приоритетными для педагогического сообщества в эмиграции: во-первых, необходимо было обеспечить национальное образование для десятков тысяч русских детей, и тем самым противостоять их денационализации; во-вторых, помочь молодым людям получить высшее образование [39].

Изменения в положении эмигрантов отражались на развитии педагогической мысли и ценностных ориентациях воспитания. Так, М.В. Богуславский отмечает, что доминирование модели национального образования в первой половине 1920-х гг. было связано с надеждой на скорое возвращение на Родину. На рубеже 1920-1930-х гг., по мнению ученого, доминировала модель обучения, направленная на интеграцию детей-эмигрантов в инокультурное пространство, при этом в религиозных образовательных учреждениях и внешкольной воспитательной деятельности сохранялась национальная модель образования [18]. В исследовании

генезиса приоритетных ценностей образования и воспитания в трактовке философов русского зарубежья ученым выделены три значительных периода: историко-культурный (первая половина 1920-х гг.); духовно-религиозный (вторая половина 1920-х – начало 1940-х гг.); ценностно-культурологический (вторая половина 1940-х – 1950-е гг.) [20].

В развитии педагогической науки в эмиграции с 1920-х по 1950-е гг. Е.Г. Осовский также выделял три периода. Первый период (1917 г. – начало 1930-х гг.) ученый охарактеризовал как этап относительной стабилизации школьного дела и интенсивной научной жизни. Во втором периоде (с начала 1930-х гг. до начала Второй мировой войны) исследователем был отмечен кризис общественно-педагогического движения, сокращение численности учащихся и русских школ, а также вторичная эмиграция ученых. В рамках третьего периода (военных и послевоенных лет), с его точки зрения, происходило сокращение национального образовательного пространства, следствием которого стала переориентация большинства ученых на включение в научную жизнь стран проживания [114].

По словам ученого, за рубежом в период 1920-1950-х гг. «возникла своеобразная «педагогическая Россия», складывалось целостное научно-педагогическое пространство», основу которого представляло общественно-педагогическое движение российской эмиграции [114, с. 9]. Потребность в переосмыслении ключевых вопросов развития и воспитания растущего человека в инокультурном образовательном пространстве как патриота и гражданина России стала насущной для видных отечественных ученых, которые оказались в эмиграции в силу различных обстоятельств. Педагогическое обеспечение обучения и воспитания являлось залогом будущего молодого поколения, о котором не могли не заботиться представители российской интеллигенции, видные ученые в области философии и педагогики, а также представители религиозного движения и культуры [102]. «Педагогическая рефлексия и саморефлексия русской эмиграции становится одним из существенных элементов процесса понимания и совершенствования теории и практики русского образования в условиях зарубежной России» [86, с. 40].

В научной литературе используется также термин «Российское педагогическое зарубежье», означающий область педагогической теории и практики, сложившихся в российской эмиграции в силу необходимости предотвращения денационализации молодого поколения, сохранения национального и культурного наследия [127]. Формирование национального образовательного пространства, восстановление учебного процесса, организация воспитательной деятельности в условиях инокультуры требовали не только колоссальных человеческих и материальных ресурсов, но и теоретического обоснования педагогической деятельности. Современными исследователями М.В. Богуславским, С.Ю. Дивногорцевой, И.Д. Лельчицким, Е.Г. Осовским и др. выделяются два ведущих направления педагогической мысли Российского Зарубежья: культурно-антропологическое, разрабатываемое Сергеем Иосифовичем Гессеном, и христианско-антропологическое, основным теоретиком которого был Василий Васильевич Зеньковский.

Религиозный подход к проблемам воспитания разделялся в эмиграции многими видными отечественными учеными, педагогами, священниками, общественными деятелями, молодыми людьми, которые связали свою жизнь с Русским студенческим христианским движением (РСХД). Движение объединяло христианскую молодежь вокруг Православной Церкви за рубежом, его деятельность была непосредственно связана с задачами религиозного воспитания молодого поколения, противостоянием деструктивному влиянию на него инокультурной среды, сохранением национальной идентичности эмигрантов. В.В. Зеньковский был избран председателем Движения на учредительном съезде в Пшерове (Чехословакия) в 1923 г. и оставался на этом посту на протяжении тридцати девяти лет до своей кончины в 1962 г. Ближайшими сподвижниками В.В. Зеньковского по религиозно-педагогической работе с молодежью являлись: Н.Н. Афанасьев, прот. С. Булгаков, Л.А. Зандер, Н.М. Зернов, С.М. Зернова, К.А. Ельчанинов, С.С. Куломзина (Шидловская), И.А. Лаговский, монахиня Мария (Скобцова), протоиерей Г. Шумкин, А.Ф. Шумкина, протоиерей С. Четвериков, А.С. Четверикова и др.

Развитие христианско-антропологической концепции воспитания осуществлялось в русле религиозно-философской традиции, заложенной старшими славянофилами. В условиях эмиграции развитие этой традиции получило новый импульс, так как православная вера, Церковь, община, образовательная сфера стали регулятивами самоидентификации эмигрантов «первой волны» [133]. С точки зрения Н.М. Зернова, само возникновение Движения свидетельствовало об окончании для русской интеллигенции периода долгих блужданий вне церковной ограды и начале ее работы под покровом православия [80]. В.В. Зеньковский отмечал, что молодые люди в эмиграции, даже не будучи знакомы с исканиями русской интеллигенции, приходили в Церковь со своими думами и мечтами и осуществляли «в себе лично и в своих замыслах то, о чем писали и думали предыдущие поколения» [46, с. 44]. Активные деятели Движения считали крайне важным направить молодежь на этом пути и помочь ей обрести духовные ориентиры в условиях чужой для них культуры.

Характеризуя рост роли Православной Церкви и пробуждение религиозных сил русской души в эмиграции, В.В. Зеньковский отмечал, что в основе этих процессов лежит искреннее желание молодого поколения познать Бога, обрести веру и «приникнуть к Церкви» [75, с. 130]. Он считал, что молодежь тонко чувствует фальшь, которую вносят в сознание верующего человека отвлеченные религиозно-философские идеи, и видел в обращении этого поколения к вере признак религиозного оздоровления общества. С.С. Куломзина в своих воспоминаниях отмечала, что церковная жизнь открылась для нее и других молодых людей как общая и соборная, появилась любовь к духовному богатству православия и ответственность за сохранение этого богатства, что и являлось источником вдохновения для религиозно-педагогической работы с детьми и молодежью [97].

Движение объединяло различные круги русской эмиграции вокруг Церкви. По словам Н.М. Зёрнова, главной силой роста Движения являлось «стремление осуществить завет соборности, глубоко лежащий во всей истории русской Церкви» [80, с. 256]. Сплочение верующей молодежи в РСХД способствовало не только

развитию у них духовной жизни, но и приобщению к вере эмигрантов из самых различных кругов русского рассеяния [80].

«Возрождение и творчество православной культуры» понималось участниками РСХД как главная цель его деятельности [35, с. 5]. Своим главным вкладом в РСХД В.В. Зеньковский считал то, что на протяжении всех лет его руководства Движением он направлял его деятельность по этому руслу. В этой связи особенно значимо, что мыслитель подчеркивал преемственность идеям Н.В. Гоголя и славянофилов о разрешении различных проблем жизни на основе христианского мировоззрения [46]. В религиозно-философских построениях славянофилов он высоко ценил «возврат к церковной установке и ожидание новой культуры на ее основе» [48, с. 244].

Идея воплощения христианских начал в жизнь стала основной для осуществляемой в РСХД социальной и педагогической работы с подрастающим поколением. Посредством создания так называемых «островков» православной культуры в Российском Зарубежье В.В. Зеньковский и его единомышленники считали возможным объединить для воспитания детей и молодежи усилия духовенства, педагогов и родителей. Призывая к активной религиозно-педагогической работе всех, кто непосредственно и опосредованно связан с молодежью, особенно верующих педагогов, мыслители стремились создать православно-культурную среду воспитания, духовным центром которой стала бы Православная Церковь [56]. В.В. Зеньковский считал, что в эмиграции задача религиозного воспитания молодого поколения остро поставлена самой жизнью и требует самого вдумчивого осмысления того, что происходит на душе у подростков: «ничто так не нужно нашей русской молодежи сейчас, как живое сознание любви и заботы Божией» [73, с. 1].

За рубежом оказались дети и молодежь, у многих из которых были душевные травмы, связанные с пережитыми событиями, с потерей близких людей. В чужой для детей бытовой, ментальной и языковой среде ими остро переживался кризис идеалов и ценностей [19]. В первую очередь необходимо было нормализовать психическое и физическое здоровье детей и подростков, помочь им справиться с

душевными ранами и не замкнуться в себе [124]. Адаптация к новым условиям жизни в эмиграции, возобновление прерванного учения проходили крайне тяжело. В. Грабовый отмечал, что характерными чертами учащихся многих эмигрантских школ являлись «надлом, искривление растущих душевных сил, явления моральной депрессии, неводержанность, недисциплинированность, отвык от систематического труда, от школьной жизни» [25, с. 11].

В 1925 г. Педагогическим Бюро по делам средней и низшей школы за границей под руководством В.В. Зеньковского было проведено исследование детских воспоминаний о революции, гражданской войне и эвакуации. Учеными были проанализированы свыше двух тысяч сочинений, написанных детьми, юношами и девушками в возрасте от 8 до 24 лет, обучавшимися в русских эмигрантских учебных заведениях. Эти сочинения красноречиво свидетельствуют о последствиях революции и гражданской войны в России для детей: «Столкновение с нагою действительностью, действительной жизнью, сделали нас, молодежь нынешнюю, пожилыми и многоопытными в смысле знания всяких оборотных сторон и изнанок жизни»; «Я многого не понимаю из прошлого и мучительно встает вопрос, что же далее» [150, с. 93-94].

В отношении Родины дети писали: «Многие старые люди, уезжая, прежде чем погрузиться на пароход, целовали землю и брали кусочек ее. Я очень жалею, что не исполнила советов моей няни сделать то же самое»; «Мы любим Россию и снова желаем ее видеть могучей, и сильной, и славной страной... Попросим же мы Бога о том, чтобы он вновь взял под свою защиту поруганную и униженную, но не забывшую, несмотря на все гонения, христианскую веру, нашу дорогую Святую Русь» [150, с. 100]. В.В. Зеньковский отмечал, что у детей-эмигрантов обнаружилась часто не осознаваемая ими психическая черта - психология бездомности, состояние оторванности от родной почвы [41]. В ходе анализа детских сочинений, он пришел к выводу, что для многих детей обращение к Богу и молитва была «была единственным ресурсом, откуда они черпали силы для жизни» [41, с. 123-124]. Это дало ученому основание утверждать, что религиозные запросы детей, сформированные в переломный для них период, не могут оставаться без

внимания. В религиозном воспитании мыслитель видел возможность исцеления детской души, примирение детей с прошлым и пробуждение к жизни.

В.В. Зеньковский и его единомышленники - активные члены РСХД, были равнодушны к проблемам, с которыми столкнулось подрастающее поколение в инокультурной среде. К важной для эмигрантского сообщества проблеме сохранения национальной идентичности они подходили на основе православного мировосприятия. Тонко чувствуя характер вызовов времени, они обосновывали значимость религиозного воспитания не как частной задачи национального воспитания или направления конфессиональной педагогики, а как приоритетного вида воспитания в условиях формирующегося национального образовательного пространства за рубежом [16].

Летом 1925 г. в Праге состоялся Педагогический съезд представителей русской средней и низшей школы за границей, на котором в качестве одного из наиболее актуальных обсуждался вопрос постановки религиозного воспитания и образования русских детей дошкольного и школьного возраста в эмиграции. Проблема, на которую обратили внимание В.В. Зеньковский и прот. С. Четвериков, состояла в недостатке религиозных знаний у детей, из-за чего и религиозное воспитание не могло принести должного плода. Дети, обучавшиеся в русских школах за рубежом, получали религиозные знания по различным программам, поэтому ученые подчеркивали важность разработки единой программы Закона Божия. Учебная роль этих уроков заключалась, с точки зрения мыслителей, в формировании у учащихся точных и прочных знаний основ православной веры и нравственности, а воспитательная - в укреплении любви к православию и Православной Церкви, в следовании христианским заповедям в жизни.

В.В. Зеньковский выступал за преподавание Закона Божиего в широком социокультурном контексте, указывая на враждебную вере и нравственности отрицательную работу, которая осуществлялась на родине и за рубежом. Ученый акцентировал внимание, что современная ему школа в религиозном обучении и воспитании должна идти по пути миссионерской деятельности, искать способы открыть детям христианские истины, защищая православие. Для адаптации

подростающего поколения в жизни в современном мире, мыслитель считал важным дать освещение социального вопроса и экономического материализма в свете православия. Среди проблем религиозного воспитания в эмиграции на съезде обсуждалось тяжелое положение семей и вызванная этим необходимость организации со стороны церковных приходов и школ религиозно-воспитательной работы с детьми дошкольного возраста.

Во второй половине 1920-х гг. в эмиграции проблема денационализации стала проявляться острее. Молодое поколение, получившее образование в школах стран пребывания, постепенно стало ассимилироваться в инокультурную среду. Из обихода постепенно уходила родная речь, русская культура со временем стала восприниматься детьми и молодежью как чужая, происходила «не только социальная, но и духовная интеграция в западное общество» [30, с. 139]. В виду длительного пребывания в условиях инокультуры, новое поколение молодежи имело ряд черт, требовавших новых воспитательных подходов. Рассуждая о современной мыслителю молодежи, В.В. Зеньковский дал обобщенную характеристику ее духовного типа: цельность (новое поколение цельнее предыдущих, в нем нет двойственности и надломленности «отцов»); правдивость (открытое признание фактов, неприемлемость обмана, риторики, открытое проявление стремлений); реалистическое отношение к жизни, переходящее в практичность и расчетливость; духовная грубость, отказ от традиций, некультурность; распушенность, сопровождающаяся конфликтами совести; отсутствие воодушевляющей веры [75].

Формирование этих качеств в понимании В.В. Зеньковского было обусловлено, с одной стороны, невозможностью для детей и подростков ощутить живую связь с национальной стихией, а с другой стороны, необходимостью вынужденного пребывания в условиях чужой культуры, неся часто наравне со взрослыми все тяготы эмигрантской жизни. Акцентируя внимание на последней черте как главной болезни современной ему молодежи, он вместе с тем отмечал остроту ее духовных исканий. Ученый пришел к выводу, что выявленные им черты говорят о потенциальной религиозности детей и подростков, их стремлении к

религиозному осмыслению жизни. Мыслитель подчеркивал, что «религиозное оскудение и измельчание ставят перед всем христианским обществом огромный вопрос воспитания религиозной жизни в молодежи» [75, с. 200].

Для многих внешкольных организаций, объединяющих русскую молодежь в эмиграции первоочередной задачей являлось сохранение у подрастающего поколения национальной идентичности. Для Движения эта проблематика выходила за пределы узконационального воспитания – необходимо было избежать псевдонационализма и выявить религиозно-национальные мотивы воспитания молодежи в контексте вызовов времени. Летний съезд французского Движения в Клермоне в 1927 г. «шел впервые под знаком России», на нем четко обозначилась тема о духовном возрождении Родины и об участии Движения в ее судьбе [46, с. 122]. Ввиду антирелигиозной пропаганды в Советской России активные деятели Движения ставили перед собой миссионерскую задачу «принести родине найденное сокровище веры», исходя из которой религиозно-педагогическая работа с молодежью понималась ими как служение [152, с. 5].

В 1927 г. при Свято-Сергиевском православном богословском институте в Париже был создан Религиозно-педагогический Кабинет (РПК), руководителем которого стал В.В. Зеньковский, его помощником – И.А. Лаговский. Ближайшими сотрудниками Кабинета являлись: Л.А. Зандер, протоиерей С. Четвериков, А.С. Четверикова. Цель деятельности Кабинета состояла, по словам В.В. Зеньковского, в установлении исходных и основных принципов православной педагогики [46]. Своеобразной «лабораторией» для изучения методов религиозно-педагогической работы с молодежью стало само Движение. Осенью 1927 г. при РСХД в Париже открылась воскресно-четверговая школа (под руководством С.С. Куломзиной), началась систематическая работа с мальчиками (под руководством Н.Ф. Федорова) и позже работа с девочками (под руководством А.Ф. Шумкиной).

В предисловии к первому выпуску журнала «Вопросы религиозного воспитания и образования», издаваемого Кабинетом, в качестве наиболее острых проблем современности, обусловивших значимость религиозного обоснования педагогики, В.В. Зеньковский и И.А. Лаговский выделили следующие:

антирелигиозная пропаганда в Советской России; неактуальность прежних средств религиозного воспитания и образования для молодого поколения как за рубежом, так и Советской России; тяжелое положение детей и подростков в эмиграции; снижение роли семьи и школы в религиозном воспитании; раздробленность современной культуры, отсутствие в ней целостности [64].

Исходя из этих предпосылок мыслителями было обосновано приоритетное значение внешкольного воспитания в укреплении духовной жизни детей и молодежи через различные формы культуры и творчества в духовной среде воспитания. В.В. Зеньковский утверждал, что «целый ряд глубочайших изменений в современной культурной психологии остаются недостаточно учтенными школой» [56, с. 66-67]. Социальная активность подростков, по его мнению, являлась одной из наиболее существенных явлений современности, требующих осмысления в том числе и со стороны церковного сообщества. Он считал необходимым найти точки соприкосновения между творческими стремлениями молодого поколения и тем, что может дать их душам вера, раскрыть эти возможности для молодежи и таким образом «обрести для Церкви путь подлинного ее влияния на жизнь» [56, с. 69]. Можно предположить, что накопленный на тот момент опыт религиозно-педагогической работы с детьми и молодежью в РСХД требовал научного осмысления для его распространения на обширной территории русского рассеяния. Активные деятели Движения рассчитывали на живой отклик не только со стороны педагогов, но и тех соотечественников, которые не были равнодушны к судьбе молодого поколения эмигрантов. Таким образом, работа Кабинета преследовала как научные, так и общественно-педагогические цели.

В первую очередь, ставилась задача усиления роли Церкви в воспитании, выстраивание связи Церкви с семьей, школой и внешкольными организациями, чтобы через эту связь была изменена атмосфера, в которой растут дети. Церковь, по мнению В.В. Зеньковского, не может быть изолирована от жизни, «она должна стать ее сердцевинной, ее сущностью» [149, с. 99]. Проблемы культуры и педагогики понимались ученым как тесно связанные между собой. Он считал, что из-за отрыва современной культуры от религии в светской педагогике невозможна реализация

целостного подхода к воспитанию. В этой связи мыслитель считал необходимым подходить к разрешению педагогических проблем в контексте задачи оцерковления педагогики как одной из частных задач «религиозной перестройки всей системы культуры» [64, с. 4].

Осенью 1927 г. в Париже прошло первое совещание по религиозно-педагогической работе, организованное РСХД. Резолюции, принятые на съезде, напрямую были связаны с обозначенными выше проблемами. В них были заложены следующие пути развития религиозно-педагогической мысли: осмысление потенциала семейного религиозного воспитания; разработка программы православного внешкольного воспитания на основе анализа существующих программ и опыта их применения; изучение современного духовно-религиозного состояния Советской России, а также методов и форм антирелигиозной работы; разработка апологетического содержания религиозно-педагогической работы; систематическое изучение опыта внешкольной религиозной работы у представителей инославных вероисповеданий; подготовка руководителей внешкольных организаций [149].

Через год состоялось очередное религиозно-педагогическое совещание, в ходе которого внимание было уделено следующим вопросам: взаимосвязь религиозного и национального видов воспитания; создание «целостной, здоровой и подлинной педагогической школьной среды»; религиозное образование и обоснование религиозной школы; формы внерелигиозной работы с молодежью в Движении [122, с. 7]. Внешкольное религиозное воспитание и обучение находилось в фокусе внимания ученых в связи с тем, что большинство русских детей и подростков во второй половине 1920-х гг. обучалось в школах стран пребывания. Для сохранения национальной и духовной идентичности при вхождении молодого поколения в иную языковую и культурную среду мыслители считали необходимым создания органичной им среды воспитания, духовным центром которой мыслилась Православная Церковь за рубежом. Протоиерей С. Четвериков писал: «Мы лишены родины, но мы должны и здесь, на чужбине, создать подобие родины в церковных приходах, около своих православных храмов»

[152, с. 3]. Большую важность представляла задача объединения родителей на приходах и привлечения молодежи к приходской деятельности. Это было обусловлено пониманием церковного прихода как первоначальной единицы церковной соборности.

Проведенное Кабинетом в 1928 году анкетирование среди русской молодежи в разных странах Европы показало крайне низкий уровень религиозных знаний. Проблема религиозного невежества и отсутствия собственного духовного опыта, по словам А.С. Четвериковой, в большей степени касалась юношей и девушек от 16 до 20 лет [159]. Эта проблема обусловила задачу разработки методов религиозного образования и поиск форм внерелигиозного воспитания, соответствующих запросам молодого поколения. Через деятельность юношеских организаций спортивного, художественного, самообразовательного характера созидалась духовно-здоровая среда для подрастающего поколения. В 1928 г. Движение включало более 60 кружков [125].

С 1928 г. при Движении в Париже стали действовать Содружество во имя Казанской иконы Божией Матери и руководимый им юношеский клуб. Клуб не имел целью прямое религиозное влияние на молодежь, его мероприятия были открытыми и разнообразными (лекции, дискуссии, спектакли, концерты), их посещали подростки в возрасте от 14 до 18 лет. Часть самых активных участников клуба объединилась в Содружество, деятельность которого была направлена на служение Православной Церкви и России. Занятия в Содружестве носили более выраженный религиозный характер.

И.А. Лаговский подчеркивал, что в религиозно-педагогической работе важно «найти органическую связность всех сторон жизни», так как для молодежи «неотделим вопрос о религиозной правде от вопроса о правде жизни» [122, с. 7]. А.С. Четверикова отмечала, что молодежь воспринимает мир как «нормально-неправедный», имеет «привычку к неправедности», но при этом с напряженным вниманием относится к темам, затрагивающим вопросы правды с религиозной точки зрения [163, с. 3]. Причину этого кризиса В.В. Зеньковский видел в том, что молодежь не имела встречи с добром, видела жизнь, построенную на неправде, но

при этом стремилась к обретению подлинного смысла жизни. Потрясения, которые принесла революция и гражданская война в России, пребывание за рубежом обострили поиск мировоззренческих ориентиров у молодых людей [56]. Осуществляемая В.В. Зеньковским и его единомышленниками религиозно-педагогическая работа была вызвана желанием пойти навстречу молодежи, помочь ей осмыслить прошлое и настоящее через призму непреложных ценностей, не потерять себя в сложном мире.

В основе теоретических разработок и педагогической деятельности мыслителей лежал принцип религиозного осмысления педагогических проблем. В разработке целостной религиозной концепции воспитания ученые стремились учесть современные вызовы, которые оказывали существенное влияние на подрастающее поколение. Социокультурные процессы мирового масштаба, такие как: кризис семьи, рост феминистических движений, распространение новых форм досуга (спорт, танцы, кинематограф) и растущая увлеченность ими молодежи, обуславливали необходимость разработки новых научно-педагогических подходов в области физического и эстетического воспитания на основе религиозного принципа. В фокусе исследователей находились и вопросы полового воспитания молодежи. Эти виды воспитания разрабатывались в соответствии с признанием приоритета духовной сферы в человеке.

Потребность в целостной религиозно-педагогической системе остро ощущалась учителями, руководителями внешкольных организаций, которые хотели сохранить у молодого поколения веру. И.А. Лаговский, проводивший религиозно-педагогический семинар в Печорах в 1929 году (тогда территория Эстонии), свидетельствовал о живой сердечной тревоге за детей у учителей, которые стали участниками этого семинара: «кругом так много влияний, так много разрушающего, отметающего веру, отрицающего правду религиозной жизни, что блуждаешь как в потемках. Видеть же, как на твоих глазах тускнет огонек детской веры, как что-то гаснет, умирает в них и не знать, как помочь им, не знать, как спасти их душу от оскудения – это такая тоска, такая мука» [98, с. 20-21]. «Для нас было очевидно, - вспоминала С.С. Куломзина, - что к религиозному воспитанию

следует подходить не так, как к преподаванию Закона Божия в прежние времена, но у нас не было ни программ, ни книг, ни опыта. Главное, как мы считали, не то, что мы преподаем детям, а то, как мы живем с ними» [97, с. 212].

Присоединяясь к религиозно-педагогической работе в Движении, с точки зрения Л.А. Зандера, каждый неравнодушный к будущему молодых людей, мог внести свой вклад в обеспечение духовной и культурной преемственности между поколениями и таким образом, способствовать духовному возрождению русского народа в будущем. Ученый писал, что в сложившихся условиях, когда «дети - погибают: физически и духовно» оправдано «религиозно-педагогическое кустарничество» [35, с. 4,5].

Разработка христианско-антропологической концепции воспитания понималась В.В. Зеньковским и его единомышленниками как актуальная научно-педагогическая задача по обоснованию оцерковления школы и созданию целостной религиозной педагогики. Посредством кружковой работы, как одной из самых успешных форм работы Движения, совместно обсуждались различные проблемы теоретического и прикладного характера. Молодые люди получали возможность проявить инициативу и реализовать свои организаторские качества в деятельности объединений различной направленности [35]. Проведение религиозно-педагогических семинаров и совещаний, активная издательская деятельность РПК способствовали обмену опытом у верующих учителей и проведению религиозной миссии среди неверующих педагогов.

С увеличением времени пребывания в эмиграции педагогическому сообществу приходилось сталкиваться с новыми вызовами и искать пути воспитательного влияния на молодежь. Анализируя результаты анкетирования, проведенного в 1928 г. об отношении русских детей в эмиграции к России, А.С. Четверикова пришла к выводу, что у молодого поколения есть чувство нереальности русского культурного мира, Россия в их представлениях «есть довольно отвлеченное средоточие их идеала» [164, с. 2]. Ответы молодых людей показали, с одной стороны, их растущую увлеченность западными формами жизни, а с другой стороны, невозможность самоидентификации через них. Это состояние

исследователь охарактеризовала как «отпечаток ломанности» от столкновения российского и западного культурных миров [164, с. 2].

Характеризуя тяжелые условия жизни в эмиграции и их влияние на подрастающее поколение, В.В. Зеньковский выделил три вида давления среды: физическое, социальное и национальное. Физическое давление ухудшало здоровье молодого поколения за счет факторов среды, напрямую связанных со здоровьем: климатом, условиями жизни и питания. Социальное давление определялось жилищной нуждой, тяжелым трудом родителей, опасностью лишиться заработка. Результатом этого давления, в трактовке ученого, являлась злоба, раздражение, угнетенность у молодежи, и, как следствие, распространённое желание развлечься, признание важности материального благополучия, вера в силу денег. Национальное давление представляло собой влияние чужой культуры и психологический отрыв от родной культуры [43]. Внешняя свобода и мучительная тоска по Родине, отсутствие духовного простора и почвы под ногами являлись, по его словам, теми факторами, которые препятствовали развитию и укреплению духовной жизни молодых людей.

В.В. Зеньковский считал, что вдали от Родины дети развиваются не полно в силу того, что условия зарубежья не соответствуют их национальному типу. Инокультурная обстановка, с его точки зрения, не может быть заменой родному быту и семейной среде воспитания, которой зачастую были лишены дети и подростки в эмиграции [62]. В этой ситуации мыслитель видел путь религиозной жизни как единственно верный, на котором может раскрыться и расцвести духовная жизнь молодежи. Задачу религиозного воспитания мыслитель считал приоритетной для общественно-педагогического движения эмиграции и в целом для всего русского общества. С этой задачей мыслитель связывал ряд следующих целей: раскрытие для молодых людей истинного смысла жизни на началах православия, обретение ими целостного мировоззрения; преодоление давления инокультурной среды и сохранение национального самосознания; служение России для ее возрождения.

В силу изменяющегося социокультурного контекста достижение этих целей было связано с целым рядом сложностей. Опыт педагогической работы с мальчиками выявил острые проблемы псевдонационализма и подмены религиозных чувств национальными. Ученый отмечал, что часто в глазах молодежи грань между этими чувствами оказывается очень тонкой и поэтому предостерегал об опасности этой подмены в формировании национальной идентичности, указывая, что остро переживаемая молодым человеком национальная трагедия, может стать источником его религиозного пробуждения, но он при этом может так и не вступить на путь духовной жизни, и Церковь для него не откроется в полноте Божией благодати, а останется лишь символом Русского мира [75]. Мыслитель считал, что религиозное возрождение является исторической необходимостью, без которого эмигрантам не вернуть России ее силу и творческую мощь. Путь, открытый перед молодежью в эмиграции, по его словам, это не только путь их личного возрастания, но и путь восстановления России [63]. Воспитание национального чувства, как утверждал В.В. Зеньковский, возможно лишь на почве его религиозного осмысления.

В работе с девочками проявилась проблема искаженного понимания роли женщины, обозначилась тенденция к раскрепощенному поведению. А.Ф. Шумкина отмечала, что христианский идеал женщины часто осуждался девочками как несовременный, брак не считался ими источником духовной жизни. Вместо жертвенности – эгоизм, вместо смирения – желание подчинить себе мужчину, быть главой семьи [147].

Эта характеристика в понимании активных деятелей Движения свидетельствовала о духовном кризисе не только молодежи, но и старшего поколения. С отсутствием воодушевляющей веры и творчества, духовным одиночеством детей исследователи связывали их стремление к свободе, понятие о которой в секулярной культуре было совершенно отличным от христианского. А.С. Четверикова отмечала, что современной жизни присуща черта гнета: «Никогда раньше не бывало так мало внутренней и внешней свободы, как теперь» [160, с. 4]. Задачи, которые ставили перед собой В.В. Зеньковский и его единомышленники в

сущности являлись миссионерскими: раскрытие молодому поколению истин православия, ценности духовной жизни, смысла свободы и ее связи с добром, религиозного смысла чувства Родины. В.В. Зеньковский подчеркивал, что в религиозно-педагогической работе с молодыми людьми нужно прежде всего исходить из ее нужд и интересов, стремиться на их основе пробудить в душе веру и помочь им воцерковиться [46].

В конце 1920-х гг. в Движении активно внедрялись формы прямой религиозной работы и иные формы воспитательного влияния на молодое поколение, но они отличались от используемых в Христианском союзе молодых людей (УМСА). В.В. Зеньковский считал, что эта организация встала на путь прямого приспособления к интересам молодежи, что сказывалось на утрате религиозного характера осуществляемой ею деятельности, в то время как двумя основными идеями РСХД являлись принятие принципа примата Церкви и вытекающая из него идея церковной культуры. В понимании мыслителя принцип «примата Церкви» означал опровержение внеисторичности Церкви, признание ее жизненно-творческого значения, противодействие секуляризации посредством преобразования жизни в духе Церкви [75, с. 250]. Идея оцерковления жизни была принята на втором общем съезде в Пшерове в 1924 г. как основа идеологии Движения. Утверждение в 1928 г. должности священника, по словам В.В. Зеньковского, являлось завершением организационного процесса в РСХД и усилило литургический характер его деятельности. Духовным руководителем Движения до 1941 г. являлся прот. С. Четвериков. Свою главную задачу он видел в укреплении церковности в Движении, в содействии росту и развитию Движения для служения Православной Церкви и России [153]. Решение этой задачи он осуществлял не административными мерами, «все его влияние шло путями пастырских отношений с членами Движения» [6, с. 62].

Различные формы религиозно-педагогической работы в Движении воспринимались членами Кабинета как опыт для совершенствования воспитательной деятельности и ее распространения в эмиграции. К этой работе они стремились привлечь как можно больше представителей русского педагогического

сообщества и духовенства, но отклик с их стороны был незначительным. В 1929 году на основе анализа деятельности РПК на протяжении трех лет В.В. Зеньковский с болью констатировал изолированность Кабинета от общества и вместе с тем подчеркивал, что работа Кабинета очень успешна и имеет большую значимость для возрождения России.

С 1930 г. В.В. Зеньковский и его единомышленники от лица РПК стали принимать участие в международных конференциях, съездах и совещаниях по проблемам религиозной педагогики. Потребность в сотрудничестве с педагогическими деятелями из Греции и Болгарии во многом исходила из понимания проблемы созидания православной культуры как темы всей Православной Церкви. Вспоминая об общеправославном религиозно-педагогическом совещании в Салониках в 1931 г., В.В. Зеньковский писал о том, что взаимодействие с православными поместными церквями в решении общих проблем положило начало осознанию живой связи с ними [46].

Со съезда в Афинах в 1930 г. РСХД вошло в так называемое «экуменическое движение» под началом Христианского союза молодых людей и Всемирной христианской студенческой федерации (WCSF). По мнению В.В. Зеньковского, это не противоречило строгой церковности РСХД, напротив, свидетельство об истине православия укрепляло преданность его членов Православной Церкви. Ученый считал, что в деле охраны церковности у молодежи необходимо не обособление православных от христианского Запада, а сближение с ним. Сам факт внимания к молодежи в эмиграции, по его словам, во многом был следствием влияния западных (в частности протестантских) христианских организаций [76].

Участие РСХД в экуменической работе дало импульс к более глубокому изучению опыта воспитательной деятельности, осуществляемой в православных странах, а также исследованию успешных форм католической и протестантской работы с детьми и молодежью в Европе и в Америке. В связи с этим теоретические разработки, осуществляемые в РПК, вышли на новый уровень. В.В. Зеньковский считал, что современной христианской педагогике недостает воплощения новозаветных путей воспитания, предполагающих любовь и уважение к ребенку,

признания ценности свободы в воспитании. В этих вопросах именно православная педагогика, по его мнению, должна была сказать свое слово, внести свой вклад, опираясь на православную догматику [148]. Получили большую актуальность вопросы оценки современных педагогических проблем и проблем современной культуры, обоснования целостной религиозной школы, осмысления роли Церкви в воспитании и формирования среды воспитания, внутренне связанной с Церковью.

Основной предпосылкой создания церковной школы являлось, по мнению исследователей, раскрытие и обоснование жизненной правды религиозного мировоззрения и миропонимания. И.А. Лаговский акцентировал внимание, что церковной школе трудно осуществиться в условиях современной жизни, когда разрыв между верой и культурой так велик [100]. Воплощение замысла создания такой школы, по мнению ученого, возможно только на основе связи с семьей в единой среде воспитания. В этом контексте В.В. Зеньковский и И.А. Лаговский указывали на два процесса, характеризующие кризис семьи: превращение ее из трудовой единицы в потребительскую и изменение положения женщины в обществе. В современных мыслителях реалиях они считали важным объединить школу и семью вокруг Церкви и на этой почве выстраивать взаимодействие учителей и родителей.

В критике современных для исследователей педагогических течений («натурализма» и «утопизма») они акцентировали внимание на отсутствии единой руководящей идеи, периферийности воспитания, игнорировании духовных потребностей детей, выраженном принципе релятивизма. Педагогический кризис, с точки зрения ученых, был вызван дуализмом Церкви и культуры, дезактуализацией веры в прогресс и идей просвещения.

В начале 1930-х гг. серьезным вызовом для мирового педагогического сообщества стала проблема распространяющейся антихристианской идеологии и ее проникновения в педагогику. Е.Г. Осовский относил В.В. Зеньковского к числу немногих мыслителей, уже на раннем этапе ощутивших угрозу, исходящую от тоталитарной педагогики итальянского и германского фашизма и от авторитаризма советской педагогической системы [62]. Отношение к «национальной стихии» как

к высшей ценности, развиваемое в русле национализма, по словам В.В. Зеньковского, вело к отвержению общечеловеческих ценностей и оскудению души, ее ограниченности. Коммунизм, напротив, игнорирующий национальное начало в человеке, «утопичен и беспощаден в своем революционизме» [40, с. 3]. Единственным путем освобождения педагогики от этих негативных тенденций ученый считал тот путь, на котором она должна стать проводником религиозного мировоззрения [40].

В 1933 г. в Бухаресте состоялось совещание представителей Болгарии, Греции, Румынии, Югославии, в результате которого был основан комитет православных стран по работе с молодежью. В комитет вошли представители от духовенства и академического сообщества в этих странах, а также представители YMCA и WCCF. Комитет возглавил В.В. Зеньковский. С 1934 года под его руководством на русском и французском (до 1936 года) языках стал издаваться Бюллетень религиозно-педагогической работы с православной молодежью. Этот журнал был создан для объединения и сближения православных поместных церквей для внутренней миссии, которую В.В. Зеньковский считал «необычайно трудной, но и неотложной» [116, с. 3]. Важность этой миссии подчеркивалась мыслителем в связи с ростом атеизма, обострением политических, национальных, социально-экономических проблем.

Причина педагогического кризиса, по мнению А.С. Четвериковой, заключалась во внутреннем расхождении духа школы и духа современной молодежи. Исследователь отмечала, что школа предоставляет молодежи все больше внутренней и внешней свободы, смещая акцент с занятий на самодеятельность, творчество и активность, но результатом такого подхода становится тяготение подрастающего поколения к внутреннему и внешнему руководству вне школы, их уход «от педагогов к «вождям» [161, с. 13]. Дискредитацию школы на фоне роста различных организаций, имеющих деструктивное влияние на молодежь, представители РПК воспринимали как угрозу не только для среды русской эмиграции, но и для Европы, жившей прежде христианскими ценностями. Н.Н. Афанасьев отмечал, что в современном ему

обществе происходит потускнение христианских ценностей и идеалов, вследствие чего молодежь в своем большинстве не осознает значения церковного жизнепонимания и не может найти себя в Церкви [7]. Обратный секуляризации процесс построения православной культуры на этом этапе связывался у мыслителей с созданием современных форм христианской жизни, расширением социально-педагогической работы Церкви.

Деятели РПК считали, что молодежь как никогда нуждается в помощи со стороны Церкви, но для этого необходимо познание Ее жизненно-творческой силы. Просветительскую и воспитательную работу с подрастающим поколением В.В. Зеньковский предлагал строить на основе христианского учения о человеке. Важным условием воцерковления молодежи считалось сближение с ней духовенства в живом и непосредственном общении, согретом сердечностью и искренним вниманием. Личный пример и индивидуальное влияние священников было очень значимо в проведении летних лагерей – одной из самых успешных форм внешкольной религиозной работы с детьми и подростками в РСХД.

Очень многое для сближения Церкви и русского общества было сделано в РСХД в эмиграции за период его десятилетнего существования с 1923 г. по 1933 г. Деятельность Движения с центром в Париже успешно велась во Франции, Германии, Чехии, Болгарии, Финляндии, Латвии и Эстонии. Количество участников различных кружков достигало тысячи человек. В составе Движения действовали организации мальчиков («Витязи») и девочек («Девичьи дружины»), включавшие более тысячи детей и подростков. С Движением были связаны «Лига православной культуры», «Союз христианских врачей», «Союз православных педагогов».

РСХД внесло большой вклад в создание православно-культурной среды в эмиграции, объединив мирян в их служении Церкви. Движение выполняло роль связующего звена между младшим и старшим поколением эмигрантов на протяжении десятилетий. Многие молодые люди, посещавшие кружки РСХД и став его членами, стали работать в приходах; организовывать летние лагеря для детей и подростков; проводить занятия в воскресных школах, клубах и кружках;

оказывать помощь малообеспеченным эмигрантам. Благодаря этой работе за рубежом сохранялась духовная и национально-культурная идентичность русских эмигрантов.

В середине 1930-х гг. возникла необходимость осмысления сущности и форм христианского социального воспитания. Эта задача была обусловлена развитием идеологии коллективизма: «теперь сама жизнь требует того, чтобы отдельный человек сливался с другими, требует так называемой социализации сознания» [118, с. 3]. Распространение этой идеологии актуализировало проблемы морального воспитания, свободы личности и ее индивидуальности. Рост массовых движений, увлекающих молодежь, В.В. Зеньковский связывал с потребностью нового понимания свободы, обусловленного отказом от индивидуализма как наследия предыдущей эпохи. Однако, вместо раскрытия этих глубоких исканий на почве христианства, как утверждал ученый, происходит обоготворение нации или государства, опьянение социальной мифологией, идейный и физический террор с навязыванием обязательного мировоззрения [77]. Ставку на молодое поколение в тоталитарной идеологии, на ее энтузиазм и развитие у нее героического сознания мыслитель сравнивал со злоупотреблением наркотиком, подавляющим у молодежи «дар рассудительности» и наполняющим «души ядом фанатизма» [62, с. 164].

Представители христианско-антропологического направления педагогики в эмиграции считали, что противостояние этим разрушительным явлениям возможно только в системе христианского социального воспитания. Понимание Церкви как Богочеловеческого организма было положено исследователями в основу теоретических разработок вопросов социального воспитания. Соборность Церкви противопоставлялась коллективизму, подлинное раскрытие индивидуальности – ее подавлению.

В 1937 г. в Оксфорде прошел экуменический съезд, на котором был разработан при участии В.В. Зеньковского проект Меморандума по вопросам Церкви, Общества и Государства в отношении к воспитанию [89]. Высоко оценивая значение Оксфордского документа как первого опыта общехристианской работы, ученый констатировал, что он не раскрывает православного подхода к вопросам

воспитания. Отчасти это объяснялось незначительным количеством православных ученых в составе секции и редакционной комиссии.

В.В. Зеньковский отмечал, что в Оксфордском документе проблемы современности получили объективную оценку. В качестве факторов, негативно влияющих на воспитание молодежи, были выделены:

1) секуляризация современной жизни и культуры, ставшая почвой распространения идей национализма и тоталитаризма;

2) вера в прогресс, взаимосвязь процессов развития науки и техники и секуляризации сознания;

3) социальная дезинтеграция, разрушение устоявшихся общественных связей, разобщенность людей, увлечением массовыми движениями.

4) ослабление семейных отношений, в том числе в силу экономических причин (развитие промышленного производства, безработица и др.);

5) использование новых средств массовых коммуникаций (радио, кинематографа) в качестве пропаганды;

б) возрастающее вмешательство государства в дело воспитания [89].

В.В. Зеньковский утверждал, что все проблемы современности имели первопричиной секуляризацию. Это явление, по его словам, было характерно и для среды верующих людей и заключалось в «потускнении самого христианского сознания» [57, с. 8].

Основным недостатком Оксфордского документа ученый считал одностороннее раскрытие роли Церкви в христианском воспитании. Можно предположить, что отсутствие опоры на православную догматику в определении сущности христианского воспитания, недостаточная полнота в формулировке отдельных положений документа, послужили стимулом для создания В.В. Зеньковским вместе с сотрудниками РПК проекта меморандума православных педагогов в 1938 г. [71].

В.В. Зеньковский, внесший наибольший вклад в разработку меморандума, называл этот документ предварительным очерком, требующим обсуждения в среде православных педагогов. Структура и содержание документа свидетельствуют о

том, что разработка христианско-антропологической концепции воспитания осуществлялась с ориентацией на ее применение в современных условиях. В первой части Меморандума представлены догматические предпосылки православной педагогики, во второй части – христианская оценка современности, в третьей – конкретные пути христианского воспитания.

Следствием секуляризации культуры, стало, по мнению мыслителей, развитие аморализма в современности. Безуспешные попытки создания безрелигиозной морали, выведение из морального сознания понятия греха, с точки зрения мыслителей, приводят к опустошению души современного человека, при котором он становится не способным к глубокому и трезвому анализу своей жизни [71]. Религиозное обоснование педагогики в этих условиях требовало, по их убеждению, раскрытия творческой и преображающей силы христианства. Христианизация частной и общественной жизни понималась учеными как условие реализации теоретических разработок в области педагогики. В.В. Зеньковский акцентировал внимание на невозможности реализации христианского воспитания в культуре, не ориентированной на христианские идеалы и ценности [119]. Христианский идеал, по мнению Н.Н. Афанасьева, «не замыкается границами Церкви», его «осуществление зависит от христианского делания членов Церкви в мире» [11, с. 13]. Таким образом, для исследователей проблема христианского воспитания была тесно связана с проблемой активности членов Церкви в созидании православной культуры.

Представленные в проекте меморандума православных педагогов пути христианского воспитания свидетельствуют о том, что ученые придавали важное значение расширению педагогической деятельности Церкви: организации деятельности воскресных школ на основе тесной связи с церковными приходами; просветительской работы с детьми и молодежью, направленной на формирование у них целостного мировоззрения; создании Церковью своих средних и высших школ [71].

С началом Второй мировой войны и немецкой оккупацией Франции деятельность РСХД и РПК прервалась, были утрачены связи между активными

участниками Движения. Перед началом войны В.В. Зеньковский в числе других русских эмигрантов был арестован, содержался в течении сорока дней в одиночной камере парижской центральной тюрьмы, а затем четырнадцать месяцев в лагере для интернированных на юге Франции. Заключение привело его к решению стать священником. В 1942 г. он был рукоположен в сан иерея, в 1944 г. – в сан протоиерея, в 1955 г. - в сан протопресвитера. Отец Василий служил в Введенской церкви в Париже, духовно окормляя членов Движения.

Трагично сложилась жизнь самого ближайшего сподвижника В.В. Зеньковского – И.А. Лаговского. С 1933 г. ученый жил в Эстонии, в качестве секретаря РСХД занимался организацией религиозно-педагогической работы в Прибалтике, участвовал в создании Русского христианского движения крестьянской молодежи. В 1940 г. он был арестован НКВД по обвинению в антисоветской деятельности РСХД в Эстонии, в 1941 г. – расстрелян в Ленинграде. В 1990 г. реабилитирован судебной коллегией по уголовным делам Верховного Суда РСФСР, в 2012 г. мученик Иоанн Лаговский был причислен к лику святых Православной Церкви Священным Синодом Константинопольского патриархата [104].

Прот. С. Четвериков, уехав на о. Валаам в 1939 г., не смог вернуться во Францию. Так как территория Карельского перешейка вошла в состав Советского Союза он был вынужден вместе с братией монастыря бежать в Финляндию в 1941 г., затем добрался до Братиславы, где прожил шесть лет до своей кончины.

С.С. Куломзина в 1948 г. иммигрировала в США, где активно занималась религиозно-педагогической деятельностью, основала Комиссию по православному образованию, преподавала педагогику в Свято-Владимирской духовной семинарии.

Движение стало возрождаться в Германии в послевоенные годы. Члены РСХД путем индивидуальной работы помогали в организации церковной жизни, вели религиозно-педагогическую и социальную деятельность. В 1946 г. состоялось религиозно-педагогическое совещание, в 1948 г. прошел летний съезд православной молодежи. Придать жизни Движения организационный характер

удалось в 1949 г. после многократных встреч действительных членов, выстраивания связи с центром в Париже.

В 1949 г. по инициативе В.В. Зеньковского при Свято-Сергиевском богословском институте в Париже были организованы Высшие вечерние женские богословские курсы, готовящие женщин к служению в Церкви. Занятия на курсах вели преподаватели института.

Издательская деятельность РПК была возобновлена в 1951 г. после двенадцатилетнего перерыва. В издании Бюллетеня религиозно-педагогической работы с молодежью принимали участие Н.Н. Афанасьев, К.А. Ельчанинов, протоиерей А. Князев, протоиерей Александр (Семенов-Тянь-Шанский), протопресвитер В. Юрьев, А.С. Четверикова. Сотрудники Кабинета обращались к русским людям в эмиграции с призывом присоединиться к религиозно-педагогической работе с детьми и юношеством. В.В. Зеньковский подчеркивал важность этой работы «после двух страшных войн, после открытого и дерзкого появления безбожия, когда во всем мире, а не только в религиозной сфере, замечается ужасающее духовное опустошение, одичание душ, живущих без религиозного воодушевления» [68, с. 3].

В Кабинете продолжились теоретические разработки по обоснованию церковной школы и православно-культурной среды воспитания. Внешкольная работа с детьми и молодежью в форме воскресно-четверговых школ, кружков и лагерей продолжалась, однако, как отмечали сотрудники Кабинета, этой работы было недостаточно для того, чтобы привести детей к Церкви. Для религиозного и национального воспитания необходима была совместная работа с семьями. Ввиду того, что в эмиграции оказались дети и молодежь из Советской России, требовалась разработка новой программы религиозного преподавания.

В конце 1950-х гг. В.В. Зеньковский акцентировал внимание на том, что развитие религиозной педагогики одними педагогическими средствами в «безрелигиозной или религиозно-увядшей» атмосфере крайне затруднительно [70, с. 5]. Общее церковное пробуждение и создание церковной среды, по его

мнению, являются необходимым условием для дальнейшего педагогического творчества в области религиозной педагогики.

Осуществленный анализ позволяет сделать следующие выводы. Развитие христианско-антропологической концепции воспитания в педагогике Российского Зарубежья в 20-50-е гг. XX в. было связано с задачей сохранения духовно-национальной идентичности эмигрантов в изменяющихся условиях инокультурной среды. На протяжении почти четырех десятилетий В.В. Зеньковский и его единомышленники занимались разработкой отдельных компонентов христианско-антропологической концепции воспитания, актуализируя потенциал христианского учения о человеке для ответов на сложные вызовы времени. Внимание исследователей фокусировалось на проблемах, которые отражались на духовном состоянии молодежи и были связаны с отрывом от Родины, секуляризацией культуры и последствиями мировых потрясений. Русское студенческое христианское движение, вокруг деятельности которого сплотились представители русской интеллигенции и молодежь в эмиграции, стало попыткой реализации идеи оцерковления жизни и культуры на началах православия.

Выводы по Главе 1

Анализ теоретико-методологических предпосылок развития христианско-антропологической концепции воспитания в педагогике Российского Зарубежья в 20-50-е гг. XX в. позволяет сделать следующие выводы:

1. Современные исследования свидетельствуют о растущем интересе ученых к христианско-антропологической идее воспитания. Сегодня направление православной педагогики, разрабатываемое на основе идей христианской (православной) антропологии, является одним из приоритетных в отечественной научно-педагогической мысли. Обращение к христианскому учению о человеке, выявление его потенциала в обосновании методологических и теоретических оснований воспитания создает фундамент для перспективных педагогических исследований, посвященных проблеме сохранения и укрепления традиционных российских духовно-нравственных ценностей. Достижения современных ученых по разработке христианско-антропологической идеи воспитания позволяют с современных методологических позиций изучать и реконструировать педагогическую реальность прошлого.

2. В отечественной философско-педагогической мысли идеи христианской антропологии получили осмысление в 30-50-е гг. XIX в. в трудах философов-славянофилов старшего поколения: А.С. Хомякова, И.В. Киреевского, К.С. Аксакова и Ю.Ф. Самарина. Развивая эти идеи на основе святоотеческого наследия, мыслители внесли существенный вклад в разработку мировоззренческого базиса православной педагогики. Религиозно-философская традиция, заложенная старшими славянофилами, актуализировалась в педагогической мысли Российского Зарубежья в 20-50-е гг. XX в. Влияние педагогических воззрений старших славянофилов отразилось не только на теоретических построениях педагогов в эмиграции (В.В. Зеньковского и его единомышленников: Н.Н. Афанасьева, Л.А. Зандера, И.А. Лаговского, прот. С. Четверикова, А.С. Четвериковой и др.), но и на практике религиозно-педагогической работы с

молодежью в Русском студенческом христианском движении, деятельность которого основывалась на идее православной культуры.

3. Опираясь на идеи христианской антропологии, В.В. Зеньковский и его единомышленники стремились осмыслить проблемы воспитания в актуальном социокультурном контексте и найти пути их решения. Предпосылками развития христианско-антропологической концепции в педагогике Российского Зарубежья в рассматриваемый период стали такие социокультурные факторы, как:

- необходимость национального воспитания детей и подростков в условиях эмиграции при возрастающем «давлении» иной культуры и денационализации;
- возникновение общественно-педагогического движения, его активная деятельность на обширной территории рассеяния;
- потребность в разработке направлений педагогической науки, способных отвечать задачам воспитания в инокультурной среде;
- стремление эмигрантов к национально-культурному единству и сохранению национальной идентичности;
- духовное возрождение, рост роли Православной Церкви в эмигрантском сообществе;
- антирелигиозная пропаганда в Советской России;
- мессианские устремления эмигрантов в служении будущей России и раскрытии Западу русской культуры;
- поддержка, оказываемая эмигрантам со стороны христианских организаций и фондов, обмен опытом.

Глава 2. Обоснование христианско-антропологической концепции воспитания в трудах педагогов Российского Зарубежья в 20-50-е гг. XX в.

Наибольший вклад в развитие христианско-антропологической концепции воспитания в педагогике Российского Зарубежья в 20-50-е гг. XX в. внес выдающийся ученый В.В. Зеньковский. Мыслитель подходил к проблемам воспитания не только как педагог и психолог, но задействовал весь спектр своих научных интересов: философии, богословия, апологетики, культурологии, литературоведения. Стремление ученого целостно осмыслить сущностные основы воспитания в русле религиозной педагогики нашло отклик у его ближайших сподвижников, которые напрямую были связаны с деятельностью РСХД и занимались организационно-педагогической работой и религиозным воспитанием молодого поколения в условиях инокультуры: Н.Н. Афанасьев, Л.А. Зандер, И.А. Лаговский, прот. С. Четвериков, А.С. Четверикова и др. Разрабатывая отдельные элементы христианско-антропологической концепции воспитания, единомышленники В.В. Зеньковского также внесли неоценимый вклад в развитие отечественной педагогической мысли.

2.1 Христианско-антропологическое обоснование принципов воспитания в педагогике Российского Зарубежья рассматриваемого периода

В соответствии с современными методологическими представлениями изучение содержания и генезиса педагогической концепции в историко-педагогическом процессе предполагает выявление совокупности следующих элементов: ведущей проблемы образования и воспитания; комплекса идей, выражающих замысел концепции; ключевых понятий; принципов, задающих направленность педагогической деятельности; суждений о требуемом содержании воспитательного и образовательного процессов; форм и методов воспитания и образования [17]. Из приведенного методологического тезиса следует, что для выявления принципов воспитания как структурного элемента христианско-

антропологической концепции воспитания в процессе ее целостной реконструкции в педагогике Российского Зарубежья в 20-50-е гг. XX в. необходимо: установить ведущую проблему воспитания, определить комплекс идей христианской антропологии, представляющих собой методологическую основу концепции; сформулировать цель воспитания.

В.В. Зеньковский выделял следующие проблемы воспитания, характеризующие состояние современной ему педагогики:

- ложность «метафизического индивидуализма» как явления секулярной педагогики, в русле которого понятие личности носит абсолютный характер;
- отсутствие целостного подхода к воспитанию, преобладание реалистических и материалистических установок в педагогике, избыточная ориентация задач воспитания на развитие отдельных функций для успешной самореализации и социализации личности;
- недостаточная разработанность учения о человеке, на которое опирается педагогика, в вопросах цели и смысла жизни человека, земного и вечного бытия, а также в проблематике воспитания добра и раскрытия «дара свободы» [62].

Подчинение педагогической мысли принципам натурализма и эмпиризма воспринималось ученым как кризисное явление. Можно констатировать, что ведущей проблемой воспитания для него выступала автономность педагогики от религии, а вышеперечисленные были ее следствиями и проявлениями. При этом В.В. Зеньковский акцентировал внимание на проблеме «внутренней секуляризации» педагогики, а не на внешнем отделении школы от Церкви. Эта проблема обусловила в качестве актуальной задачу разработки христианско-антропологических оснований педагогики для обоснования целостного подхода к воспитанию. Мыслитель подчеркивал, что обращение к идеям христианской антропологии актуально не только для осмысления отдельных видов воспитания, непосредственно связанных с духовной сферой человека, но требуется в целом для педагогики [67]. В религиозном обосновании педагогики В.В. Зеньковский и его

единомышленники стремились к раскрытию и осмыслению органической связи важнейших научных достижений с системой религиозных идей.

Основные идеи христианской антропологии, к которым обращались ученые, были развиты Отцами Церкви на основе библейской антропологии и новозаветного учения о человеке. Обосновывая недостаточную разработанность проблемы антропологии в православном богословии, В.В. Зеньковский, как он сам признавался, был «вынужден в ряде пунктов, с полным сознанием личной ответственности, выдвигать формулы, которых не знает традиция или на которые в ней даны лишь намеки» [65, с. 9]. В результате анализа сочинений мыслителя, были выделены следующие идеи христианской антропологии, обусловившие принципы воспитания в реконструируемой концепции: идея сотворения человека по образу Божию; идея поврежденности природы человека вследствие первородного греха; идея иерархического устройства человека и приоритета духовного начала в нем; идея дарованной Богом человеку свободы; идея о невозможности спасения человека вне Церкви.

Учение об образе Божиим в человеке – центральная идея христианской антропологии, согласно которой человек не является собственником своей природы, он одновременно принадлежит двум мирам: тварному и Абсолютному [67]. По мнению В.В. Зеньковского, образ Божий в человеке не является его природой, «но он входит в его природу и дает ей то начало личности, которого в тварном мире вне человека нет» [67, с. 150]. Ученый рассматривал образ Божий как дар духовной жизни, индивидуальный отсвет Божества, источник творческой силы, способность души искать Бога [75]. Исходя из этого понимания мыслитель определил понятие личности человека как «образа личности в Боге», как проводника ««света истинного», исходящего от Бога» [65, с. 19]. Во внерелигиозном понимании личности как самосушей и независимой, по словам В.В. Зеньковского, жизнь человека лишается подлинного смысла как поиска восполнения в Боге [67].

Принцип признания образа Божия началом личности является одним из ключевых в исследуемой концепции. В осознании реальной действительности образа

Божия в человеке и в рассмотрении центрального для педагогики понятия личности через призму христианского мировоззрения, по словам ученого, получает обоснование вера в возможность изменения человека к лучшему, его преобразования [71]. Можно согласиться с Л.А. Романовой в том, вера педагога в Бога в божественную сущность духовной сферы личности ребенка у В.В. Зеньковского выступала «не просто предпосылкой, фоном, способствующим совершенствованию воспитательного процесса, но непосредственной, основной его движущей силой» [126, с. 53]. Именно на этом пути, как утверждал мыслитель, забота о детях и внимание к их внутренним духовным процессам ставят вопрос о поиске взаимосвязи целей воспитания для земной и вечной жизни [67]. При этом ученый акцентировал внимание на том, что постановка этого вопроса не является следствием религиозного обоснования педагогики, а напротив, требует его. Именно в теме смерти, по его мнению, углубляется перспектива воспитания и раскрывается его подлинный смысл, связанный с целью спасения души человека [67]. Преобразование человека, его обожение, понималось мыслителем как путь и идеал духовной жизни, что обусловило сотериологическую направленность христианско-антропологической концепции воспитания.

С грехопадением образ Божий в человеке не утерян, он остается действенным и связывает людей с Богом - эта идея, по словам В.В. Зеньковского, является основной антропологической идеей в православии. Мыслитель утверждал, что только в православии сохранилось понимание мира и человека, которое изначально было в христианстве, но со временем подверглось искажениям в католичестве и в протестантизме. Так, в православной антропологии греховная поврежденность человека, его ограниченность и слабость не отменяют глубину его ценности: «пасхальное восприятие света и добра в человеке в православии так сильно, что в нем тонет даже грех и ложь» [67, с. 40]. Такое понимание исключает восприятие природы ребенка как изначально целостной, но вместе с тем возвышает роль воспитания и указывает на необходимость уважения и подлинной любви к детям.

Ученый считал, что следствием греха является противоборство личности и природы в человеке. Их неотделимость друг от друга мыслитель трактовал как

органическую целостность человека, обретение же подлинной целостности он видел в раскрытии образа Божия. Отсюда воспитание он понимал как «путь к восстановлению целостности в человеке» и подчеркивал, что воспитательное вхождение в душу ребенка должно опираться на благодатную помощь свыше [67, с. 131]. В логике этих размышлений мыслитель определил цель воспитания как «помощь детям в освобождении их от власти греха через благодатное восполнение, находимое в Церкви, помощь в раскрытии образа Божия» [67, с. 152]. Для христианского сознания, по мнению ученого, смысл воспитания не может быть иным, как только церковным, что подразумевает не внешнее подчинение воспитания клиру Церкви, а внутреннее согласование дела воспитания с целью спасения человека. Приведенные рассуждения В.В. Зеньковского свидетельствуют о том, что идея о воспитании как пути к восстановлению целостности в человеке является ключевой в исследуемой концепции.

Опираясь на идею Церкви как спасительной силы, освобождающей от власти греха, мыслитель пришел к выводу, что «все педагогическое дело должно вести детей ко Христу и Его Церкви, к постоянному питанию от тех благодатных даров, которые есть в Церкви» [60, с. 9]. Эта трактовка позволяет выделить принцип христоцентричности в воспитании, сущность которого состоит в ориентации воспитателя на со-помощь ребенку в его общении со Христом для развития его осознанной духовной жизни.

Принадлежность человека двум мирам – тварному и духовному, определяет в христианской антропологии двухчастное и трехчастное понимание устройства человека (дихотомия и трихотомия). В структуре человека В.В. Зеньковский выделил три сферы: духовную, психическую и физическую. При этом часто ученым использовались термины «психофизическая сфера», «психотелесная сфера», «чувственная сфера» и «эмпирия», что соответствует двухчастной модели. В соответствии с христианско-антропологической идеей о иерархическом устройстве человека ученый указывал на невыводимость духовного начала из эмпирии, его приоритет над психофизической сферой. Духовная сфера в понимании В.В. Зеньковского является источником целостности человека, и в то

же время именно в ней в силу первородного греха непрестанно идет внутренняя борьба светлых и темных духовных движений. Исходя из признания того, что духовное начало может быть пленено «низшими влечениями» вследствие произволения человека, его отчуждения от Бога, В.В. Зеньковский в качестве основной задачи воспитания выделил развитие и углубление духовной жизни ребенка [67, с. 47]. Таким образом, христианско-антропологическая идея об иерархическом устройстве человека обуславливает принцип иерархии задач воспитания, согласно которому религиозное воспитание имеет приоритетное значение в реконструируемой концепции.

Важно отметить, что структурность в описании природы человека не отменяет у В.В. Зеньковского взаимосвязи духовной и психофизической сфер. Психическая и телесная сферы, являются, в трактовке мыслителя, «проводниками» и выражением духовного начала и оказывают взаимное влияние друг на друга. Из этих размышлений мыслителя следует критика им тех педагогических течений, в которых акцент ставился на развитие отдельных сторон личности [67]. Решение проблемы воспитания целостной личности он видел во всестороннем развитии растущего человека при приоритете пробуждения и укрепления в нем духовной жизни. С этих позиций воспитательное влияние, направленное на развитие способностей ребенка, в первую очередь должно осуществляться через содействие его воцерковлению [71]. Таким образом, в русле христианско-антропологической идеи сотериологическая направленность воспитания согласуется с задачами интеллектуального, физического, эстетического, социального и других видов воспитания, что отражает сущность принципа целостности воспитания.

Признавая инструментальное значение психофизической сферы, В.В. Зеньковский отрицал наличие генетической связи между ее обогащением и развитием духовной жизни. Мыслитель отмечал, что светской педагогике Запада присуще убеждение в том, что духовная жизнь человека может развиваться и поддерживаться под влиянием внешних факторов преимущественно дисциплинарного характера [58]. Правильная духовная жизнь с точки зрения ученого, не создается извне, напротив, ее динамика обусловлена внутренним

самоопределением человека, его свободным выбором. Ученый утверждал, что проблема свободы, являясь одной из самых сложных в воспитании, может быть разрешена только на основе связи с темой спасения [58].

В христианской антропологии свобода человека понимается как Божий дар. Стремление к свободе является естественным, однако из-за поврежденности природы человека вследствие грехопадения возникла проблема выбора между добром и злом. Обретение подлинной свободы как свободы от греха начинается с освобождения духа и возможно только при сознательном стремлении человека к осуществлению воли Божией, что связано с выбором добра [94].

Свобода человека, дарованная ему Богом, в трактовке В.В. Зеньковского предполагает возможность выбора человеком наполнения своей духовной жизни: «возможна в нас «светлая», но возможна и «темная» духовность» при ненарушенной, но искаженной целостности [67, с. 47]. Мыслитель выделял в христианском учении о свободе три ключевые идеи: положительная сила свободы раскрывается в Богообщении; человек призван к тому, чтобы стать свободным, связать дар свободы с добром на пути духовного возрастания; овладение личностью даром свободы возможно лишь в соборной жизни в Церкви [75].

Духовное раздвоение внутри человека, по мнению ученого, может быть преодолено только посредством свободного обращения к Богу и возрастания в любви к Нему. Мыслитель считал, что лишь в соединении с Богом человек может обрести свободу от своей тварности и ограниченности. В.В. Зеньковский был убежден, что свобода в естественном состоянии стеснена грехом и нуждается в очищении, «которое совершается в таинственном преображении сердца <...> через духовную жизнь и участие в таинствах» [71, с. 9].

Свобода личности понималась ученым как «драгоценнейший дар, сущность и основа всей духовной жизни, несравнимое свидетельство образа Божия в человеке», поэтому он выдвигал задачу воспитания «дара свободы» в его связи с добром как одну из приоритетных [75, с. 285]. Мыслитель считал, что свобода не столько дана, сколько задана человеку Богом также, как и восстановление подлинной целостности, поэтому вне задачи развития свободы он не видел смысла

воспитания [67]. В.В. Зеньковский утверждал, что только в Церкви с помощью благодати Божией и в соборном единении с другими людьми человек может преодолеть тяготение ко греху и стать подлинно свободным. Понимание свободы как дара, который необходимо раскрыть на основе его связи с добром, отвечает сущности принципа свободы в исследуемой концепции воспитания.

В понимании В.В. Зеньковского свобода связана с корнем своеобразия личности человека, с его индивидуальностью. Развитие индивидуальности, по мнению ученого, определяется логикой духовной жизни каждого человека. Мыслитель использовал понятие креста в значении индивидуального пути человека, на котором может быть восстановлено общение с Богом. Он был убежден, что подлинная индивидуальность человека раскроется, если он добровольно и осознанно будет стремиться к тому, чтобы, полагаясь на Бога пройти свой жизненный путь и преодолеть все трудности [66]. В этом вопросе ученый был верен православию и не принимал идею о безусловном предопределении человека, развитую в протестантизме. Таким образом, сущность принципа индивидуальности заключается в направленности педагогического влияния на раскрытие своеобразия растущего человека в русле его духовного развития.

Мыслитель считал, что только через живое участие в Церкви, основанной Христом для благодатного преобразования людей и мира, возможно исцеление поврежденной грехом природы, раскрытие образа Божия, обретение свободы и развитие индивидуальности. В контексте идеи христианской антропологии о невозможности спасения человека вне Церкви, В.В. Зеньковский акцентировал внимание на том, что в процессе воцерковления преодолеваются барьеры между людьми, являющиеся следствием поврежденности человеческой природы [66]. В его трактовке соборность означает «органический тип социальной связности» [67, с. 93]. Исходя из понимания Церкви как благодатной соборности, ученый подошел к определению «воспитания – как «оцерковления» личности через жизнь в Церкви, через благодатное, в таинствах подаваемое восполнение человека» [67, с. 152]. Христианское осмысление «человека, пребывающего в Церкви»

является ключевым в исследуемой концепции и объясняет смысл воспитания [66, с. 67]. На основе трактовки В.В. Зеньковским роли Церкви в воспитании были выделены принципы воцерковления и соборности.

Осуществленный анализ педагогического наследия мыслителя позволяет сделать ряд выводов. Воспитание представляет собой содействие ребенку в индивидуальном духовном возрастании и его воцерковлении для раскрытия в нем образа Божия и обретения духовной свободы. Принципами воспитания, соответствующими ключевым идеям христианской антропологии являются следующие: признания образа Божия началом личности, христоцентричности, иерархии задач воспитания, целостности, свободы, индивидуальности, воцерковления, соборности.

Анализ педагогического содержания идей христианской антропологии в наследии В.В. Зеньковского позволил выявить преемственность с построениями старших славянофилов. В своих размышлениях о сущностных основах воспитания В.В. Зеньковский также, как и славянофилы, обозначил в качестве приоритетной проблему воспитания целостного человека, указал на важность приобщения детей к нравственным ценностям православия: веры в Бога, любви, свободы, добра, приоритета духовного над материальным. В трактовке концептов духовного начала в человеке, свободы, воцерковления и соборности преемственность в построениях мыслителей выражается особенно рельефно. Это доказывает положение З.И. Равкина о том, что аксиологические ориентиры образования, принадлежа конкретному периоду, могут на новом этапе исторического развития «обретать новый смысл, вступать в контакт с ценностями последующего периода, сохраняя конструктивно-позитивное, непреходящее значение» [123, с. 88].

Для обоснования христианско-антропологической концепции воспитания в современном социокультурном контексте В.В. Зеньковский обращался к идеям православной культуры и целостного синтеза науки и религии. В этой познавательной стратегии также проявляется преемственность со старшими славянофилами, стремившимися к построению культуры, внутренне связанной с Церковью и к объединению философии и религии.

В работе «Идея православной культуры», изданной в 1923 г., В.В. Зеньковский дал критику современной секулярной культуры и обосновал необходимость преодоления автономии в разных сферах жизнедеятельности человека, в том числе и в воспитании. Он считал, что независимая наука, автономная этика, свободное творчество и другие явления светской культуры Запада носят не только внерелигиозный и внецерковный, но часто выраженный антирелигиозный и антицерковный характер. По мнению ученого, именно процессы секуляризации стали почвой для зарождения течения «воинствующего гуманизма», являющегося как это ни парадоксально религиозным по своей сути [45, с. 27]. В эмиграции вопрос об утрате внутренней целостности европейской культуры имел для мыслителя важное значение в русле проблемы выбора Россией своего пути развития и применительно к вопросу о взаимоотношениях России и Запада [34].

В качестве альтернативы западным тенденциям ученый предложил идею православной культуры, тем самым призывая к актуализации христианских идеалов в современном обществе, и к созданию форм культуры, внутренне связанных с Церковью [45]. Именно с православием мыслитель связывал возможность преображения души человека и культуры изнутри. В сущности, идея православной культуры подразумевала оцерковление различных сфер жизни и предотвращение внутреннего распада культуры. В этом контексте важно отметить, что В.В. Зеньковский развивал построения Н.В. Гоголя, которого считал плодовитым религиозным мыслителем, «пророком православной культуры», оказавшим существенное влияние на развитие русской религиозно-философской мысли [74, с. 239].

Из идеи православной культуры исходила у мыслителя идея оцерковления педагогики. С.И. Гессен первым высказал утверждение, что «педагогика Зеньковского - это не только религиозная педагогика и даже не только вероисповедальная, она - церковная педагогика» [23, с. 206]. Действительно, В.В. Зеньковский подчеркивал, что принципиальной основой для построения православной педагогики является идея «внутреннего одухотворения культуры

всем тем, что несет нам Церковь и в мистической и в исторической ее стороне» [59, с. 7]. Как представляется, мотивы В.В. Зеньковского отвечают современной интерпретации антропологической сущности образования в следующих аспектах: передача культуры; «лечение культурой (через воспитание ученика)»; «лечение культуры как таковой воспитанием ее носителей в стремлении к улучшенному варианту реальности» [142, с. 703].

Оцерковление педагогики как части общей культуры для мыслителя являлось одной из приоритетных теоретических задач. В обосновании христианско-антропологической концепции воспитания он стремился приблизить школьное и внешкольное направления воспитания к тому педагогическому влиянию, которое оказывает Церковь для противостояния негативным тенденциям современной культуры [67]. Идея православной культуры стала для ученого программной в его научной и общественной деятельности в эмиграции, была положена в основу религиозного обоснования педагогики. В создании «островков» православной культуры мыслитель рассматривал возможность организации соответствующей воспитательной среды целостной школы.

Не отвергая достижений современной педагогической науки, В.В. Зеньковский выступал за сближение педагогических интуиций и религиозной сферы, предложив в качестве руководящей идею целостного синтеза науки и религии [67]. Как отмечают исследователи научного наследия В.В. Зеньковского (А.В. Антонец, Е.А. Глущенко, О.Т. Ермишин, В.М. Летцев и др.), идейный синтез являлся характерной чертой методологии ученого. Примечательно, что эта черта сближает В.В. Зеньковского с И.В. Киреевским, что показывает его собственная трактовка наследия философа-славянофила: «Идея синтеза церковного сознания с высшими и ценнейшими итогами современного просвещения, завещанная романтизмом, осталась дорогой Киреевскому до конца жизни» [48, с. 219]. Таким образом, можно прийти к выводу, что обоснование христианско-антропологической концепции воспитания В.В. Зеньковским осуществлялось в русле стратегии старших славянофилов.

Идея целостного синтеза науки и религии выражено проявилась в разработке В.В. Зеньковским принципа индивидуальности, имеющем приоритетное значение в христианско-антропологической концепции воспитания. Проблема индивидуальности была одной из тех, к которым он возвращался в своих трудах на протяжении всей научной деятельности. Разрабатывая эту проблему, мыслитель стремился к осмыслению и раскрытию внутренней связи положений, развитых в современной ему педагогике и психологии с идеями христианской антропологии [67]. В продолжение существующих исследований по данной проблематике является важным изучение генезиса принципа индивидуальности в наследии ученого, позволяющим реконструировать процесс последовательной разработки им этого элемента христианско-антропологической концепции воспитания и представить реализацию идеи целостного синтеза науки и религии [4, 5, 24].

Первые труды, в которых мыслитель обратился к проблеме индивидуальности были написаны В.В. Зеньковским еще до эмиграции: «Принцип индивидуальности в психологии и педагогике» (1911 г.), «Социальное воспитание, его задачи и пути» (1918 г.). В первой работе на основе анализа современных ему психологических подходов к разработке понятия индивидуальности, он пришел к выводу, что интересы ученых лежат в основном в исследовании индивидуальных различий, а вопросу о составе индивидуальности не уделяется должного внимания. Понимание индивидуальности как искусственной комбинации характерологических единиц, по его мнению, сужает возможности воспитательного влияния по отношению к тем детям, у которых те или иные способности ярко не проявляются. Следовательно, ученый обозначил в качестве научно-педагогической проблемы подмену задачи воспитания индивидуальности частной задачей индивидуализации воспитания и предложил разделять понятия индивидуальности и индивидуальных проявлений. С его точки зрения, педагог должен стремиться к тому, чтобы воспринимать растущего человека целостно, видеть в нем в первую очередь живое творческое начало, выражением которого являются индивидуальные особенности. Мыслитель указал, что при таком

отношении педагогу откроется индивидуальность ребенка в контексте его психического развития [62]. В трактовке ученого индивидуальность представляет собой основное, организующее ядро в человеке, определяющее целостное единство его психической жизни, а также его индивидуальные особенности.

Педагогическое влияние, направленное на развитие индивидуальности каждого ребенка, становится обязательным, по мнению В.В. Зеньковского, лишь в религиозных перспективах. Выступая с критикой развивающемуся течению индивидуализма в современной ему педагогике, ученый предложил осмыслить вопросы развития индивидуальности на основе христианского мировоззрения. По его словам, только в христианстве утверждается подлинная ценность каждого человека и открывается бесконечность пути его развития и совершенствования. Этим обусловлено приоритетное значение принципа индивидуальности в христианско-антропологической концепции воспитания. В.В. Зеньковский выделил три ключевых педагогических проблемы в контексте принципа индивидуальности: свободы и принуждения; универсализма и индивидуализма; проблему «каждого».

Проблему свободы ученый связывал с задачей охранения творческого развития души и создания условий для этого развития. Признавая неустранимость принуждения в педагогике, он считал, что для развития индивидуальности необходима атмосфера любви, дружелюбия, серьезного внимания и подлинного уважения к ребенку. В вопросе о необходимости религиозного воспитания, в котором проблема свободы проявляется особенно остро, мыслитель придерживался мнения, что, напротив, отсутствие религиозного воспитания является ограничением свободы ребенка [62].

Посредством проблемы универсализма и индивидуализма В.В. Зеньковский обосновывал необходимость усвоения личностью универсального содержания сокровищницы культуры для развития индивидуальности. В личности тесно связаны общее и своеобразное, универсальное и индивидуальное, поэтому процесс развития индивидуальности опосредуется приобщением к общечеловеческим ценностям и сопровождается нравственным совершенствованием человека.

Следование единому обезличивающему идеалу в воспитании ученый считал ошибочным. Таким образом, условием развития индивидуальности является творческое усвоение универсального содержания, не подавляющее личность.

Проблему «каждого», то есть проблему воспитания индивидуальности в детях, в которых она слабо выражена, мыслитель связывал с необходимостью любви к каждому ребенку. Понимая индивидуальность как цельное бытие, он утверждал, что воспитательное влияние на ребенка должно сопровождаться живым переживанием его своеобразия и ценности [62].

Представленная трактовка данных проблем позволяет прийти к выводу, что В.В. Зеньковский понимал задачу развития индивидуальности как религиозную проблему. Выделяя принцип индивидуальности в качестве ключевого в педагогике, ученый обосновал необходимость разработки целостного педагогического подхода к развитию индивидуальности на почве православия.

В работе «Социальное воспитание, его задачи и пути» мыслитель расширил понимание индивидуальности на основе взаимоотношений человека с социальной средой, которая выступила в его размышлениях уже не только как носительница универсального содержания, но и как условие развития индивидуального самосознания, область проявления социальной активности человека. Он вернулся к вопросу взаимосвязи общего и индивидуального в личности, понимая под общим социальное и рассматривая социальную жизнь как составляющую целостной жизни личности [62]. Воспитание ребенка в изоляции от социальной среды, по мнению В.В. Зеньковского, не может способствовать развитию индивидуальности, а напротив, усиливает эгоистическую направленность личности.

Развитие индивидуальности, с точки зрения ученого, должно осуществляться в интересах общности людей как социального целого. Он противопоставил индивидуалистическое непонимание в педагогике, рассматривающее ребенка как замкнутую индивидуальность, христианскому непониманию, в котором индивидуальность раскрыта миру и ее развитие связано с жертвенной любовью и служением ближним. В развитии социальной отзывчивости решающую роль имеет, по мнению ученого, семейное воспитание. Отсюда возможен вывод о том,

что, в контексте принципа индивидуальности задачи социального воспитания В.В. Зеньковского связывал с развитием социально-психологической стороны личности, расширением социальной активности и социальных связей.

В работе «Психология детства» (1924 г.) ученый обосновал необходимость разработки метафизического понятия личности, объясняющего источник ее индивидуального своеобразия и особенности развития психической жизни ребенка. Детская личность, по словам В.В. Зеньковского, характеризуется невыраженной внеэмпирической стороной. Мыслитель считал, что с ней связан центр индивидуальности, который по мере взросления человека «вносит гармонию и порядок в личность, формирует и объективирует индивидуальность и ведет процесс психического созревания к той идеальной форме, в которой данная индивидуальность сможет раскрыть всю себя» [62, с. 696]. По мнению ученого, детская личность ищет свой собственный путь развития, отсюда следовала в его рассуждениях критика стратегии воспитания «человека вообще». Мыслитель показал, что задача воспитания индивидуальности должна включать в себя поддержку ребенка в его поиске индивидуальной траектории своего развития.

Вместе с тем ученый подчеркивал значимость педагогической интуиции и равнодушного отношения к ребенку. Видеть в личности образ Божий сквозь множество внешних проявлений, смотреть на ребенка любящим взором, – так мыслитель характеризовал живое переживание детской индивидуальности, на которое способна мать и которого так часто недостает педагогам. На основе приведенных тезисов возможен вывод, что разработка метафизического понятия личности связана у В.В. Зеньковского с размышлениями об индивидуальном пути развития личности, ее внутренней жизни.

В статьях «О педагогическом интеллектуализме» (1923 г.) и «Об иерархическом строе души» (1929 г.) мыслитель акцентировал внимание на необходимости поддержки и развития эмоциональной сферы души ребенка. Опираясь на принцип иерархии задач воспитания, он рассматривал эмоциональную сферу души как центральную и придавал ее развитию ключевое значение в раскрытии индивидуальности. В качестве проблемы школьного воспитания им

обозначался приоритет развития интеллекта и активности, вследствие чего у многих выпускников школ даже при наличии глубоких познаний и сформированных навыков «индивидуальность проявляется лишь в мелком и ничтожном» [62, с. 154]. Чтобы каждая личность смогла достичь своего высшего творческого расцвета и найти путь к своей индивидуальности, основной задачей школы, по мнению ученого, должна стать охрана и развитие творческих сил души, а именно эмоциональной сферы ребенка. Эта задача в понимании ученого связана и с интеллектуальным развитием, так как эмоциональная сфера, как он утверждал, является основой развития таких психических функций как мышление и воля [62].

В этой связи задачу интеллектуального развития мыслитель считал вторичной. Школа, по его словам, должна помочь ребенку в организации и упорядоченности его внутреннего мира. Возможность реализации такого подхода он связывал с необходимостью восстановления идеала целостности воспитания и создания целостной школы, основанной на началах православия «целостная школа поэтому без религиозного воспитания невозможна, так как религия есть основная центрирующая сила, все объединяющая» [61, с. 39].

В своем фундаментальном труде по педагогике «Проблемы воспитания в свете христианской антропологии» (1934 г.) В.В. Зеньковский через учение об образе Божиим в человеке указал на источник индивидуального своеобразия каждой личности: «Разве, однако, образ Божий не есть последняя глубина индивидуальности и своеобразия, единичности, изнутри определяющей незаменимость и значение каждого человека?» [67, с. 42]. Таким образом, он подчеркивал необходимость религиозного осмысления сущности и задач воспитания, в том числе и проблемы развития индивидуальности.

Современную педагогику мыслитель рассматривал как явление секуляризованной культуры с присущими ей характерными признаками, которые заключаются «в вере в человека, в вере в его творческую силу, способность к прогрессу, в вере в историю, как путь и силу прогресса» [67, с. 17]. Эта вера, по словам В.В. Зеньковского, не чужда христианству, которое больше знает о человеке и глубже понимает его. Он считал, что отсутствие в «формуле

Просвещения» темы спасения человека приводит к трактовке развития личности как самоцели, в чем и проявляется автономия современной педагогики от религии. По его мнению, в основе многих интуиций, характерных для современной ученому педагогике, лежат христианские идеи. В данной работе В.В. Зеньковский представил христианско-антропологическую идею об иерархическом устройстве человека и приоритете духовного начала в нем, на основе которой развитие индивидуальности обуславливалось раскрытием образа Божия, обретением человеком целостности, освобождением от власти греха.

Рассуждая о связи индивидуального и социального в душе, мыслитель указал на полярность духовной жизни, которая «...столь же выражается в индивидуализирующих процессах, сколько и в социальной жизни личности» [67, с. 91]. Расширяя понятие социальной связности человека и общества, ученый дополнил эмпирический план мистическим. Он использовал понятие соборности как органического типа социальной связности и выделил два типа соборности: естественную (социальную) и благодатную (соборность в Церкви). В.В. Зеньковский пришел к выводу, что развитие личности, при котором человек будет сближаться с другими людьми возможно только в Церкви, как богочеловеческом организме. Можно заключить, что обретение целостности посредством воцерковления, рассматривалось ученым как необходимое условие развития индивидуальности. Социальный аспект этого условия связан с созданием православно-культурной среды воспитания. Можно констатировать, что мыслитель характеризовал процесс развития индивидуальности в тех же терминах, что и в более ранних работах, но здесь более выражено проявилось их христианское содержание. Можно согласиться с Е.В. Кирдяшовой, что в процессе эволюции воззрений В.В. Зеньковского, его перехода от неконфессиональной к православной педагогике, углублялось понимание им личности как богоподобного образа [83].

В контексте исследуемой темы необходимо представить взгляд В.В. Зеньковского на проблему развития полового сознания. По его словам, пол отчасти является внеэмпирическим фактором развития индивидуальности [47]. Присущее

периоду полового созревания раздвоение сексуальности и эроса, ученый называл переходным состоянием пола и считал, что эта поляризация как «болезнь роста» требует восстановления целостности в семейной жизни. Движимая потребностями в любви, душа, по словам ученого, ищет восполнения в соединении с любимым человеком. Именно в переживании любви человек ощущает невозможность оставаться в пределах своей личности, «в любви преодолеваются естественные рамки индивидуальности, разрывается ее «естественная» оболочка» [66, с. 21]. Трактуя слова мыслителя, можно прийти к выводу, что обособление человека не приводит к раскрытию его индивидуальности, напротив, для обретения целостности ему нужно раскрыть себя другому человеку, научиться любви.

Проблему самообособления человека мыслитель анализировал в статье «Зло в человеке» (1938 г.) В.В. Зеньковский использовал понятие «темной самости», означающее мнимый центр личности. Эмпирические проявления зла в человеке проистекают, по его мнению, из этой темной самости, или иначе – темной духовности. В ней кроется причина самообособления человека, его ухода от Бога, а также от живого единства с людьми. Он указал на характерное для современного ему человека обособленное сознание: «...начало личности прикрылось «индивидуальностью» и даже находит часто свое выявление как раз в таком самообособлении» [44, с. 32-33]. Таким образом, мыслитель в очередной раз вернулся к проблеме искажения понятия индивидуальности, которая в воспитании приводит к формированию эгоистической направленности личности. Ученый привел важное замечание, сопоставляя христианское отношение к человеку и его пути преодоления внутренних противоречий отношению, развиваемому в русле гуманистического идеализма. В логике последнего, как он утверждал, абсолютная ценность каждого человека, является непреложной, но отрицается причина этой ценности, а именно образ Божий в человеке. Следовательно, «правильная в основе идея гуманизма неизбежно превращается в поклонение отвлеченному принципу человечности – и любовь к человеку становится, по известному выражению, любовью к дальнему, вместо любви к ближнему» [44, с. 27].

Вопрос о роли Церкви в развитии индивидуальности и значении свободного обращения к Богу В.В. Зеньковский раскрыл в более позднем труде «Наша эпоха» (1952 г.). Он акцентировал внимание, что «только в Церкви и с Церковью, только через Церковь, через участие в ее таинствах мы находим самих себя, раскрываемся во всей полноте нашего своеобразия» [75, с. 425]. Этим тезисом обосновывается взаимосвязь трех принципов воспитания: индивидуальности, христоцентричности и свободы.

В работе «Принципы православной антропологии» ученый указывал на важность добровольного принятия своего креста каждым человеком: «только «взяв» свой крест <...>, мы найдем подлинную нашу индивидуальность, ибо будем со Христом» [66, с. 86]. В труде «Основы христианской философии» (1960 г.), над которым ученый работал в последние годы жизни, он отметил, что индивидуальность человека в своей сущности является христоцентричной, «Христос пребывает в каждой душе, не подавляя ее, не ослабляя ее своеобразия» [78, с. 295]. Так как в православии человек понимается как свободное существо, для которого открыт как путь добра, так и путь зла, воспитательное влияние на ребенка подразумевает содействие в его самоопределении, помощь на пути индивидуального духовного развития.

На основе проведенного анализа можно прийти к заключению, что христианско-антропологическая концепция воспитания базируется на идее, согласно которой воспитание понимается как «путь к восстановлению целостности в человеке». Сущность принципов воспитания в реконструируемой концепции вытекает из содержания идей христианской антропологии. Принцип индивидуальности имеет приоритетное значение в исследуемой концепции. Индивидуальность человека, трактуемая В.В. Зеньковским как основное, организующее ядро в человеке, укорененное в его духовном начале и определяющее целостное единство его психической жизни, а также его индивидуальные особенности, развивается посредством воцерковления человека, его свободной устремленности к Богу, творческого усвоения универсального содержания культуры и социальной активности.

Задачи воспитания, направленные на развитие индивидуальности, связаны с созданием атмосферы любви и подлинного уважения к ребенку; развитием эмоциональной сферы его личности и формированием у него социальной отзывчивости; поддержкой ребенка в поиске индивидуальной траектории его развития. В разработке принципа индивидуальности В.В. Зеньковский осмыслил распространенные научные представления об индивидуальности в современной ему педагогике, детской и социальной психологии; выделял наиболее верные, с его точки зрения, и давал им религиозное обоснование на основе идей христианской антропологии. Данная стратегия демонстрирует реализацию ученым идеи целостного синтеза науки и религии.

2.2. Виды воспитания и их назначение в русле христианско-антропологической идеи

В христианско-антропологической концепции воспитания духовно целостный человек понимается как воспитательный идеал, что обуславливает ориентированность педагогического влияния на помощь человеку в восстановлении поврежденной природы и освобождении его от власти греха. В этой связи развитие психофизической сферы ребенка должно отвечать приоритетной задаче развития его духовной сферы. Развитие личности, по В.В. Зеньковскому, обуславливается ее обращенностью «к миру ценностей», поиску своего «восполнения в Боге» [62, с. 223]. Связь принципов целостности и иерархии задач воспитания проявляется в утверждении Н.Н. Афанасьева, о том, что религиозное воспитание должно быть направлено не только на развитие его религиозной стороны, а на воспитание целостного человека [7].

Герменевтический анализ педагогического наследия В.В. Зеньковского и его единомышленников позволил выделить следующие виды воспитания в реконструируемой концепции: религиозное, интеллектуальное, физическое, моральное, эстетическое, половое, социальное, национальное.

Сущность религиозного воспитания В.В. Зеньковский видел в развитии и укреплении «религиозной жизни ребенка в ее целостности и единстве» [73, с. 1]. Ключевое значение в этом виде воспитания, как он полагал, принадлежит «развитию религиозного «вдохновения», живой, свободной и всецелой погруженности души в жизнь Церкви» [67, с. 155]. В духовной сфере ученый выделял три взаимосвязанных грани, на которых должно быть направлено религиозное воспитание: интеллектуально-эмоциональное сознание, сфера благочестия, духовная жизнь личности. Первая грань включает в себя религиозные интуиции, образы, мысли и чувства. Второй грани принадлежит религиозная активность: молитва, участие в богослужении. Третья грань в понимании мыслителя имеет центральное значение [55].

Основой религиозного воспитания является, по мнению В.В. Зеньковского, участие ребенка «в литургической жизни Церкви; рост внутренней жизни, чистое искание правды» [67, с. 155]. При этом духовное развитие может лишь частично осуществляться самим человеком, так как благодатное состояние даруется свыше и не подлежит регуляции человека. Таким образом, ученый указывал на ограниченность так называемых «естественных» методов воспитания: «Нельзя прийти к духовному росту через развитие психических сил – интеллекта или воли или чувств» [67, с. 131].

В реконструируемой концепции религиозное воспитание реализуется по трем направлениям: семейное, школьное, внешкольное. Мыслители считали, что именно семье принадлежит исключительная роль в религиозном воспитании детей. В понимании В.В. Зеньковского семья представляет собой духовное единство, обладающее неисчерпаемым источником духовных сил ребенка. Ученый считал, что без глубокой духовной связанности родных людей между собой, семья становится бытовой и социально-психической организацией, каждый из членов которой преследует свои собственные интересы [55]. Только сохраняя благодатную основу и оставаясь религиозной по своей природе, семья, как утверждал ученый, в полноте может реализовать возможности воспитательного влияния на детей: «духовно питать детей может только духовно целостная и

здоровая семья» [55, с. 78]. Также и прот. С. Четвериков указывал, что приобщение ребенка к христианским ценностям и идеалам осуществляется на основе «внутреннего христианского содержания семейной жизни» [155, с. 7]. Условием духовного возрастания ребенка, по мнению мыслителя, является полное единство «духа и формы религиозной жизни в семье» [154, с. 59].

Характеризуя состояние современной мыслителю семьи, В.В. Зеньковский с горечью отмечал ослабление семейных отношений, рост внебрачных связей, умножившиеся разводы. Причины, предопределившие кризис семьи, он видел «не вне ее, а в ней самой» [49, с. 37]. Глубокую рану детям наносят разводы, затрагивая, по мнению ученого, прежде всего моральную и религиозную сферу детской души. Охлаждение семейных отношений, враждебные отношения между родными людьми также переживаются детьми, они замыкаются в себе, становятся равнодушными или циничными, теряют веру [49]. Отсутствие в семье эмоционального единства и эмоциональной близости приводит к тому, что ребенок стремится обрести возможность для социального общения в другой обстановке. При этом мыслитель подчеркивал, что семья и семейная воспитательная среда для ребенка незаменима [62].

Процессы религиозного оскудения в обществе и упадка семейной жизни рассматривались мыслителями как взаимосвязанные. По мнению прот. С. Четверикова, кризисное состояние семьи не может обеспечить духовное здоровье и нравственную крепость общества. В.В. Зеньковский утверждал, что молодому поколению, растущему в обществе с нарушенными семейными связями, наносится непоправимый вред: брак в их глазах дискредитируется; формируется устойчивый страх перед созданием семьи и рождением детей; становится допустимым легкомысленный взгляд на добрачные отношения. Следовательно, передача от поколения к поколению семейных ценностей становится крайне затруднительной. Остро обозначив проблему кризиса семьи, мыслители указали на приоритетное значение духовно здоровой среды воспитания растущего человека не только в рамках своей семьи, но и общества в целом.

Выявив особенности духовного развития ребенка в различные периоды детства, В.В. Зеньковский охарактеризовал средства семейного религиозного воспитания на каждом из этих периодов. Так, в период раннего детства, когда ребенок воспринимает весь мир через семью, являющейся для него проводником религиозных чувств, мыслитель акцентировал внимание на важности учить детей быть искренними в своих поступках и внимательными к внутренним стремлениям. Внушение родителями правил в качестве мотивов поведения рассматривалось им как отрицательная мера, приводящая к расхождению между желаниями и поступками ребенка. Считая необходимым установление внешних границ поведения, он утверждал, что следование этим границам «должно определяться голосом сердца: там, где приходится определять эти границы извне, там засоряется источник духовного развития ребенка» [55, с. 94]. Все подлинное и искреннее в человеке, с точки зрения мыслителя, не может быть навязано со стороны и «не «воспитывается», ибо оно является подлинным лишь как собственная жизнь души» [69, с. 5]. Ученый обозначил проблему свободы в качестве ключевой в формировании у ребенка духовно-нравственных ценностей в процессе религиозного воспитания. Укрепление духовной жизни ребенка, по словам мыслителя, требует воспитания духовной свободы и ответственности, так как только в христианстве лишь сознательное и свободное устремление к Богу имеет ценность [62].

Прот. С. Четвериков считал, что ребенок в христианской семье может постичь смысл истинной свободы через послушание. Каждый член семьи, по его мнению, выполняя свое служение преодолевает собственный эгоизм и «сохраняет свою индивидуальную свободу во Христе и свое индивидуальное достоинство» [155, с. 21]. С точки зрения мыслителя, христианскому идеалу отвечают взаимоотношения в семье, построенные на добровольном послушании детей родителям.

Большое значение для религиозного семейного воспитания имеют в раннем детстве, по словам В.В. Зеньковского и прот. С. Четверикова, религиозные образы и быт христианской семьи. Детские впечатления и радостные переживания,

связанные с церковными праздниками, религиозные обычаи семьи рассматривались прот. С. Четвериковым как фундамент сознательной религиозной жизни [154]. В.В. Зеньковский полагал, что, несмотря на внешне наивную форму, в которой дети выражают свои религиозные чувства, христианские идеи им доступны. В связи с этим он акцентировал внимание, что использование родителями этих идей в утилитарных целях негативно сказывается на религиозной жизни ребенка, создает почву для проявления у детей скептицизма [55]. Подмена и ослабление подлинных религиозных чувств, как утверждал мыслитель, приводит к проявлению в детях ханжества или лицемерия [69]. В этом контексте им подчеркивалась важность духовного возрастания родителей для воспитания детей своим примером. Вносить религиозный смысл в воспитание детей, не считая обязательным для себя путь собственной христианской жизни, В.В. Зеньковский называл глубокой ошибкой со стороны родителей [71]. Основным условием воспитания благочестия у детей, с его точки зрения, является подлинная и искренняя погруженность родителей в жизнь Церкви, иначе они не смогут пробудить в душе ребенка «того возвышенного лиризма, который всегда есть в душе и ждет лишь внешнего толчка» [69, с. 5]. Прот. С. Четвериков также акцентировал внимание на важности родительского примера. Ребенок, по его мнению, с малого возраста получает религиозное воспитание, впитывая в себя образ жизни семьи, приобщается к христианским ценностям из образа мыслей и взаимоотношений между близкими ему людьми [154]. Следовательно, ответственность родителей в религиозном воспитании детей заключается в раскрытии ценностного содержания христианских идей и христианства как творческой и преображающей силы.

Особенно остро проблема расхождения между внешней и внутренней духовной жизнью в семье проявляется для ребенка в период второго детства и отрочества, который характеризуется, как утверждал В.В. Зеньковский, ослаблением духовной жизни ребенка, утратой интереса к духовной сфере и приспособлением к социальной среде. Он отмечал, что развитие социальной интуиции и подражания нередко приводит в этом возрасте к появлению привычек

в религиозной сфере, подавляющих рассуждение и свободу в выражении своих чувств. Интерес ребенка к социальной среде, в особенности школьной, может провоцировать его закрытость от родных, которая, по мнению ученого, свидетельствует о потускнении его духовной жизни. На этом этапе крайне важным, с его точки зрения, является установление между детьми и родителями духовной связи через сближение семьи с новой средой, развитие у детей религиозного сознания посредством бесед, вовлечение их в активную работу для семьи. Лишь на этом пути, по мнению ученого, возможно, избежав подавления свободы ребенка, помочь ему в разрешении внутренних конфликтов.

В период полового созревания, характеризующегося физиологическими, психологическими и духовными переменами в подростках, с новой остротой, согласно В.В. Зеньковскому, поднимается вопрос о свободе в воспитании: «это стадия «блудного сына», и семья больше всего должна думать о том, чтобы подростку было привольно и свободно в ней, чтобы ничто не гнало его из семьи» [55, с. 113]. Бережное отношение к ребенку в семье в этот период, проявление уважения и доверия к нему, собственная религиозная жизнь родителей, являются, по словам ученого, залогом духовного роста ребенка. Таким образом, в этот период от выстроенных в семье отношений зависит сохранение и укрепление у подростков ценностей веры в Бога, духовной жизни, семьи, свободы, нравственности и достоинства.

Анализируя проблему утраты в подростковом возрасте религиозной веры, прот. С. Четвериков выделил в качестве ее основной причины формирование эгоистической направленности личности. Самообособление человека, по его словам, происходит в силу того, что собственное «я» занимает в душе господствующее место, вытесняет религиозное чувство и искажает «правильное отношение к Богу и людям» [154, с. 63]. Повышенное внимание молодого человека к собственной личности, по мнению ученого, проявляется в чувственности и гордости. В излишней чувственности мыслитель видел нарушение иерархии внутренней жизни – приоритет психофизической сферы над духовной. Гордость, с его точки зрения, выражающаяся в бесплодном умствования, исходит из доверия

рассудку и преклонения «перед рассудком вообще, и перед своим собственным в частности» [154, с. 55]. Очень немногие подростки, с точки зрения прот. С. Четверикова, могут устоять на христианском основании и сохранить веру в этом возрасте. Большая часть молодежи проходит через утрату религиозной веры, и лишь пережив внутреннюю несостоятельность и не найдя в себе истинной опоры, обращается к Богу на основе веры, которая была не рассудочно принята ими, а обретена через внутренний духовный опыт [154].

Также и В.В. Зеньковский связывал достижение человеком духовной зрелости с преодолением религиозного кризиса как типичной болезни роста религиозной жизни. Наличие религиозных сомнений у молодежи он считал не причиной, а лишь выражением религиозных кризисов и утверждал, что идеологическим затруднениям предшествует «выцветание религиозной жизни» [72, с. 19]. С его точки зрения, основная причина кризиса заключается в противоречивой секуляризованной культуре, в условиях которой молодым людям, испытывающим потребность в целостном осмыслении жизни, трудно сохранить веру в Бога. «Нужно быть сердечно одаренным или быть свыше призванным, рассуждал ученый, – чтобы в системе нашей раздробленной, холодной культуры сохранить в себе пламень веры» [72, с. 23].

В.В. Зеньковский и прот. С. Четвериков акцентировали внимание на том, что религиозное воспитание должно заключаться в сохранении у детей живой связи с Богом, чтобы при вступлении в переходный период они могли найти ответы на тревожные искания души на религиозной основе. С переходом от детской непосредственной веры к подлинной вере зрелого человека именно в юности, по мнению В.В. Зеньковского, перед молодыми людьми стоит задача возрасти от религиозных чувств к религиозному опыту, выйдя на самостоятельный путь подлинной духовной жизни. Похожей точки зрения придерживался и И.А. Лаговский. Духовная жизнь в его понимании является стоянием души перед Богом и в Боге. Он считал, в процессе воцерковления полнота религиозного и церковного опыта раскрывается человеку только через его искреннее индивидуальное устремление к Богу [100].

Приоритетное значение в преодолении религиозного кризиса, по мнению мыслителей, имеет не религиозное просвещение, а духовная среда растущего человека. Личный пример христианской жизни, с точки зрения В.В. Зеньковского, способен посредством живого общения, «не во внешнем обряде, а во внутреннем горении о Боге явить молодой душе, что есть вера» [72, с. 25]. Прот. С. Четвериков считал, что в преодолении религиозного кризиса, кроме общения с верующими людьми, имеют большое значение детские религиозные воспоминания, созерцание красоты природы, чтение художественной и религиозной литературы, посещение центров религиозной жизни [154].

На основе проведенного анализа можно прийти к выводу, что религиозное воспитание имеет приоритетное значение по отношению к другим видам воспитания, как направленное на развитие духовной сферы растущего человека. Опыт духовной жизни начинает формироваться у ребенка в семье. Взросление сопровождается внутренними противоречиями и духовными кризисами, разрешение которых требует поддержки ребенка со стороны семьи, школы и внешкольных организаций. Воспитательное влияние, реализуемое в соответствии с принципами христианско-антропологической концепции воспитания, способствует формированию у человека целостного христианского мировоззрения, содействует осознанному вхождению в Церковь и участию в литургической жизни.

В соответствии с принципом целостности с религиозным воспитанием связаны все виды воспитания. Задачами интеллектуального воспитания В.В. Зеньковский считал развитие инициативности, раскрытие творческих способностей и способностей интуиции, формирование целостного мировоззрения. Н.Н. Афанасьев также подчеркивал важность формирования у детей христианского мирозерцания. Он считал, что осознанный подход к религиозной жизни возможен только если человек стремится к целостности и находит «высший и последний идеал» целостности в Церкви [7, с. 6].

Физическое воспитание мыслители связывали с развитием и устройением жизни тела как составляющей психофизической сферы человека. Они придавали физическому воспитанию большую значимость, так как считали, что в силу

сопряженности духа и души с телом, воспитательное влияние на духовную сферу во многом зависит от состояния тела. И.А. Лаговский утверждал, что в человеке как в целостном существе дух соединен с телом неразрывной «связью символа с тем, что им символизируется», отсюда, по его мнению, «умаление онтологической ценности телесности в человеке» является ложным [101, с. 1]. Этим пониманием обусловлена точка зрения мыслителя о необходимости оцерковления всего состава человека: духа, души и тела. Ученый предлагал подходить шире к проблемам воспитания физической сферы и ставить вопрос в контексте целостной религиозной школы не о физическом воспитании, а о религиозной культуре тела. И.А. Лаговский считал возможным осветить на основе религиозного мировосприятия комплекс проблем физического, полового и эстетического воспитания. Задачи овладения возможностями тела, сохранения целомудрия, выявления красоты тела понимались им как взаимосвязанные.

Мыслители следовали христианскому учению о воскресении в теле, согласно которому тело не рассматривалось ими как источник греха и зла. В.В. Зеньковский считал, что небрежное отношение к запросам тела в духе «ложного аскетизма» стало ошибкой предыдущей эпохи. Подлинный аскетизм, основанный на приоритете духовности, по его словам, предполагает не «обуздание» тела, а его укрепление.

Мыслитель поддерживал введение программ физического воспитания в деятельность религиозных юношеских организаций. Отмечая, что в современных ему реалиях спорт в силу растущей увлеченности им молодежи приобретает нездоровые формы, «внося в душу стихию «обмирщения»», он указывал на необходимость религиозного обоснования физического воспитания [117, с. 5]. Негативное влияние спорта на детей и подростков он связывал с духовной опустошенностью общества, упадком религиозной жизни и секуляризацией культуры. Спорт понимался ученым как средство телесной аскетики, ценность которого может быть раскрыта в полноте через связь с духовной жизнью человека.

Моральное воспитание, по В.В. Зеньковскому, должно быть ориентировано на восстановление единения с Богом и направления ребенка к добру. Проблему

воспитания добра ученый считал центральной в педагогике, так как она остро затрагивает вопрос свободы воли человека: «Добро должно стать собственной, внутренней дорогой, свободно возлюбленной темой жизни для ребенка, <...> никакие привычки, заученные правила, устрашения не могут превратить добро в подлинную цель жизни» [67, с. 33]. Постановка вопросов морального воспитания вне темы свободы, по мнению мыслителя, обуславливает направленность педагогического влияния на внешнее насаждение детям добрых привычек, что неизбежно ведет к снижению доверия ребенка к воспитателю и формированию приспособленческого поведения. В.В. Зеньковский, напротив, исходил из признания в ребенке «залога добра», который может быть опорой в развитии воли к добру и связи добра и начала свободы.

Дисциплина в понимании ученого не представляет самодовлеющей ценности также, как и отвлеченная мораль, следование которой, может при социально одобряемом поведении привести к глубоким конфликтам внутри личности. Согласно В.В. Зеньковскому, основной смысл дисциплины заключается в «регуляции духовной жизни», потому ее воспитание должно быть подчинено цели «пробуждения к духовной глубине и обращения к добру, к Богу» [67, с. 136]. Нравственная дисциплина, основанная на памяти о Христе и любви к Нему, по мнению прот. С. Четверикова, предохраняет человека от бессмысленного провождения времени, уберегает от нравственных падений, внося «в душу мир, тишину, радость, самообладание, бодрость, охоту к работе» [158, с. 7]. Путь духовной жизни христианина мыслитель называл трудничеством – непрерывной внутренней работой по воспитанию самого себя. Таким образом, ученые акцентировали внимание на том, что проблемы дисциплины в большей степени связаны с самоопределением человека и его ценностными ориентациями, то есть с внутренним миром, а не с его поведением. В этой связи моральное воспитание понималось ими как содействие ребенку в приобретении им опыта совершения нравственного выбора с осознанием своей ответственности за него.

В эстетическом воспитании, связанном с переживанием человеком своей целостности и свободы, В.В. Зеньковский выделил две цели: «низшую, служащую

задачам «развлечения и игры», и высшую, служащую питанию души через приобщение души к красоте» [67, с. 154]. Эти цели мыслитель считал взаимосвязанными и критически относился к односторонности в эстетическом воспитании. По его мнению, отсутствие целостного подхода может привести к эстетическому гедонизму или к чрезмерной чувственности. Причиной этих искажений ученый считал подмену предмета созерцания с произведения искусства на себя: «мы любим уже не красоту, а любим свою любовь к красоте» [47, с. 1]. Следовательно, ученый указывал на важность воспитания у детей ценностного отношения к искусству.

Мыслители считали искусство важным фактором религиозно-педагогического влияния на детей. В.В Зеньковский утверждал, что благодаря встрече с произведением искусства в ребенке могут открыться «родники такой глубокой и плодотворной творческой силы, которые несравнимы со всем тем, что пробуждают в душе другие формы культуры» [47, с. 2]. Постигание глубин творчества и прикосновение к мистике творческого процесса, по мнению мыслителей, имеют большую ценность для воспитания, так как затрагивают проблему свободы и проблему выбора между добром и злом, а значит, являются для ребенка средством познания себя.

А.С Четверикова отмечала, что духовное и художественное творчество роднит то, что в этих двух областях человек стремится к обретению свободы и осуществляет свою свободу на основе нравственного выбора. С точки зрения В.В. Зеньковского, подлинная свобода раскрывается в органическом единстве моральной и эстетической свободы - в торжестве «победы «правды» в нас над «неправдой»» и творческом взлете души [67, с. 107]. В понимании ученого именно обращенность души к Богу придает эстетическому вдохновению преображающую силу, раскрывает духовный смысл красоты, формирует отношение к собственному творчеству как выражению дарованных Богом талантов. Мыслители показали, что воспитание одаренных детей, направленное на развитие их творческих способностей, необходимо осуществлять в тесной связи с задачами религиозного

воспитания, чтобы в процессе развития духовной жизни растущего человека его творчество обогащалось духовно-нравственными смыслами и ценностями.

Проблему свободы в эстетическом воспитании мыслители видели в двусмысленности искусства. Негативное влияние искусства на детей и подростков, по мнению исследователей, обусловлено процессами, происходящими в культуре в целом, при которых искусство «невольно становится проводником чувственности и материализма» [47, с. 2]. Воздействуя на эмоциональную сферу, современное искусство, с точки зрения В.В. Зеньковского, может «внести яд в нее» [49, с. 49]. «Поэзия «изящной безнравственности»», с его точки зрения, не только не способна дать воображению возвышающую силу, но, напротив, загрязняет его и тем самым «играет роковую и страшную роль в соблазнах» для молодежи [49, с. 45]. А.С. Четверикова также отмечала низкую педагогическую ценность современного искусства, называя его «минус-искусством» [163, с. 3]. Следовательно, эстетическое воспитание должно быть направлено на развитие художественного вкуса и чувства иерархии ценностей растущего человека, руководствуясь которыми он сможет самостоятельно отличить подлинное искусство от ложного. В этой связи высоким воспитательным потенциалом обладает искусство, укорененное в национально-культурных традициях, так как способствует сохранению этих традиций, приобщению молодого поколения к традиционным ценностям и обеспечению преемственности поколений.

В.В. Зеньковский подчеркивал, что на путях православия может быть открыта во всей полноте «таинственная и провиденциальная функция искусства, как являющего нам тайну преображения жизни» [47, с. 3]. Искусство мыслитель рассматривал как творческое начало в культуре. В системе православной культуры он видел возможность диалога церковного и светского направлений искусства, так как в его понимании сам замысел построения такой культуры предполагал привнесение христианского содержания в формы творчества для служения Церкви и миру. Ученый отвергал идею принципиальной «несоединимости духовной жизни с погружением в мир эстетической жизни» [47, с. 3]. В типе христианина-

художника он видел воплощение органичного сочетания веры и художественного творчества по аналогии с сочетанием веры и разума в типе христианина-ученого.

В системе религиозной работы с подрастающим поколением большое значение мыслитель уделял вопросу о допустимости развлечений. С жадой развлечений, характерной для современной ему молодежи, он связывал угасание в ней религиозных чувств и искажение иерархии ценностей. Главным препятствием для христианского воспитания В.В. Зеньковский считал «пленение души миром», из-за чего «все надмирное ей непонятно, чуждо и скучно» [54, с. 7]. При этом он признавал и положительную сторону развлечений, состоящую в эстетическом подъеме и вдохновении. Видя силу христианства в одухотворении и преображении реальности, мыслитель считал важным находить в формах современной культуры (театр, кинематограф, танцы, музыка), в которые активно вовлекалась молодежь, «здоровые силы и добрые начала и, опираясь на них, сбрасывать все то, что дышит грехом и соблазном» [54, с. 11]. Таким образом, одним из необходимых условий эстетического воспитания является готовность педагога идти навстречу подросткам, учитывать их интересы и потребности в актуальном социокультурном контексте, раскрывать им на основе православного мировосприятия ценности, которые несет в себе подлинное искусство: нравственности, приоритета духовного над материальным, свободы, добра, патриотизма.

Вопросы полового или сексуального воспитания осмыслились В.В. Зеньковским и прот. С. Четвериковым на основе принципов целостности и иерархии в устройении человека. Понимая человека как целостное существо в единстве тела, души и духа, они рассматривали пол как телесно-духовную функцию. Сфера пола, по мнению В.В. Зеньковского, имеет первостепенное значение в развитии психики, поэтому требует к себе внимательного и серьезного отношения со стороны юношей и девушек, и соответственно особого внимания со стороны родителей и педагогов. Прот. С. Четвериков акцентировал внимание на необходимости формирования у молодежи четкого и ясного убеждения в том, что «сохранение внутренней и внешней чистоты является одной из самых важных, серьезных и высоких целей ее жизни» [156, с. 24].

Болезнью роста, характерной для периода полового созревания, В.В. Зеньковский называл поляризацию сексуальности (связанную с физической сферой) и эроса (связанного с духовной сферой). Сексуальность в понимании ученого, - «только транскрипция в телесной области того, что исходит от исканий любви», поэтому ее одностороннее развитие противоречит закону цельности, заложенному в душе [49, с. 17]. Эта односторонность, с точки зрения мыслителей, может проявиться в развитии чрезмерного сексуального воображения и чувственности, «тайных пороках», добрачной половой жизни. Ученые подчеркивали, что эти проявления негативно сказываются на нервно-психическом и духовном здоровье подростков, вызывая гнетущие переживания и навязчивые мысли, состояния духовного одиночества и беспомощности.

Мыслители критически относились к намеренному уходу взрослых от обсуждения с подростками проблем пола. Причины того, что молодые люди оказываются втянутыми в «нездоровую половую напряженность» они видели негативных социальных явлениях: кризисе семьи, распространении гомосексуализма, отсутствии цензуры в средствах массовой информации [49, с. 3]. В.В. Зеньковский указывал на двусмысленность уроков «сексуального просвещения», которые провоцируют обострение внимания ребенка к вопросам половой жизни, но при этом не могут дать полного освещения проблем пола [61]. Ученые были убеждены, что в половом воспитании необходимо в первую очередь помочь молодым людям на основе религиозного мировосприятия разобраться в сложностях сферы пола, прояснить в их сознании ее значение и скрытую динамику связанных с ней явлений.

Негативное влияние пола, его «темной стихии», по мнению В.В. Зеньковского, больше всего сказывается на утрате целостности и единства в человеке. Ученый сравнивал пробуждающуюся сферу пола с действующей в глубине человека силой, из-за которой подростки могут быть охвачены внутренним беспокойством, не понимать себя, следовать противоречивым желаниям, вести себя упрямо и заносчиво [67]. Прот. С. Четвериков отмечал, что у юношей часто встречается сочетание противоположных свойств: отзывчивость,

сострадательность, благородство, жертвенность, и в тоже время грубый эгоизм, «неудержимое влечение к постыдным чувственным наслаждениям, легкомысленное попираание в грязь не только своего собственного человеческого достоинства, но и достоинства другого человека» [156, с. 8]. Причины этой двойственности мыслитель видел в первую очередь в поврежденности человеческой природы грехом. Смещение добра и зла в жизни молодых людей, по его словам, происходит вследствие недостаточной осознанности и самоопределения, а также из-за их неопытности и отсутствия твердости воли.

Среди проявлений осознания подростками своего «я» в период полового созревания В.В. Зеньковский выделял эгоцентризм, асоциальность, влечение к своему внутреннему миру, мечтательность, претенциозность, раздражительность. Воображение молодых людей вследствие расхождения сексуальности и эроса, как считал ученый, становится опасной силой и может вызывать: потерю чувства реальности и подсознательного контроля инстинкта самосохранения, следование порывам, утрату психического равновесия. При этом мыслитель был убежден, что воображение не нужно подавлять, воспитательные усилия необходимо направить на то, чтобы помочь молодежи сделать свободный выбор в пользу добра, преодолев соблазны [49]. Поставить границы воображению, с точки зрения ученого, может только ясное сознание. Следовательно, в качестве задачи полового воспитания выступает в понимании мыслителей формирование навыков саморегуляции на основе осознанного отношения к проблеме сферы пола.

В структуре мотивации молодых людей к внутренней борьбе для обретения целостности сферы пола В.В. Зеньковский выделил два мотива: «мотив любви», основанный на желании единения с другим человеком и стремлении к чистоте ради него; и «мотив блюдения самого себя», основанный на обращенности души к Богу и аскетическом стремлении «идти путем правды и добра» [49, с. 57]. Первый мотив, с точки зрения ученого, связан с потребностью человека преодолеть рамки своей индивидуальности, найти смысл своей жизни в другом человеке. В юные годы через любовь, по его словам, происходит прикосновение к красоте другого человека и переживание преображающей творческой силы душевного подъема,

возникает потребность абсолютного бытия: «тайна каждой личности есть тайна того, как, с какой глубиной ищет любви и любит человек» [49, с. 21-22]. На этом пути, с точки зрения мыслителя, любовь позволяет человеку избежать давления сексуальности, эрос и сексуальность развиваются параллельно и именно такое развитие является залогом обретения цельности сферы пола в семейной жизни в единстве духовной любви и телесной близости [49].

Второй мотив, как отмечал мыслитель, свойственен верующим молодым людям, которые стремятся к самосовершенствованию и живут религиозной жизнью. Внутренняя борьба сопровождается участием в Таинствах Церкви: исповеди и причастии. На основе этих мотивов ученый определил два пути устройства сферы пола: путь семейной жизни и путь воздержания (монашество или вынужденное воздержание).

С точки зрения прот. С. Четверикова, осознанное отношение молодежи к сфере пола и убеждение в необходимости сохранения целомудрия может быть сформировано на следующих духовных основаниях: принятие заповеди Божией «Не прелюбодействуй» как закона своей личной жизни; понимание полового инстинкта как свойства природы человека для создания семьи – не только телесного, но и духовного союза мужчины и женщины; сознание необходимости сохранения целомудрия для собственного здорового духовного роста; понимание недопустимости унижения человеческого достоинства женщин с низкой социальной ответственностью [156].

Мыслители акцентировали внимание на важности для подростков самонаблюдения, понимания внутренних процессов, умения управлять собой. В понимании В.В. Зеньковского жизнь пола не исчерпывается исключительно половой жизнью – путем духовного труда энергия пола может стать для человека источником новых сил и творческого раскрытия личности. Физическая чистота, по словам ученого, является для человека источником духовной силы и крепости.

Анализ педагогических воззрений В.В. Зеньковского и прот. С. Четверикова позволяет утверждать, что в трактовке мыслителей воспитательное влияние, направленное на устройство эмпирического и духовного здоровья подростков,

должно отвечать целостному подходу и реализовываться в единстве полового воспитания с другими видами воспитания: религиозным, моральным, эстетическим, социальным, физическим. В этой связи особенно важным представляется потенциал выделенных видов воспитания в формировании у растущего человека ценностных ориентаций. Религиозное воспитание направлено на духовное осмысление подростками проблемы пола и их приобщение к ценностям веры в Бога, духовной жизни, любви, свободы, семьи, приоритета духовного над материальным. Моральное и эстетическое воспитание затрагивают проблему свободы и выбора добра, также способствуя формированию высоких нравственных идеалов, ценностей справедливости, гуманизма и достоинства.

Социальное воспитание в исследуемой концепции основывается на идее Церкви как благодатной соборности. Н.Б. Смирнова справедливо отмечает, что представления В.В. Зеньковского об общественной жизни как о соборном бытии стали основой его вклада в теорию социального воспитания [138]. Мыслитель считал, что путь духовного развития человека внутренне связан с социальной жизнью, основой которой является семья. Естественная социальность, по его словам, содержит в себе источник конфликтов и только в Церкви может получить преображение. По словам ученого, социальное воспитание в системе внерелигиозной педагогики, направленное на развитие у детей навыков коммуникации и сотрудничества, формирование «добрых социальных привычек», является ограниченным из-за того, что обходит вопрос о подлинном развитии духовной жизни [42].

Решающее значение в социальном воспитании мыслитель отводил семейному и внешкольному направлениям воспитания на разных возрастных этапах. До наступления отрочества именно семья, по его мнению, играет ключевую роль в развитии у ребенка социальной отзывчивости. С раннего детства ребенок в семье приобретает социальный опыт, у него формируются способности к социальному обмену, происходит приобщение к традициям и ценностям. В здоровой семье, отмечал В.В. Зеньковский, воспитание осуществляется на основе тесных социальных связей [62]. Естественная социальность семьи, сотрудничество

между ее членами, общий быт и совместная активность являются, с его точки зрения, почвой для формирования у детей умения считаться с особенностями родных и близких людей, взаимной уступчивости и заботы друг о друге. Следовательно, на основе этих качеств человек в будущем сможет руководствоваться в своих поступках высокими нравственными идеалами, ценностями взаимопомощи и взаимоуважения, созидательного труда, милосердия и солидарности.

Проблему самообособления человека, его ухода от Бога и от живого единства с людьми ученый считал одной из наиболее острых для современности. Он акцентировал внимание, что именно принадлежность к семье позволяет ощутить общность как духовную силу и раскрыть социальный полюс духовной жизни. Исходя из этого понимания, В.В. Зеньковский утверждал, что социальная сфера в человеке должна быть связана с моральным и религиозным сознанием и выделял в качестве приоритетной задачи социального воспитания «развитие социальной чуткости и отзывчивости, преодоление грубого утилитаризма в социальных оценках, воодушевление сердца бескорыстной и светлой симпатией к людям, благородной радостью о чужом добре» [42, с. 13]. В понимании мыслителя важнейшим стимулом социальных отношений является любовь ко Христу, именно она позволяет человеку увидеть в других людях братьев. Таким образом, преодоление эгоизма ученый связывал с приобщением ребенка к духовно-нравственным ценностям.

Проблему духовного устройства личности ученый понимал как проблему соотношения индивидуального и социального в человеке. Он акцентировал внимание, что подавление личности ребенка в семье приводит к развитию у него антисоциальных склонностей и формированию низкой самооценки. В духовно здоровой семье члены семьи образуют духовную общность – соборность. Лишь в христианском учении о семье как о малой Церкви, по словам ученого, раскрывается подлинный смысл семейных связей: «То, что можно было бы назвать «оцерковлением» естественной соборности, есть именно преображение социальной силы в людях. Так, семья хоть и образует естественное сближение

мужчины и женщины и с ними их детей, но Церковь через таинство брака приходит на помощь семье, которая должна постепенно становится «малой церковью» [60, с. 10]. В такой семье духовная связь родителей и детей основывается на взаимной любви и уважении: «Любовь к детям дает силы родителям переносить все невзгоды жизни, любовь к родителям светит детям всю жизнь» [49, с. 30].

Среди внешкольных форм социального воспитания, В.В. Зеньковский выделял в качестве наиболее эффективной деятельность юношеских организаций. В религиозных юношеских организациях у подростков, по словам ученого, не только реализуются их социальные запросы, но пробуждается религиозное отношение к жизни, к себе и к миру [56]. В школьном социальном воспитании, по его мнению, педагогические возможности, связанные с процессом естественного взаимодействия между детьми, остаются недостаточно раскрытыми.

Задачи национального воспитания в реконструируемой концепции имеют выраженную связь с социокультурным контекстом эмиграции. Генезис в теоретическом осмыслении и практической реализации мыслителями этих задач был обусловлен необходимостью сохранения национальной идентичности молодого поколения русских эмигрантов в изменяющихся условиях Российского Зарубежья. К проблеме сохранения национального самосознания В.В. Зеньковский обратился в работе «Православие и русская культура» (1924 г.). Ученый считал православие подлинным источником и творческой основой национального своеобразия, определившей особые качества русской души: «ее широту и свободу, ее религиозное горение и искание правды» [75, с. 115]. Отрыв от православия, с точки зрения ученого, означал бы «решительный распад русского духа, превращение русского народа в этнографический материал» [75, с. 110]. Видя в русском западничестве болезненное явление в отечественной истории, состоящее, по его мнению, в кризисе церковного сознания, разрыве интеллигенции и народа, во многом предопределившими революцию в России, мыслитель указывал на необходимость в эмиграции созидания целостной церковной культуры, в русле которой возможно примирение разрозненных течений русской жизни и освящение национального начала на почве православия. Таким образом, религиозное

возрождение рассматривалось ученым как историческая необходимость для спасения России.

Национальная трагедия стала фактором религиозного пробуждения эмигрантов, в особенности молодежи и обозначило, по словам В.В. Зеньковского, поворот к церковной культуре, идеал которой он видел в проникнутости всех сторон жизни православием [75]. При этом среди молодых людей, которые приходили в Церковь, были и те, у кого первичными по сравнению с религиозными запросами были мотивы обрести через Церковь связь с Родиной, выразить тем самым свои национальные чувства. Характеризуя эту внешнюю связь национальной и религиозной сфер, мыслитель считал, что молодежи необходима помощь в выстраивании иерархии ценностей, тогда их отношение к Церкви выйдет за рамки обрядовой религиозности, и этот период станет для них важным этапом духовного созревания [75]. В национальном пафосе молодежи мыслитель видел большую ценность для духовного возрождения русского народа. Указывая на основное значение религиозного принципа, он утверждал, что как отдельному человеку, так и народу в целом только на основе веры возможно «расти национально и духовно» [50, с. 20].

Обращаясь к русской интеллигенции в эмиграции в статье «О новом народничестве» (1927 г.) В.В. Зеньковский призывал к сознательному служению русскому народу и Отечеству. Он с тревогой замечал, что вера в народ и любовь к нему, тесно связанные с духовными исканиями русской интеллигенции, «куда-то исчезли, провалились», стала крепнуть антинародническая установка [53, с. 470]. Утрата связи с народом ведет, по убеждению мыслителя, к неизбежному замыканию интеллигенции на самой себе. Именно в эмиграции, как утверждал ученый, впервые в русской истории возникла возможность преодоления коренного раздвоения между интеллигенцией и народом через возвращение к Церкви и созидание церковной культуры.

В конце 1920-х гг. В.В. Зеньковский отмечал, что в восприятии молодежи, и в особенности детей, образ России становился мифическим. Мыслитель акцентировал внимание на значимости родного быта и национальной почвы в

формировании личности и ее всестороннем развитии. На основе этих рассуждений он обозначил в качестве одной из приоритетных задач школьного воспитания задачу «охранения и развития «русскости» - русской стихии в детях» [62, с. 369-370]. Ученый указывал, что именно на чужбине, у русской школы расширились возможности воспитания из-за особого отношения детей к ней, ставшей для них уголком «родной и неповторимой, бесконечно нужной для души русской атмосферы» [62, с. 366]. Мыслитель считал крайне важным сместить акцент с учебной на воспитательную деятельность, что, как он сам признавал, затруднялось загруженностью школ учебной работой, вызванной необходимостью совмещения национального («Россика») и инокультурного компонентов в программах обучения.

На основе своих религиозно-педагогических воззрений В.В. Зеньковский сформулировал сущность национального воспитания как духовного воспитания, ориентированного на пробуждение у ребенка чувства любви к Родине, раскрытие духовного смысла идеи служения Родине, подготовке к этому служению. Вне идеи служения, подчеркивал мыслитель, национальные чувства не выходят за пределы бесплодного романтизма и выражаются в национальном пафосе и героической настроенности русской молодежи в эмиграции.

Ученый утверждал, что любовь к Родине становится свободной от соблазнов национальной гордости и тщеславия, превращается в источник духовных сил личности только на основе связи с идеей служения. С его точки зрения, чувство Родины, имеющее духовную природу, требует углубления в связи с внутренней духовной жизнью. Это понималось ученым как важнейшая задача национального воспитания [52].

В статье «Национальный вопрос в свете христианства» (1934 г.) В.В. Зеньковский снова затронул вопрос о значении национального самосознания в раскрытии личности. Мыслитель подчеркивал, что чувство принадлежности к нации и любовь к Родине лежат в основе творческого вдохновения человека, его способности к героизму и самопожертвованию. При этом ученый указывал на опасность обожествления своего народа и национального эгоизма, считая эти

явления «суррогатом религиозной жизни, питающим духовные запросы» [75, с. 322]. Считая неприемлемым пробуждение национального чувства через развитие презрения к другим народам, он отмечал этот ложный путь в качестве характерной черты современности. Подлинная любовь к Родине, по его словам, сопряжена с видением темных сторон в ее истории, с признанием себя виновными за них, с несением креста своего народа. Можно предположить, в христианской постановке национального вопроса в середине 1930-х гг. в размышлениях В.В. Зеньковского проявляется понимание им духовной сущности причин русской эмиграции и призыв к эмигрантам даже вдали от России не отрешаться от нее, разделять ее судьбу в служении ей.

Во второй половине 1930-х гг. мыслитель не раз констатировал кризисное состояние педагогики, не способной, по его мнению, ответить на вызовы времени и противостоять тоталитарным антихристианским тенденциям, в соответствии с которыми национальное начало провозглашалось в качестве высшей ценности. Н.Н. Афанасьев видел в национализме утрату христианского отношения к истории и возвращение к язычеству [8]. Ученые указывали на растерянность педагогического сообщества на фоне роста различных юношеских организаций, носящих внерелигиозный и антирелигиозный характер и оказывающих деструктивное влияние на молодежь. Перелом в культуре связывался В.В. Зеньковским с потребностью нового понимания свободы, обусловленного отказом от индивидуализма как наследия предыдущей эпохи.

В этот же период у В.В. Зеньковского и его единомышленников осуществляется переход на другой уровень осмысления сущности национального воспитания. Углубление и одухотворение связи личности с родным народом, понимались учеными на основе идеи сверхнационального единства перед Богом. В противостоянии антирелигиозным течениям РСХД активно сближалось с православными сообществами других стран. Характеризуя деятельность Движения, В.В. Зеньковский указывал на его вступление в новый этап «служения делу Вселенского Православия» [51, с. 12]. И.А. Лаговский отмечал, что переживание «красоты созданий иного религиозно-национального гения» как

ничто другое позволяет обрести церковное смирение и преодолеть в себе национально-церковную гордость [99, с. 28]. В.В. Зеньковский выступал с критикой идейной основы национальных молодежных организаций в эмиграции, указывая на узконациональное понимание православия и превращение религиозной сферы «в некий атрибут русской стихии» [51, с. 15]. Можно предположить, что в размышлениях В.В. Зеньковского возрождение России связывалось не только с внешними изменениями в политической, экономической, социальной и других сферах, но в первую очередь с внутренним осознанием русским народом его миссии в сохранении и созидании православной культуры как вселенской задачи.

Значительно позже в статье «Церковный национализм» (1949 г.) ученый поднял тему о преломлении национальной стихии в церковном сознании, снова акцентируя внимание на сущности национального начала как неисчерпаемого источника духовного возрастания человека: «никогда нельзя до конца напиться из этой чаши, сколько бы человек ни жило тем, что заключено в богатстве народной жизни, народной истории» [79, с. 17]. Глубоко понимая невозможность для эмигрантов мыслить себя вне России, он считал страсть к Родине выстраданным правом своих соотечественников за рубежом. При этом В.В. Зеньковский указывал, что забвение вселенской природы Церкви и попытки заключить полноту Церкви в границы национального сознания приводят к ошибкам и заблуждениям. «Родной язык, родная страна, родная нация, - есть то, чем я дышу, - писал мыслитель, - но я должен знать о том, что здесь есть искушение, и единственное для меня спасение от этого искушения есть мать церковь, <...> Христова Церковь» [79, с. 19].

Подводя итоги деятельности РСХД за 25 лет его существования ученый отметил, что Церковь в эмиграции является для русских людей тем местом, где они могут почувствовать себя русскими: «родина, можно сказать, вся сосредоточилась (не только символически) в церковной жизни» [75, с. 384]. В годы Второй мировой войны и в послевоенный период для многих русских эмигрантов стала очевидной невозможность возвращения на родину. Тоска по Родине, как отмечал В.В. Зеньковский, становилась «сильным двигателем религиозной жизни» [75, с. 384].

Возросшую роль Церкви как духовного центра в русской эмиграции подчеркивал и Л.А. Зандер. Он писал: «раньше мы не или не знали Церкви или не ценили ее так, как теперь» [38, с. 27]. Сохранение национальной идентичности на чужбине ученый напрямую связывал с исповеданием православия, понимая его в качестве стержня духовной культуры. Пребывание эмигрантов в суровых и неопределенных условиях, преодоление испытаний требовало мужества и внутренней борьбы, что и стало, с точки зрения мыслителя, залогом сохранения и созидания духовных и культурных ценностей: «мы, оставшись без земли, невольно обращаем свои взоры на небо...» [38, с. 27]. Анализируя опыт эмиграции, он отмечал, что те семьи, которые не примкнули к Православной Церкви, «были скоро переварены в котле чужой культуры», а сохранившие связь с православием, оказались стойкими [38, с. 28]. Таким образом, приходы Православной Церкви за рубежом являлись духовно-национальной средой и «островками» православной культуры для русских беженцев.

В.В. Зеньковский и его единомышленники внесли неоценимый вклад в формирование и сохранение у молодого поколения в эмиграции духовно-национальной идентичности. На протяжении нескольких десятилетий в Российском Зарубежье не угасала идея служения родине среди эмигрантов первой волны, но и воспитывались с подлинной любовью к России дети и молодежь, родившиеся за рубежом. Активные деятели РСХД тонко чувствовали вызовы времени и давали им глубокую оценку на основе христианского мировосприятия. В теоретическом обосновании проблем национального воспитания и в практической реализации форм работы с детьми и молодежью они стремились раскрыть для них Истину православия и спасительную силу Церкви, приобщить к ценностям нравственности, патриотизма, гражданственности, исторической памяти и преемственности поколений, служения Отечеству и ответственности за его судьбу. Этим обусловлена актуальность педагогических воззрений ученых для сегодняшней действительности, когда остро встает необходимость приобщения молодого поколения к традиционным духовно-нравственным ценностям русского народа.

Проведенный анализ содержания воспитания в христианско-антропологической концепции позволяет сделать следующие выводы. На основе принципа иерархии задач воспитания религиозное воспитание является наиболее приоритетным, так как оно в большей степени способно влиять на духовную сферу человека. Другие виды воспитания также ориентированы на пробуждение и укрепление духовной жизни человека. Следовательно, задачам развития интеллекта, укрепления физического здоровья, устройства сферы пола, развития эстетической восприимчивости, социализации человека задается духовный вектор.

2.3. Православно-культурная среда как условие реализации принципов и видов воспитания в русле христианско-антропологической идеи

В настоящее время в педагогической науке активно оперируют понятием «образовательная среда», возрастает интерес к исследованию возможностей ее влияния на процессы формирования и развития личности, обусловленные «пониманием образования как особой сферы социальной жизни, а среды как фактора образования» [139, с. 4]. В своих исследованиях авторы рассматривают, например, личностно-ориентированную, инновационно-ориентированную, гуманистически-ориентированную, православно-ориентированную среду.

Понятийная характеристика православно-ориентированной образовательной среды представлена в статье [22], в диссертационных исследованиях [88, 141]. В этих и других работах [27] подчеркивается роль православной культуры, выступающей средообразующим явлением, обогащающим как непосредственно сам образовательный процесс, так и отношения между включенными в него субъектами [141].

Несомненно, обращение авторов научных публикаций, монографических и диссертационных исследований к различным аспектам педагогического обеспечения православно-ориентированной образовательной среды является ответом на существующие сегодня вызовы, детерминирующие поиск новых концептов духовно-нравственного становления растущего человека. В связи с

этим, актуальная потребность расширения теоретических положений, характеризующих православно-ориентированную образовательную среду, обуславливает значимость обращения к одному из основополагающих положений христианско-антропологической концепции воспитания – православно-культурной среде воспитания.

Миссия православной культуры как системообразующего начала для формирования воспитательной среды растущего человека в условиях инокультуры рассматривалась В.В. Зеньковским и его единомышленниками программной идеей осуществляемой ими научно-педагогической и общественно-педагогической деятельности в эмиграции, стала концептуальной основой религиозного обоснования педагогики Российского Зарубежья. Создание среды православной культуры, объединяющей семейное, школьное и внешкольное направления воспитания, понималось учеными как принципиальное условие религиозного воспитания, имеющего приоритетное значение в педагогической работе с молодежью в условиях инокультуры [15]. В создании «островков» православной культуры мыслители видели возможность социального преобразования жизни и формирования соответствующей пришкольной среды в эмиграции. В.В. Зеньковский утверждал, что организация такой среды является условием создания целостной религиозной школы [67].

Возникшие в 20-30-е гг. прошлого столетия русские школы являлись духовно-национальной средой социализации для подрастающего поколения, следовательно, на школу возлагалась миссия сохранения национальной и духовной идентичности растущего в условиях инокультуры молодого поколения. Все это предопределило потребность в обоснования концепта «новой» школы, способной отвечать на вызовы тех жизненных обстоятельств, с которыми столкнулось молодое поколение россиян. Вместе с тем, В.В. Зеньковский подчеркивал, что «православная школа» как феномен «еще тема исканий» [67, с. 22]. Мыслитель был убежден в том, что появление «новой» школы возможно только на основе ее внутренней, а не внешней связи с Церковью и руководимой Ее духом [67]. Свою точку зрения ученый конкретизировал в эмоционально-образном, но и предельно

концептуальном тезисе: «Я мыслю рост православной культуры, культуры, проникнутой духом Православия и в сознании своем утверждающей эту связь, – через «островки» или оазисы православной культуры, которые своим очарованием, своей правдой должны изнутри овладеть душой народа» [67, с. 22]. Отсюда возможен вывод о том, что «новая» школа рассматривалась мыслителем как уникальный «островок» православной культуры в Российском Зарубежье.

Мыслитель призывал православных христиан общими усилиями созидать культурную систему, внутренне связанную с Церковью. С церковной культурой он связывал возможность плодотворного развития педагогической мысли. В православии В.В. Зеньковский видел открывшуюся в эмиграции возможность преодоления чуждой для религиозного сознания секуляризованной культуры. Он придерживался точки зрения, согласно которой отрыв школы от Церкви неприемлем как противопоставление Церкви и мира, Церкви и культуры. Одним из важнейших шагов на пути созидания церковной культуры ученый считал свободное признание принципа религиозной школы [61]. В.В. Зеньковский акцентировал внимание на том, что лишь внешняя связь Церкви и школы является религиозно двусмысленной и несет опасность для религиозного воспитания детей. Исходя из этого, можно предположить, что религиозная школа трактовалась ученым как школа, внутренне связанная с Церковью и освящаемая Ее духом. В своих трудах мыслитель также использовал понятие «церковная школа» в качестве синонима понятию «религиозная школа».

Негативной чертой «свободной» школы В.В. Зеньковский считал полуотрицание религии, связанное с опасностью глубокого дуализма: разрыва с Церковью нет, но через школу транслируется антирелигиозное миропонимание, характерное для современной секулярной культуры. Игнорирование духовных потребностей ребенка и отсутствие участия школы в его религиозной сфере являются, по мнению ученого, доказательством извращения понятия свободы: «В такой «свободной» школе (свободной от религии) дети вовсе не воспитываются в подлинной свободе, ибо одна из важнейших, можно сказать, центральная сила

души, какой является религиозная сфера, должна притаиться, должна быть искусственно смятой и отстраненной» [67, с. 157].

На почве оторванности культуры от Церкви, как считал ученый, выросли все трагические проблемы современности, отражающиеся в том числе и на школе, так как она не может быть изолирована от жизни и современной культуры. Из предпосылок современной культуры, «глубоко проникнутой внерелигиозной и антирелигиозной стихией», по мнению В.В. Зеньковского, складывается отрицательное отношение детей к Церкви [67, с. 165]. Равнодушие и даже вражда к Церкви являются в большей степени следствием негативных влияний культуры, чем обязательностью участия детей в богослужениях. И.А. Лаговский отмечал, что вне религиозной культуры духовная жизнь и образовательный процесс идут в школе разными путями, а духовные ценности, даже признаваемые в качестве ориентирующих, не составляют основы воспитательного влияния на детей [100].

Обращение к работе В.В. Зеньковского «Идея православной культуры» (1923 г.) позволяет увидеть проблемы современного мыслителю общества, выделенные им в качестве наиболее значимых. Рассматривая педагогику как сферу культуры, В.В. Зеньковский учитывал современный социокультурный контекст развития педагогической мысли. В то же время, обосновывая возможность преодоления дуализма культуры на основе православия, ученый обращался к вечным непреходящим ценностям. Мыслитель обосновал, что культура, транслирующая смыслы и ценности православия, является органичной для русского человека. Ключевые аспекты православия, на которых акцентировал внимание ученый в своей ранней статье «Россия и Православие» (1916 г.), как представляется, нашли отражение в педагогических принципах разрабатываемой им христианско-антропологической концепции воспитания: «Русской душе нужно Православие, но конечно во всей его полноте и органической целостности, в его сочетании подлинной свободы и начала соборности, в его разрешении индивидуализма и универсализма» [75, с. 61]. Таким образом, принципы целостности, свободы, соборности, индивидуальности получают более объемное содержание в контексте

идеи православной культуры, являются основополагающими в организации православно-культурной среды воспитания.

Принцип целостности определяет понимание ученым личности, стремящейся к познанию себя относительно ценностей культуры, основанной на началах православия. В условиях секулярной культуры приобщение ребенка к духовно-нравственным ценностям осуществляется фрагментарно, его самоопределение осложнено противоречиями, которые несет в себе культура, утратившая внутреннюю целостность. Целостный подход к воспитанию предполагает связь семьи, школы, Церкви и внешкольных организаций в единой православно-культурной воспитательной среде.

Принцип свободы в понимании В.В. Зеньковского лежит в основе воспитания свободной личности и построения культуры как системы свободного творчества. Проблема свободы в религиозно-культурологических воззрениях мыслителя нашла свое отражение в оценке им кризиса христианства на Западе. По его мнению, всякая культура религиозна, поэтому выход из кризиса необходимо искать в религиозной плоскости. Светская культура Запада осмыслялась им как «реакция христианского духа свободы против средневековой культуры» и потому он называл ее христианской культурой, несмотря на напряженность в ней антирелигиозной установки [45, с. 35]. Преодоление этого кризиса ученый видел в православии, считая, что именно в нем сохранилась подлинная христианская свобода. Отсюда он заключил, что созидание православной культуры возможно лишь на путях «свободного творчества, свободной активности - но во Христе и со Христом» [45, с. 44]. Таким образом, организация православно-культурной среды воспитания рассматривалась мыслителем как проявление свободной активности православных мирян, объединенных в церковных приходах. В этом контексте проявляется взаимосвязь принципов свободы и соборности.

С точки зрения В.В. Зеньковского, именно в православии сохранилась соборность церковной жизни, понимаемая не как внешнее, а как внутреннее, церковное единство. Православному вероисповеданию, по словам мыслителя, чужда идея теократии, «христианский Восток никогда не забывал, что субъектом

церковной жизни (в ее эмпирической стороне) является не иерархия, а весь «церковный народ» [45, с. 42]. Таким образом, построение православной культуры предполагает, по его мнению, не внешнее внесение христианских идей в сферы культурного творчества, а внутреннюю христианизацию жизни - «оцерковление всей жизни в духе Христовой свободы» [45, с. 46]. Соответственно, создание православно-культурной среды воспитания направлено на объединение ее участников в детско-взрослую общность при Церкви.

Принцип индивидуальности осмыслялся учеными в контексте вопроса о роли Церкви в обществе. Отвергая обвинения православия в историческом бессилии, В.В. Зеньковский считал, что развитие индивидуальности христианина связано с преображением «внешнего мира». Ученый утверждал, что вместе с углублением мистической сферы в человеке, с погружением его сознания в стихию церковности в нем пробуждается и стремление к активности: «История не только не есть преграда для индивидуальности, но наоборот есть объект христианской активности, которая ищет прежде всего Царства Божьего, т. е. преображения всечеловеческого организма в Церковь: индивидуальное «спасение» возможно лишь в Церкви» [45, с. 32].

Н.Н. Афанасьев считал, что в условиях дехристианизации культуры духовенство практически лишено «возможности прямого воздействия на жизнь», поэтому большое значение для созидания православной культуры имеет христианская активность мирян в служении Церкви [11, с. 14]. По мнению Л.А. Зандера, наиболее продуктивными формами такой активности являются благотворительная деятельность и социальное служение. При этом ученый акцентировал внимание на том, что социальное служение должно быть основано на религиозном понимании проблем общества и являться деятельным воплощением любви к ближнему, иначе оно не будет лишено пафоса и утопизма. В религиозном обосновании социального вопроса мыслитель видел альтернативу пониманию, развиваемому в социализме [36]. На основе приведенных рассуждений ученых можно прийти к выводу о взаимной обусловленности принципов соборности и индивидуальности. Развитию индивидуальности способствует

совместная социальная деятельность, направленная на служение ближним. Также и сама возможность единения в проявлении христианской активности зависит от индивидуального своеобразия каждого человека, степени его духовной зрелости. Можно предположить, что в педагогической плоскости в качестве одной из целей проявления этой активности в организации православно-культурной среды воспитания мыслители считали передачу подрастающему поколению опыта привнесения христианских начал в жизнь.

Рассмотрев педагогические принципы целостности, свободы, соборности и индивидуальности в контексте идеи православной культуры, можно прийти к выводу, что для мыслителей эта идея являлась ценностно-смысловым концептом, определяющим содержание и способ существования воспитательной среды растущего человека.

Обоснование значения православно-культурной среды воспитания в организации деятельности православно-ориентированной школы представляется целесообразным осуществить посредством герменевтического анализа трудов В.В. Зеньковского и его единомышленников на основе предложенных современным исследователем Е.В. Труховым структурой и уровнями православно-ориентированной среды школы. Е.В. Трухов выделяет три компонента этой среды: пространственно-временной (пространство класса, школы и микрорайона), специфический (изучение православной культуры в образовательном процессе), отношенческий (взаимодействие участников образовательного процесса). Православная культура, по мнению ученого, выступает средообразующим явлением православно-ориентированной среды школы. Опираясь на выделенные А.В. Мудриком уровни среды (микро-, мезо-, макроуровень), Е.В. Трухов адаптировал их содержание к контексту православно-ориентированной среды школы. Обозначенные выше компоненты образовательной среды на каждом из уровней представлены в совокупности [141].

На микроуровне взаимодействие участников образовательного процесса осуществляется в пространстве учебного класса, образовательную среду организует учитель-предметник. Мезоуровень включает в себя содержание

основного и дополнительного образования, а также взаимоотношения субъектов образовательного процессов в пространстве школы. Макроуровень характеризуется содержанием образовательной и воспитательной деятельности школы, взаимодействием школы с социальными институтами в пространстве микрорайона.

Анализ религиозно-педагогического наследия В.В. Зеньковского позволяет соотнести микроуровень православно-культурной среды воспитания с понятием «педагогическая среда», которое мыслитель трактовал как особый тип социальной среды и структурный компонент педагогического процесса, включающий ученика и учителя. Ученый считал, что именно авторитет учителя является основой для создания педагогической среды и определяет характер межличностных отношений внутри нее [61]. Педагогическая ценность авторитета учителя, заключается, по утверждению мыслителя, в стимуляции творческих сил обучающихся и проявляется в доверии учеников педагогу. Вырождение авторитета во власть, его искажение под влиянием как личностных особенностей учителя, так и внешних факторов, снижает педагогические возможности авторитета и негативно сказывается на среде воспитания.

Критикуя формальный подход к религиозному воспитанию подрастающего поколения, внешнее принуждение и навязывание, В.В. Зеньковский высоко ценил значение педагогического общения с молодыми людьми, если оно является по-настоящему глубоким, дружеским и душевным. Главной силой педагогического воздействия мыслитель называл церковное жизнепонимание учителя, отличающееся гибкостью, широтой, свободой и творческой силой [56]. Ученый акцентировал внимание, что содействие, которое может оказать педагог для развития духовной жизни детей и молодежи, заключается в первую очередь не в передаче религиозных знаний, а в том, чтобы открыть им «реальность, ее подлинную безусловную правду» религии [62, с. 378].

Деятельность учителя понималась В.В. Зеньковским и его единомышленниками как православное служение и соработничество Богу, осуществляя которое педагог сам духовно возрастает и становится способным

искренне любить детей, уважать индивидуальность каждого ребенка, верить в возможность преображения души. Л.А. Заднер отмечал, что несмотря на все трудности, это служение, будучи связанным с личными переживаниями педагога, является для него органичным и целостным: «средства в нем совпадают с целью, труд - с радостью, жертва - с наградой» [35, с. 4].

Преподавание Закона Божия, по мнению В.В. Зеньковского, является обязательным для школы и должно способствовать росту и углублению духовной жизни ребенка, а не превращаться в сообщение ребенку знаний о Боге. Мыслитель придавал важность взаимной связи развития религиозного сознания детей с их участием в литургической жизни Церкви [67]. В связи с этим ученый подчеркивал, что педагогически правильная постановка вопроса о религиозном образовании в школе обусловлена задачами духовного развития детей и возрастания класса до школьной «малой церкви», поэтому выходит за рамки методики преподавания Закона Божия.

Характеризуя роль священника в школе, мыслители считали, что она не ограничивается преподаванием вероучительных дисциплин. В условиях православно-культурной среды воспитания священник, по мнению ученых, является пастырем для детей и педагогов. При этом В.В. Зеньковский отмечал, что восприятие детьми священника во многом зависит от их духовного развития. Если дети переживают глубокий религиозный кризис и их духовные запросы крайне низки, то они склонны воспринимать его лишь как учителя. Мыслитель акцентировал внимание, что в этом случае требуется не преподавание, а духовная помощь священника, направленная на преодоление кризиса и пробуждение в детях религиозной жизни. Условием доверительных отношений между пастырем и детьми В.В. Зеньковский считал авторитет священника, завоеванный его подлинной духовностью [61].

В обосновании православно-культурной среды воспитания важное значение для мыслителей имел вопрос об укладе школьной жизни, основанном на православных традициях. На уровне класса прот. С. Четвериков предлагал следование следующим традициям и обычаям:

- наличие классной иконы и классного праздника, приходящегося на день небесного покровителя или на ближайшее воскресенье от него;
- совместная подготовка учащихся класса к Таинствам Исповеди и Причастия во время Великого Поста;
- организация и проведение паломничеств и крестных ходов;
- участие класса в социально-благотворительной работе Церкви;
- совместные утренние и вечерние молитвы детей, проживающих в детских домах-интернатах [81].

Воспитательный потенциал традиций ученые видели в сплочении детей, укреплении их связи с Церковью, формировании христианских ценностей в процессе взаимодействия обучающихся. Следовательно, есть основания констатировать, что в контексте православно-культурной среды православно-ориентированной школы реализация принципа соборности в христианско-антропологической концепции воспитания обусловлена укоренением школы в православной традиции.

На основе анализа положений В.В. Зеньковского, Л.А. Зандера и прот. С. Четверикова, можно выявить характерные особенности микроуровня православно-культурной среды православно-ориентированной школы:

- пространственно-временной компонент: следование православным традициям, ориентация на годичный церковный календарь;
- специфический компонент: целостный подход к преподаванию Закона Божия; выстраивание духовной жизни класса через взаимосвязь религиозного обучения и воспитания;
- отношенческий компонент: участие учителей и учеников в литургической жизни Церкви; отношение учителей к педагогической деятельности как православному служению, христианская любовь и уважение к детям; авторитет учителя и священника, их открытое взаимодействие с учениками; личностный подход в обучении и воспитании, отсутствие принуждения и навязывания в

педагогическом влиянии; личностно-доверительное общение на межличностном и групповом уровнях; социальная активность и сотрудничество учеников.

Мезоуровень православно-культурной среды воспитания в православно-ориентированной школе на основе взглядов ученых можно характеризовать как уровень, на котором обеспечивается целостный подход к воспитанию и обучению. Критикуя течение педагогического интеллектуализма, В.В. Зеньковский утверждал, что воспитание приоритетнее обучения [61]. Мыслитель противопоставлял идею обучающего воспитания идее Иоганна Фридриха Гербарта о воспитывающем обучении. Выделяя религиозное воспитание в качестве приоритетного, он акцентировал внимание на том, что развитие религиозного сознания ребенка должно сопровождаться формированием у него целостной картины мира. В.В. Зеньковский, Л.А. Зандер и прот. С. Четвериков придавали большое значение преподаванию в школе уроков Закона Божиего. В их понимании Закон Божий как неотъемлемый компонент учебного плана должен быть связан со всеми преподаваемыми в школе дисциплинами.

Замысел В.В. Зеньковского и его единомышленников по созданию целостной религиозной школы, трактуемой в исследовании как православно-ориентированной школы, связывался не с количественным перераспределением предметов со светским и религиозным содержанием, а с духовной атмосферой школы, исходящей из «подлинности, искренности и целостности ее внутренней религиозной установки» [67, с. 168]. По мнению И.А. Лаговского, содержание воспитательного процесса в религиозной школе имеет свою специфику в понимании сущности религиозной жизни как сочетания «действия сил и данных натуральных с началами благодатными, преображающими» человека и возводящими его «на высшую ступень бытия» [100, с. 1]. Самой существенной задачей целостной религиозной школы мыслитель считал организацию внутреннего мира ребенка, «сохранение свежести и чистоты источников творчества, целостности человеческого духа» [100, с. 1]. Прот. С. Четвериков подчеркивал, что школа должна воспитывать молодое поколение, «проникнутое духом и правдою Христовой, крепкое верой и любовью» [157, с. 9].

Необходимым условием реализации целостного подхода к воспитанию и обучению, по мнению мыслителей, является «единство духа и направления всех духовно руководящих сил школы», достичь которого возможно только в религиозной среде школы [81, с. 9]. Принципу соборности в воспитании отвечает идея мыслителя о преобразении школы в школьную семью, внутренне связанную с Церковью.

Средоточием религиозной жизни школы, по мнению прот. С. Четверикова, должен быть временный или постоянный храм для проведения школьных богослужений, продолжительность которых должна соответствовать возрасту учащихся. Посещение детьми богослужений, их деятельное участие в них (алтарное послушание, церковное пение и чтение) понималось учеными как важнейшее средство религиозного воспитания, позволяющее детям приобщиться к литургическому опыту Церкви. Поэтому они считали недопустимым проведение внеурочных занятий или школьных развлечений в часы совершения в храме богослужений. Основную предпосылку и трудность церковной школы В.В. Зеньковский видел в создании «атмосферы свободной, всецелой, безграничной любви к Церкви» [67, с. 169].

Идею о центральной роли церковного богослужения в религиозном образовании развивал Л.А. Зандер. Одной из ключевых проблем в преподавании Закона Божия мыслитель считал отсутствие связи между разделами курса, такими как: Ветхий и Новый Завет, православный Катехизис, литургика, история Церкви и др. При таком подходе ребенок, по мнению мыслителя, воспринимает эти разделы как самостоятельные дисциплины, вследствие чего полученные знания не являются прочными и не могут составить основу для формирования целостного религиозного мировоззрения. Развитие религиозного сознания в понимании ученого является приоритетной задачей религиозного образования. Им был предложен подход, при котором через изучение православного богослужения и участия в нем детей у них расширяется понимание связи внешней стороны церковных обрядов с их внутренним содержанием, что способствует их воцерковлению и воспитанию христианского благочестия. Именно в

богослужении, по словам Л.А. Зандера, «все элементы религиозного бытия слиты воедино <... > во взаимном дополнении и объяснении» [37, с. 78].

Рассуждая о методах преподавания Закона Божьего, В.В. Зеньковский и прот. А.С. Четвериков подчеркивали необходимость целостного и поэтапного раскрытия преподаваемого материала. Предложенная прот. С. Четвериковым учебная программа Закона Божьего соответствовала концентрической модели. Курс разделялся на три концентрических: первый изучался в подготовительном классе; второй – с первого по четвертый класс; третий – в четырех старших классах. Отдельные темы в курсе Закона Божьего были объединены для изучения в соответствии с возрастными особенностями детей. Так, например, программа подготовительного класса включала: обучение детей молитве; изучение краткой истории Ветхого и Нового Завета, а также кратких сведений о богослужении; объяснение Символа Веры и Заповедей Божиих. В раннем возрасте, по мнению мыслителей, акцент в обучении нужно делать не на религиозных идеях, а на религиозных образах, так как дети способны к восприятию истин веры сердцем, а не разумом, что более характерно для учащихся старших классов [81]. Для углубления религиозных знаний ученые считали необходимым организацию и проведение под руководством священника школьных кружков для подростков. Н.Н. Афанасьев подчеркивал важность творческих усилий учащихся и их личного опыта при изучении Слова Божия [9].

Рассуждая о педагогических возможностях православно-культурной среды воспитания в православно-ориентированной школе, мыслители уделяли важное значение вопросу взаимодействия школы с семьей. И.А. Лаговский утверждал, что с позиции религиозной педагогики отношения между семьей и школой необходимо рассматривать на основе сотрудничества. Различия в семейном и школьном воспитании, с его точки зрения, могут при правильном подходе обеспечить полноту педагогического процесса. Преобладание в школе норм, прав и закона может компенсироваться духом свободы и благодати в семье, ориентация школы на общественное благо – охранением индивидуальности ребенка и чуткости к нему в семье. В условиях кризиса семьи, подчеркивал ученый, недопустима ее изоляция,

поэтому религиозная школа первой должна пойти на встречу семье и принять ее «как клеточку в свой организм» [148, с. 8]. Именно через такой подход мыслитель видел возможность «вернуть ребенка к семье и к национальности» [147, с. 6].

Таким образом, согласно педагогическим воззрениям В.В. Зеньковского и его единомышленников мезоуровень православно-культурной среды православно-ориентированной школы характеризуется следующим содержанием:

– пространственно-временной компонент: уклад школьной жизни, основанный на православных традициях; наличие постоянного или временного храма в школе;

– специфический компонент: целостный подход к воспитанию и обучению; обеспечение связи научного знания с духовно- нравственными ценностями на основе идеи обучающего воспитания; взаимосвязь всех видов воспитания при приоритете религиозного воспитания; целостность в обучении Закону Божию; центральная роль церковного Богослужения в религиозном образовании; вовлечение обучающихся в церковное и социальное служение;

– отношенческий компонент: сплоченность педагогического коллектива; согласованность влияний школы и семьи на личность ребенка; высокий уровень вовлеченности всех участников образовательного процесса в созидание православно-культурной среды воспитания.

Характеризуя макроуровень православно-культурной среды воспитания в школе, целесообразно обратиться к взглядам ученых о взаимодействии Церкви, семьи, школы и внешкольных организаций в воспитательной работе с подрастающим поколением.

В.В. Зеньковский считал утопической идею о том, что непосредственно школа может взять на себя основную роль в социальном преобразении, так как не является исходной основой культурных изменений. Процессы, протекающие в культуре, отражаются на пришкольной среде и непосредственно на жизни школы. Так как в понимании ученого социальное преобразование было связано с оцерковлением жизни и культуры, существование «уголков православной

культуры» рассматривалось им как условие расширения педагогических возможностей школы и охранения детей от негативных воздействий современной жизни. Он акцентировал внимание, что создание православно-культурной воспитательной среды должно осуществляться непосредственно по инициативе и силами православных общин, членами которых проблема оцерковления жизни осознается как насущная [67].

Центром православно-культурной среды воспитания, ее духовным средоточием для ученых являлась Церковь. Поэтому с Церковью и через Церковь, по их мнению, должны быть связаны семья, школа и внешкольные организации. Суть церковной школы В.В. Зеньковский видел во внутренней пронизанности ее церковным началом, в атмосфере «духовной свободы и религиозного одушевления», необходимых для укрепления и развития религиозных запросов детей и их ведения к Церкви [67, с. 169]. Ориентиром для В.В. Зеньковского, И.А. Лаговского и прот. С. Четверикова была Татевская школа и личный пример С.А. Рачинского.

В работе «Церковь и школа» (1927 г.) В.В. Зеньковский отмечал, что «для русского общества, переживающего ныне с большой глубиной возврат к Церкви, идея церковной школы кажется правильной – и то условно – лишь в форме народной школы» [67, с. 168]. Поэтому создание церковной школы, по его мнению, должно стать делом православных мирян. Таким образом, задачи создания духовной атмосферы религиозной школы и преодоления внутренней секуляризации школы понимались ученым как приоритетные для педагогов, священников, родителей, руководителей юношеских организаций в контексте общей задачи построения православно-культурной среды воспитания.

Прот. С. Четвериков придавал большое значение церковной среде в педагогической работе с молодежью. Он подчеркивал, что важнейшей задачей религиозного воспитания является формирование у ребенка осознания, что он не только является частью семьи, но и глубоко связан с православной Церковью - «его духовной питательницей и воспитательницей» [154, с. 60]. Ученый признавал большое значение товарищеской среды в развитии у детей смелости,

общительности, находчивости, интереса к совместной деятельности, чувства солидарности, но вместе с тем утверждал, что только христианская семья и Церковь, не отделяя ребенка от внешней среды, создают то пространство, в котором он может раскрыться в полноте своего индивидуального духовного своеобразия [155]. В этой связи он считал необходимым объединение родителей в церковно-приходские союзы и организацию ими при содействии священнослужителей разнообразных форм педагогической работы в воскресной школе на приходе (встреч и бесед на религиозные и патриотические темы, оздоровительного отдыха и других мероприятий). В понимании В.В. Зеньковского воскресная школа должна быть организована таким образом, чтобы ребенок «просто жил и дышал в нормальной, здоровой атмосфере» [10, с. 291]. Следовательно, в ходе совместной деятельности родителей и духовенства процесс воцерковления детей является для них органичным, так как семейная среда воспитания становится частью церковной среды. Кроме того, при таком взаимодействии семьи сближаются между собой, что способствует созданию «островков» православной культуры с духовными центрами в приходских храмах.

Мыслители подчеркивали важность активной приходской деятельности для сохранения у молодого поколения связи с Церковью [162]. Одной из самых эффективных форм религиозно-педагогической работы с подростками, по их мнению, являются юношеские организации при церковных приходах, участие в которых может дать молодым людям «живое, глубокое, творческое одушевление идеалом» [56, с. 73]. В.В. Зеньковский акцентировал внимание, что в организации деятельности внешкольных организаций необходимо исходить в первую очередь из интересов подрастающего поколения, идти ему навстречу и «христианизировать» все, что им ценно [10]. В этой связи ученым подчеркивалась важность авторитета руководителя юношеской организации. Мыслитель утверждал, что наиболее благоприятные педагогические условия сложатся, если подростки будут свободно следовать за руководителем на основе доверия, творческого подъема и вдохновения [56].

Применительно к вопросу организации деятельности молодежного клуба А.С. Четверикова выделяла следующие основные условия, при которых возможно достижение задач религиозного воспитания: косвенный характер религиозной работы, проявляемый в общей атмосфере клуба; мотивирование молодежи к самоорганизации и деятельному участию в жизни клуба; готовность членов молодежного актива клуба к религиозному служению для других участников клуба; поддержание клубом контакта с местной школой; открытый формат мероприятий клуба; братские отношения членов клуба между собой; поддержание в помещении клуба чистоты и порядка [161].

В структуре деятельности клуба А.С. Четверикова выделяла массовую и кружковую работу. К массовой работе она относила общие встречи молодежи, проводимые в формате вечеров: лекции на различные темы и дискуссии, концерты и вечера самодеятельности, встречи с известными деятелями науки и искусства, вечера вопросов и ответов, просмотр фильмов и обсуждение прочитанных книг. Кружковую работу исследователь разделяла на два вида: религиозный кружок для актива клуба и кружки различной направленности для всех участников клуба по их интересам (спортивные, театральные, музыкальные и др.). Исследователь считала очень важной совместную работу участниками клуба над изданием клубного журнала или газеты.

Клубы и кружки при церковных приходах имели очень большое значение в религиозном воспитании подрастающего поколения в эмиграции, так как способствовали созданию единой с Церковью среды воспитания подрастающего поколения. В формате кружков реализовывались задачи социального, национального, физического, интеллектуального и эстетического видов воспитания. Так молодые люди могли найти себе единомышленников, а со временем взять на себя ответственность за организацию отдельных направлений деятельности клуба. Вовлеченность в социально-педагогическую работу Церкви способствовала воцерковлению молодежи и являлась основой для формирования ценных навыков религиозно-педагогической деятельности, социального и миссионерского служения.

Другой успешной формой внешкольной работы с детьми и молодежью в эмиграции являлось проведение летних православных лагерей. Ценность лагеря, с точки зрения А.С. Четвериковой, состоит в особой среде воспитания, в которой дети и взрослые становятся одной семьей, между ними выстраиваются глубокие и доверительные взаимоотношения. Являясь средоточием совместной жизни, храм в лагере имеет приоритетное значение в создании этой среды. Отсюда наиболее важной стороной религиозной жизни в лагере ею рассматривалось деятельное участие детей в Богослужении. При этом она отмечала, что важно избежать принуждения и предоставить подросткам свободу в отношении посещения церкви во избежание формализма. В этой связи мыслитель подчеркивала, что достижение целей религиозного воспитания в лагере во многом зависит от личного примера священника и его влияния на детей.

Неотъемлемой частью программы лагеря, по мнению А.С. Четвериковой, является религиозное просвещение, осуществляемое посредством индивидуальных и общих бесед, дискуссий на религиозные темы, занятий в кружках изучения Закона Божиего. Исследователь отмечала, что именно в лагере дети и подростки, освободившись от рутины повседневной жизни, могут глубже постичь суть и истину православия и заострить свое внимание на важных религиозных вопросах.

Расширение педагогической работы в приходах Православной Церкви за рубежом посредством совместных усилий духовенства и мирян понималось учеными как неотъемлемое условие создания единой православно-культурной среды воспитания. В.В. Зеньковский утверждал, что в реалиях секулярной культуры особенно необходимо создание Церковью учебных заведений, в основу деятельности которых должно быть положено «открытое исповедание христианства и посвящение себя на служение Христу и Его Церкви» [71, с. 13]. Для воплощения в жизнь идеи православной культуры мыслитель считал важным объединить образованную молодежь вокруг Церкви [33].

Таким образом, макроуровень православно-культурной среды православно-ориентированной школы характеризуется:

– пространственно-временной компонент среды: тесной связью системы образования с Церковью; развитием системы внешкольного воспитания; деятельностью церковной школы в форме народной; включённостью школы в более широкую православно-культурную среду; взаимодействием Церкви, семьи, школы, внешкольных организаций и религиозных объединений в образовании детей.

– специфический компонент: воплощением в практику педагогической работы идеи православной культуры как средообразующего явления; созданием «островков» православной культуры;

– отношенческий компонент: активным участием православных мирян в организации православно-культурной среды воспитания; обеспечением духовного развития растущего человека во взаимодействии со средой.

В эмиграции значимой частью православно-культурной среды воспитания являлось РСХД. Прот. С. Четвериков подчеркивал, что Движение стремилось к созданию христианской и церковной среды, «в которой молодые души загорались бы желанием подлинной, чистой и прекрасной христианской жизни» [157, с. 11]. Черпая в Церкви «животворную силу», движение, по мнению мыслителя, способствовало формированию у молодого поколения серьезного отношения к духовным вопросам, помогало познавать Евангелие и на основе христианских заповедей вести духовную жизнь, создавало «высокий подъем религиозного и молитвенного духа», сближало «членов Движения в сплоченную христианскую семью» [151, с. 4].

Благодаря выстроенной работе в Движении студенческая молодежь, составлявшая большую часть участников Движения, была связана как с младшим, так и со старшим поколениями русских эмигрантов. Молодые люди занимались религиозно-педагогической работой с детьми в детских садах, школах, кружках, клубах, детских лагерях. Связь со старшим поколением обеспечивалась посредством участия священнослужителей, ученых, представителей культуры и искусства в студенческих кружках, конференциях и съездах Движения. Прот. С.

Четвериков отмечал большую важность деятельного участия молодежи в приходской жизни: церковном пении и чтении, заботе об убранстве храма, социально-педагогической деятельности. Мыслитель считал, что Движение имеет большое общественное значение для русского народа, соединяя на основе православной веры русское юношество в эмиграции «с родным народом в единую душу и единое сердце» [151, с. 4].

На основе проведенного анализа можно сделать вывод о том, что в обосновании В.В. Зеньковским и его единомышленниками необходимости создания воспитательной среды для реализации целостного подхода к воспитанию, рельефно выступает идея православной культуры. Православно-культурная среда воспитания является важнейшим условием реализации принципов и видов воспитания в исследуемой концепции. В контексте идеи православной культуры принципы целостности, свободы, соборности и индивидуальности являются основополагающими в организации деятельности православно-ориентированной школы. Православно-культурная среда воспитания представляет собой совокупность условий, обеспечивающих единство педагогического влияния школы, семьи и Церкви на растущего человека.

Выводы по Главе 2

Обоснование христианско-антропологической концепции воспитания в трудах педагогов Российского Зарубежья в 20-50-е гг. XX в. позволило прийти к заключениям:

1. Методологическую основу христианско-антропологической концепции воспитания составляют идеи христианской антропологии, обоснование которых осуществлялось В.В. Зеньковским в русле теоретических построений старших славянофилов. Опираясь на идеи христианской антропологии, ученый сформулировал сущность воспитания и его цель, обозначил важность проблемы свободы в воспитании и ее связи с добром, указал на необходимость развития индивидуальности в связи с углублением духовной жизни растущего человека, его воцерковлением и социальной активностью.

Через обращение к идее православной культуры В.В. Зеньковский обосновал актуальность христианско-антропологической концепции воспитания для современного ему социокультурного контекста, ее потенциал для ответов на вызовы времени и значимость на существующем этапе развития педагогической мысли. Идея целостного синтеза науки и религии обусловила методологическую стратегию ученого, сохраняющего верность православию и научную объективность. Реализация стратегии целостного синтеза науки и религии показана в исследовании генезиса принципа индивидуальности в педагогическом наследии мыслителя.

Установлены принципы христианско-антропологической концепции воспитания: признания образа Божия началом личности, христоцентричности, иерархии задач воспитания, целостности, свободы, индивидуальности, воцерковления, соборности.

2. В соответствии с принципом целостности в христианско-антропологической концепции воспитания педагогическое влияние направлено на духовную и психофизическую сферы человека, что обуславливает согласованность сотериологической направленности воспитания с задачами развития всех сторон

человека в их связи с духовной сферой. Обоснованные В.В. Зеньковским и его единомышленниками виды воспитания являются взаимосвязанными, при этом религиозное воспитание выступает в качестве приоритетного над остальными: интеллектуальным, физическим, моральным, эстетическим, половым, социальным, национальным. В русле современной образовательной политики, направленной на воспитание развитой и социально ответственной личности, стремящейся к духовному, нравственному, интеллектуальному и физическому совершенству, целостный подход, предложенный мыслителями, становится особенно актуальным.

3. Православно-культурная среда воспитания, охарактеризованная в исследовании с современных методологических позиций, представляет собой совокупность условий для реализации принципов и видов воспитания в русле христианско-антропологической идеи. Структурный анализ православно-культурной среды воспитания позволил выявить ее значение в организации деятельности православно-ориентированной школы, которое заключается в обеспечении единства педагогического влияния на растущего человека в рамках взаимодействия семьи, школы и Церкви.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

К ключевым результатам исследования развития христианско-антропологической концепции воспитания в педагогике Российского Зарубежья в 20-50-е гг. XX в. относятся следующие положения и выводы.

В современных исследованиях христианско-антропологическая идея воспитания заключается в разработке и обосновании методологических и теоретических оснований воспитания на основе христианского учения о человеке. Научно-педагогические исследования, осуществляемые в русле этой идеи, характеризуется следующими подходами: фундаментальные положения христианского учения о человеке выполняют миссию антропологического основания православной педагогики; православная антропология рассматривается как методологическая и аксиологическая основа православной педагогической культуры; христианская антропология представлена в качестве мировоззренческой основы проектирования образовательной среды.

С позиций христианской (православной) антропологии современными учеными осуществляется: разработка основных понятий воспитательного процесса; определение цели и задач воспитания; выявление структурных компонентов воспитательного процесса и раскрытие его содержания; обоснование принципов педагогической деятельности; характеристика субъектов воспитания.

Проведенный анализ дает основание заключать, что христианско-антропологическая идея воспитания обладает большим потенциалом для решения актуальных задач в сфере образования в условиях глобальных вызовов, что позволяет трактовать ее как приоритетную национальную научно-педагогическую проблему.

Обоснование старшими славянофилами (А.С. Хомяков, И.В. Киреевский, К.С. Аксаков и Ю.Ф. Самарин) идей христианской антропологии в контексте проблемы воспитания оказало влияние на развитие отечественной педагогической мысли в условиях Российского Зарубежья в 20-50-е гг. XX в. Установлено, что философы на основе обращения к святоотеческому наследию развивали

следующие идеи христианской антропологии: о сотворении человека по образу Божию; о поврежденности природы человека вследствие грехопадения; о свободе, дарованной Богом человеку; об иерархическом устройстве человека и приоритете духовного начала в нем; о невозможности спасения человека вне Церкви. Обосновано, что эти идеи послужили теоретической основой религиозно-педагогических и философско-педагогических построений старших славянофилов. Анализ сочинений мыслителей позволил выявить характерные понятия, используемые ими в определении сущности и задач воспитания: целостная личность, соборность, жертвенная любовь, нравственная свобода. Старшими славянофилами положено начало разработки видов воспитания в русле христианско-антропологической идеи воспитания: религиозного, морального, интеллектуального, социального, национального.

Преемственность во взглядах старших славянофилов и педагогов Российского Зарубежья объясняется тем, что в отечественной философско-педагогической мысли идеи славянофилов в большей степени отвечали социокультурному контексту эмиграции, так как проблемы воспитания рассматривались ими как неразрывно связанные с проблемами русского общества и задачей сохранения духовно-культурной самобытности русского народа.

Сохранение духовно-национальных ценностей стало одной из самых острых проблем в эмиграции. Обосновано, что в период 20-50-х гг. XX в. в Российском Зарубежье происходила актуализация идей христианской антропологии в теории и практике воспитания молодого поколения. Развитие христианско-антропологической концепции воспитания осуществлялось В.В. Зеньковским и его единомышленниками (Н.Н. Афанасьев, Л.А. Зандер, И.А. Лаговский, прот. С. Четвериков, А.С. Четвериков и др.) в русле религиозно-философской традиции, заложенной старшими славянофилами.

Выделены следующие социокультурные факторы, оказавшие наиболее существенное влияние на развитие христианско-антропологической концепции воспитания в педагогике Российского Зарубежья в 20-50-е гг. XX в.:

- необходимость национального воспитания детей и подростков в условиях эмиграции при возрастающем «давлении» иной культуры, угрозе денационализации;
- стремление эмигрантов к национально-культурному единству и сохранению национальной идентичности;
- возникновение общественно-педагогического движения, его активная деятельность на обширной территории рассеяния;
- потребность в разработке направлений педагогической науки, способных отвечать задачам воспитания в инокультурной среде;
- духовное возрождение, рост роли Православной Церкви в эмигрантском сообществе;
- антирелигиозная пропаганда в Советской России;
- мессианские устремления эмигрантов в служении будущей России и раскрытии Западу русской культуры;
- поддержка, оказываемая эмигрантам со стороны христианских организаций и фондов, обмен опытом.

Изменение социокультурных условий в эмиграции требовало от В.В. Зеньковского и его единомышленников осмысления потенциала христианского учения о человеке для решения актуальных задач воспитания. Развитие христианско-антропологической концепции воспитания сопровождалось со стороны ученых глубоким анализом проблем современного им общества и культуры. Стремление к оцерковлению жизни и построению целостной культуры на почве православия стало фактором, объединяющим мыслителей в их научно-педагогической деятельности и религиозно-педагогической работе с молодежью в РСХД.

В.В. Зеньковский внес наибольший вклад в разработку теоретических положений христианско-антропологической концепции воспитания. В результате историко-педагогического анализа сочинений мыслителя выявлены идеи христианской антропологии, развиваемые старшими славянофилами.

Человек в христианско-антропологической концепции воспитания представлен как носитель образа Божия, основное выражение которого является началом личности. Воспитательное влияние направлено на индивидуальное духовное возрастание ребенка и его воцерковление для раскрытия в нем образа Божия и обретения духовной свободы. Сформулированы следующие принципы христианско-антропологической концепции воспитания: признания образа Божия началом личности, христоцентричности, иерархии задач воспитания, целостности, свободы, индивидуальности, воцерковления, соборности. Принцип индивидуальности имеет ведущее значение в христианско-антропологической концепции воспитания.

Исследуемая концепция включает следующие виды воспитания: религиозное, интеллектуальное, физическое, моральное, эстетическое, половое, социальное, национальное. Направленность основных усилий в воспитании на развитие духовной сферы человека и выделение религиозного воспитания в качестве наиболее приоритетного обусловлено принципом иерархии задач воспитания. В соответствии с принципом целостности все виды являются связанными между собой, отвечают главной цели воспитания и направлены на приобщение растущего человека к традиционным духовно-нравственным ценностям. Обосновано, что большим потенциалом в формировании ценностных ориентаций ребенка обладает религиозное и социальное воспитание, реализуемое в семье.

Идея православной культуры, развиваемая В.В. Зеньковским и его единомышленниками, выступает ценностно-смысловым концептом, определяющим содержание и способ существования воспитательной среды, внутренне связанной с Православной Церковью. Православно-культурную среду воспитания обосновано трактовать как совокупность условий повседневной жизнедеятельности растущего человека для, способствующих его духовному становлению и развитию, обретению им целостного христианского мировоззрения, приобщению к духовно-нравственным ценностям. Значение православно-культурной среды воспитания в организации деятельности православно-

ориентированной школы заключается в обеспечении единства педагогического влияния на растущего человека в рамках взаимодействия школы, семьи и Церкви. Таким образом, православно-культурная среда воспитания является условием реализации принципов и видов воспитания в русле христианско-антропологической идеи.

Ценность вклада В.В. Зеньковского и его единомышленников состоит в обосновании принципов и видов воспитания в актуальном социокультурном контексте. Их опыт осмысления проблем воспитания через призму христианского мировосприятия показывает, что христианско-антропологическая концепция воспитания динамична, ее невозможно рассматривать вне связи со средой, также, как и педагогику вне связи с системой культуры. В этой связи концепция требует актуализации и выявления потенциала христианского учения о человеке для педагогики на каждом новом историческом этапе. В то же время педагогическая мысль, развиваемая в русле религиозной педагогики, поднимает «вечные» вопросы о предназначении человека, его свободе, ценностях, связанности людей между собой, роли Церкви в жизни человека. То, что эти вопросы в переломные периоды отечественной истории становятся столь приоритетными, свидетельствует об их значимости для построения мировоззренческой основы системы национального воспитания.

В рамках выполненного исследования, конечно, не представляется возможным полностью исчерпать все аспекты сложного и многогранного его предмета. К перспективным направлениям дальнейших исследований относятся: изучение места и роли христианско-антропологических идей в развитии системы научно-педагогического знания; выявление тенденций развития и возможностей реализации христианско-антропологической концепции воспитания в новых социально-исторических контекстах; использование христианско-антропологических идей в теоретико-методологическом обосновании практики воспитания личности в соответствии с традиционными духовно-нравственными ценностями народов России.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ И УСЛОВНЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ

РПК – Религиозно-педагогический Кабинет

РСХД – Русское студенческое христианское движение

YMCA – Христианский союз молодых людей (Young Men's Christian Association)

WCSF – Всемирная христианская студенческая федерация (World Christian Student Federation)

Прот. - Протоиерей

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аксаков, К. С. Избранные труды / К. С. Аксаков, И. С. Аксаков ; сост., авторы вступ. ст. и коммент. А. А. Шириянц [и др.]. – Москва : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. – 887 с.
2. Аксаков, К. С. О современном человеке / К. С. Аксаков // Братская помощь пострадавшим семьям Боснии и Герцеговины : сборник. – Санкт-Петербург : Петерб. отд. Слав. ком., 1876. – С. 33-88.
3. Аксаков, К. С. Полное собрание сочинений Константина Сергеевича Аксакова. Т.1. Сочинения исторические / К. С. Аксаков ; под ред. И. С. Аксакова. – Москва : тип. П. Бахметьева, 1861. – 632 с.
4. Антонец, А. В. Принцип индивидуальности в педагогике В.В. Зеньковского. Проблема индивидуальности и личности / А. В. Антонец // Философия человека: образовательные и гуманитарные технологии / под ред. В. А. Рабоша. – Санкт-Петербург : Изд-во РХГА, 2008. – С. 461-472.
5. Антонец, А. В. Принцип индивидуальности в ранних работах В.В. Зеньковского / А. В. Антонец // Искусство и дети: материалы XV междунар. конф. «Ребенок в современном мире. Искусство и дети», Санкт-Петербург, 16-18 апреля 2008 г. – Санкт-Петербург : Изд-во Политех. ун-та, 2008. – С. 45-47.
6. Арбатская, Ю. Протоиерей Сергей Четвериков : Биографический очерк. Проповеди / Ю. Арбатская. – Симферополь : Н. Орианда, 2012. – 208 с.
7. Афанасьев, Н. Н. В защиту целостности в школе / Н. Н. Афанасьев // Бюллетень религиозно-педагогической работы с православной молодежью. – 1934. – № 2. – С. 5-7.
8. Афанасьев, Н. Н. Национальность и национализм / Н. Н. Афанасьев // Бюллетень религиозно-педагогической работы с православной молодежью. – 1936. – № 1. – С. 12-15.
9. Афанасьев, Н. Н. Об изучении Слова Божия в свете Православия / Н. Н. Афанасьев // Бюллетень религиозно-педагогической работы с православной молодежью. – 1934. – № 1. – С. 9-13.

10. Афанасьев, Н.Н. Религиозно-педагогическое совещание в Париже / Н.Н. [псевд.] // Русская школа за рубежом. – 1927. – № 26. – С. 297-292.
11. Афанасьев, Н. Н. Служение мирян в Церкви и вне ее / Н. Н. Афанасьев // Бюллетень религиозно-педагогической работы с православной молодежью. – 1938. – № 1. – С. 10-15.
12. Бездухов, В. П. И.В. Киреевский, А.С. Хомяков: принцип соборности в воспитании / В. П. Бездухов // Педагогика. – 1998. – № 7. – С. 78-81.
13. Безрогов, В. Г. Социальное пространство личности. Религиозная социализация и осуществление права на веру в межпоколенческих отношениях: XX век и перспектива / В. Г. Безрогов // Развитие личности. – 2002. – № 4. – С. 115-136.
14. Беленчук, Л. Н. Просвещение России: взгляд западников и славянофилов / Л. Н. Беленчук. – Москва : Изд-во ПСТГУ, 2008. – 147 с.
15. Блинецова, Ю. С. Православно-культурная среда воспитания в педагогических воззрениях В.В. Зеньковского / Ю. С. Блинецова, И. Д. Лельчицкий // Образовательные системы и среды: историко-педагогический дискурс в начале XXI века : сборник научных трудов Международной научно-практической конференции XXXV сессии Научного совета по проблемам истории образования и педагогической науки при отделении философии образования и теоретической педагогики Российской академии образования, Вологда, 13-15 октября 2022 г. / под ред. М. В. Богуславского; С. В. Куликовой. – Волгоград : Редакционно-издательский центр ВГАПО, 2022. – С. 299-303.
16. Блинецова, Ю. С. Социокультурные предпосылки христианско-антропологической концепции воспитания В.В. Зеньковского / Ю. С. Блинецова, И. Д. Лельчицкий // Мир образования - образование в мире. – 2021. – № 4 (84). – С. 22-29.
17. Бобрышов, С. В. Разработка и изучение концепций / С. В. Бобрышов // Методология педагогики : монография / Е. А. Александрова, Р. М. Асадуллин, Е.В. Бережнова [и др.]; под общ. ред. В. Г. Рындак. – Москва : ИНФРА-М, 2020. – С. 68-81.

18. Богуславский, М. В. История педагогики: методология, теория, персоналии : монография / М. В. Богуславский. – Москва : Институт эффективных технологий, 2012. – 434 с. – URL: <http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=232199> (дата обращения: 20.02.2020). – Текст : электронный.
19. Богуславский, М. В. Педагогика «другой России» / М. В. Богуславский // Педагогика. – 1998. – № 1. – С. 112-114.
20. Богуславский, М. В. Философия образования / М. В. Богуславский // Очерки истории образования и педагогической мысли Российского Зарубежья (20-50-е гг. XX в.) : коллективная монография / Е. Г. Осовский, О. Е. Осовский, Л. Ю. Беленкова [и др.]. – Саранск : Мордовский гос. педагог. ин-т им. М.Е. Евсевьева, 2000. – С. 96-121.
21. Гвоздев, А.В. Святоотеческие корни концепции цельного духа И.В. Киреевского : дис. ... канд. филос. наук : 09.00.03 / Гвоздев Андрей Васильевич ; МГУ. – Москва, 1999. – 170 с.
22. Гераськина, О. А. Православно-ориентированная среда дошкольной образовательной организации: идея цифровой трансформации / О. А. Гераськина, И. Д. Лельчицкий, А. П. Сильченко // Цифровая образовательная среда: анализ, проблемы, перспективы развития : сборник научных статей. – Тверь : Тверской государственный университет, 2021. – С. 49-54.
23. Гессен, С. И. Русская педагогика в XX веке / С. И. Гессен // Антология гуманной педагогики : Гессен / ред. Е. Г. Осовский. – Москва : ИД Шалвы Амонашвили, 2004. – С. 183-207.
24. Глущенко, Е.А. Концепция воспитания целостного человека в наследии В.В. Зеньковского : дис. ... канд. пед. наук : 13.00.01 / Глущенко Екатерина Александровна ; Дальневосточный государственный гуманитарный университет. – Хабаровск, 2009. – 204 с.
25. Грабовый, В. Роль учителя в эмигрантской школе / В. Грабовый // Русский учитель в эмиграции : сборник статей / Объединение русских учительских организаций за границей. – Прага, 1926. – С. 5-16.

26. Дивногорцева, С. Ю. Антропологическая безупречность православной системы воспитания / С. Ю. Дивногорцева // Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. – 2009. – № 19-2. – С. 196-199.

27. Дивногорцева, С.Ю. Историко-теоретический анализ православной педагогической культуры в России: автореф. дис. ... д-ра пед. наук: 13.00.01 / Дивногорцева Светлана Юрьевна; Московский педагогический государственный университет. – Москва, 2011. – 39 с.

28. Дивногорцева, С. Ю. Становление и развитие православной педагогической культуры в России / С. Ю. Дивногорцева. – Москва: Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, 2012. – 264 с. – URL: <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=277057> (дата обращения: 08.05.2021). – Текст: электронный.

29. Дивногорцева, С. Ю. Теория православного воспитания: учебное пособие / С. Ю. Дивногорцева. – Москва: Изд-во ПСТГУ, 2022. – 88 с.

30. Дубровина, С.К. Национальное образование и воспитание детей и подростков в Российском Зарубежье: 20-50-е годы XX в.: дис. ... канд. пед. наук: 13.00.01 / Дубровина Светлана Константиновна. – Нижний Новгород, 2000. – 168 с.

31. Егоров, Г. И. Православная антропология как основа проектирования образовательной среды / Г. И. Егоров // Ежегодник научно-методологического семинара «Проблемы психолого-педагогической антропологии»: сборник научных статей, IV выпуск. – Санкт-Петербург: Издво «НИЦ АРТ», 2014. – С. 8-27.

32. Емельянов, Б. В. Русская философия как человековедение: избранное / Б.В. Емельянов. – Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2014.

33. Ермишин, О. Т. Путь к идейному синтезу и единству / О. Т. Ермишин // Собрание сочинений. В 4 т. Т.1: О русской философии и литературе: статьи, очерки и рецензии (1912-1961) / Зеньковский В. В. – Москва: Русский путь, 2008. – С. 5-37.

34. Жуков, В. Н. Зеньковский о России, русской философии и культуре / В. Н. Жуков, М. А. Маслин // Русские мыслители и Европа / В. В. Зеньковский. – Москва : Республика, 1997. – С. 3-8.
35. Зандер, Л. А. Наши религиозно-педагогические задачи / Л. А. Зандер // Вестник РСХД. – 1929. – № 7. – С. 3-6.
36. Зандер, Л. А. О планомерном добре / Л. А. Зандер // Вестник Русского студенческого христианского движения. – 1930. – № 2. – С. 6-8.
37. Зандер, Л. А. Православное богослужение как основа религиозного преподавания / Л. А. Зандер // Вопросы религиозного воспитания и образования. – 1928. – № 2. – С. 75-82.
38. Зандер, Л. А. Религиозное сознание нашего беженства / Л. А. Зандер // Вестник: Орган Русского студенческого христианского движения в Германии. – 1949. – № 2. – С. 27-29.
39. Зарубежная русская школа, 1920-1924 / Российский земско-городской комитет помощи российским гражданам за границей. – Париж : Rapid-Impr, 1924. – 278 с.
40. Зеньковский, В. В. В чем суть современного педагогического кризиса и где искать выход из него? / В. В. Зеньковский // Бюллетень религиозно-педагогического кабинета. – 1929. – № 7. – С. 3-6.
41. Зеньковский, В. В. Детская душа в наши дни / В. В. Зеньковский // Дети эмиграции : сборник статей / под ред. В. В. Зеньковского. – Москва ; Берлин : Директ-Медиа, 2019. – С. 103-127.
42. Зеньковский, В. В. Задачи и пути социального воспитания / В. В. Зеньковский // Бюллетень религиозно-педагогической работы с православной молодежью. – 1935. – № 1. – С. 11-15.
43. Зеньковский, В. В. Задачи и средства воспитания / В. В. Зеньковский // Вестник Педагогического бюро. – 1929. – № 16/17. – С. 6-9.
44. Зеньковский, В. В. Зло в человеке / В. В. Зеньковский // Путь. – 1938. – № 56. – С. 19-36.

45. Зеньковский, В. В. Идея православной культуры / В. В. Зеньковский // Православие и культура : сборник религиозно-философских статей / под ред. В. В. Зеньковского. – Берлин : Русская книга, 1923. – С. 25-46.
46. Зеньковский, В. В. Из моей жизни : воспоминания / В. В. Зеньковский : сост., под-гот. текста, вступ. статья, прим. О. Т. Ермишина. – Москва : Дом русского зарубежья им. А. Солженицына: Книжница, 2014. – 464 с.
47. Зеньковский, В. В. Искусство и духовная жизнь в нас / В. В. Зеньковский // Бюллетень религиозно-педагогического кабинета. – 1930. – № 12. – С. 1-4.
48. Зеньковский, В. В. История русской философии. В 2 т. Т.1 / В. В. Зеньковский. - 2-е изд. – Paris : YMCA-Press, 1989. – 469 с.
49. Зеньковский, В. В. На пороге зрелости : беседы с юношеством о вопросах пола / В. В. Зеньковский. – Клин : Фонд «Христианская жизнь», 2001. – 61 с.
50. Зеньковский, В. В. Несколько впечатлений / В. В. Зеньковский // Вестник Русского студенческого христианского движения. – 1927. – № 9. – С. 20-21.
51. Зеньковский, В. В. Новый этап в жизни Движения / В. В. Зеньковский // Вестник Русского студенческого христианского движения. – 1936. – № 2. – С. 10-16.
52. Зеньковский, В. В. О национальном воспитании / В. В. Зеньковский // Бюллетень религиозно-педагогического кабинета. – 1930. – № 10. – С. 1-3.
53. Зеньковский, В. В. О новом народничестве / В. В. Зеньковский // Современные записки. – 1927. – № 33. – С. 469-480.
54. Зеньковский, В. В. О развлечениях / В. В. Зеньковский // Бюллетень религиозно-педагогической работы с православной молодежью. – 1935. – № 2. – С. 6-12.
55. Зеньковский, В. В. О религиозном воспитании в семье / В. В. Зеньковский // Вопросы религиозного воспитания и образования. – 1928. – № 3. – С. 56-95.
56. Зеньковский, В. В. О руководителях юношеских организаций / В. В. Зеньковский // Вопросы религиозного воспитания и образования. – 1928. – № 2. – С. 66-74.

57. Зеньковский, В. В. Оксфордский документ / В. В. Зеньковский // Бюллетень религиозно-педагогической работы с православной молодежью. – 1938. – № 1. – С. 4-10.
58. Зеньковский, В. В. Основные идеи православной педагогики / В. В. Зеньковский // Бюллетень Религиозно-педагогической работы с православной молодежью. – 1935. – № 3-4. – С. 5-14.
59. Зеньковский, В. В. Основные идеи православной педагогики / В. В. Зеньковский // Бюллетень Религиозно-педагогической работы с православной молодежью. – 1936. – № 1. – С. 5-11.
60. Зеньковский, В. В. Основы православной педагогики / В. В. Зеньковский // Вопросы православной педагогики. – Париж: Религиозно-педагогический кабинет при Православном Богословском институте в Париже, 196-? – С. 7-14.
61. Зеньковский, В. В. Педагогика / В. В. Зеньковский. – Москва: Изд-во ПСТГУ, 1996. – 153 с.
62. Зеньковский, В. В. Педагогические сочинения / В. В. Зеньковский; сост.: Е. Г. Осовский, О. Е. Осовский; общ. науч. ред. и вступ. ст. Е. Г. Осовского. – Саранск: Красный октябрь, 2002. – 808 с.
63. Зеньковский, В. В. Перед съездом / В. В. Зеньковский // Вестник Педагогического бюро. – 1929. – № 13. – С. 1-3.
64. Зеньковский, В. В. Предисловие / В. В. Зеньковский, И. А. Лаговский // Вопросы религиозного воспитания и религиозного образования. – 1927. – № 1. – С. 3-6.
65. Зеньковский, В. В. Принципы православной антропологии / В. В. Зеньковский // Вестник Русского христианского движения. – 1988. – № 2. – С. 5-20.
66. Зеньковский, В. В. Принципы православной антропологии (Продолжение) / В. В. Зеньковский // Вестник Русского христианского движения. – 1988. – № 3. – С. 69-91.
67. Зеньковский, В. В. Проблемы воспитания в свете христианской антропологии / В. В. Зеньковский. – Москва: Изд-во Свято-Владимирского братства, 1993. – 222 с.

68. Зеньковский, В. В. Проблемы религиозной педагогики / В. В. Зеньковский // Бюллетень Религиозно-педагогической работы с православной молодежью. – 1951. – № 2. – С. 3-6.

69. Зеньковский, В. В. Проблемы религиозной педагогики / В. В. Зеньковский // Бюллетень Религиозно-педагогической работы с православной молодежью. – 1954. – № 1. – С. 3-5.

70. Зеньковский, В. В. Проблемы религиозной педагогики / В. В. Зеньковский // Бюллетень Религиозно-педагогической работы с православной молодежью. – 1956. – № 1. – С. 3-5.

71. Зеньковский, В. В. Проект меморандума православных педагогов / В. В. Зеньковский // Бюллетень религиозно-педагогической работы с православной молодежью. – 1938. – № 3-4. – С. 5-13.

72. Зеньковский, В. В. Психология религиозных кризисов / В. В. Зеньковский // Вестник Русского студенческого христианского движения в Европе. – 1923. – № 3. – С. 12-25.

73. Зеньковский, В. В. Религиозное воспитание и религиозное образование / В. В. Зеньковский // Бюллетень религиозно-педагогического кабинета. – 1929. – № 4. – С. 1-2.

74. Зеньковский, В. В. Русские мыслители и Европа / В.В. Зеньковский ; вступ. ст. В. Н. Жукова и М.А. Маслина; подгот. текста и примеч. Р. К. Медведевой. – Москва : Республика, 1997. – 368 с.

75. Зеньковский, В. В. Собрание сочинений. В 4 т. Т.2. О православии и религиозной культуре: Статьи и очерки (1916 - 1957) / В. В. Зеньковский ; сост., подгот. текста и примеч. О. Т. Ермишина. – Москва : Русский путь, 2008. – 528 с.

76. Зеньковский, В. В. Съезд в Афинах / В. В. Зеньковский // Путь. – 1930. – № 22. – С. 116-125.

77. Зеньковский, В. В. Тоталитарная идея и проблема воспитания / В. В. Зеньковский // Бюллетень религиозно-педагогической работы с православной молодежью. – 1937. – № 2. – С. 5-10.

78. Зеньковский, В. В. Христианская философия / В.В. Зеньковский ; сост. и отв. ред. О. А. Платонов. – Москва : Институт русской цивилизации, 2010. – 1072 с.

79. Зеньковский, В. В. Церковный национализм / В. В. Зеньковский // Вестник: Орган Русского студенческого христианского движения в Германии. – 1949. – № 11/12. – С. 8-20.

80. Зернов, Н. М. Значение Русского Студенческого Христианского Движения за рубежом для православной культуры / Н. М. Зернов, М. Зернова // Вестник Русского студенческого христианского движения. – 1974. – № 1. – С. 255-259.

81. К вопросу о религиозном воспитании и образовании заграничной русской молодежи / ред. прот. С. Четвериков. – Париж : Религиозно-педагогический кабинет при Православном богословском институте, 1928. – 59 с. – URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01002395341> (дата обращения: 27.07.2023). – Текст : электронный.

82. Карлов, И.В. Педагогические взгляды славянофилов в контексте развития общественной мысли в России первой половины XIX века : дис. ... канд. пед. наук : 13.00.01 / Карлов Игорь Викторович ; Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого. – Тула, 2010. – 214 с.

83. Кирдяшова, Е.В. Становление и эволюция педагогических воззрений В.В. Зеньковского : Личность и факторы ее формирования : дис. ... канд. пед. наук : 13.00.01 / Кирдяшова Евгения Васильевна ; Мордовский государственный педагогический институт им. М.Е. Евсевьева. – Саранск, 1998. – 195 с.

84. Киреевский, И. В. Духовные основы русской жизни / И. В. Киреевский. – Москва : Институт русской цивилизации, 2007. – 448 с.

85. Киреевский, И. В. Критика и эстетика / Киреевский И.В. ; сост., вступ. статья и примеч. Ю. В. Манна. – Москва : Искусство, 1979. – 439 с.

86. Киржаева, В. П. Педагогическая жизнь русской эмиграции 1920-х годов сквозь призму общественно-педагогической рефлексии российского зарубежья / В.

П. Киржаева, О. Е. Осовский // Инновационное развитие науки и образования : монография. – Пенза : Наука и Просвещение, 2019. – С. 38-45.

87. Кларин, В. М. Идеалы и пути воспитания в творениях русских религиозных философов XIX-XX вв. / В. М. Кларин, В. М. Петров. – Москва : РГНФ, 1996. – 123 с.

88. Комогорцева, Т.В. Духовно-нравственное воспитание школьников в православно-ориентированной образовательной среде муниципальной школы : дис. ... канд. пед. наук : 13.00.01 / Комогорцева Татьяна Витальевна ; Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого. – Великий Новгород, 2019. – 172 с.

89. Конгресс Церкви, Общества и Государства. Меморандум по вопросам Церкви, Общества и Государства в отношении к воспитанию // Бюллетень религиозно-педагогической работы с православной молодежью. – 1937. – № 3-4. – С. 4-44.

90. Концепция воспитания человека в Российской Федерации (Проект) / В.И. Слободчиков, А.А. Остапенко, Т.В. Черникова [и др.] // Народное образование. – 2022. – № 5. – С. 115-129.

91. Корнетов, Г. Б. Педагогические идеи и учения в истории педагогики / Г. Б. Корнетов // Историко-педагогический журнал. – 2015. – № 2. – С. 44-68.

92. Корольков, А. А. Духовные основания педагогической антропологии / А. А. Корольков // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. – 2005. – № 10. – С. 35-46.

93. Коротких, С. Основополагающие принципы и принципы организации образовательной деятельности в контексте христианско-антропологической модели образования / С. Коротких // Воспитание школьников. – 2021. – № 2. – С. 33-43.

94. Косиченко, А. Г. От философского к религиозному пониманию свободы / А. Г. Косиченко // Свобода человека в современном мире : сборник трудов конференции. – Москва : Центр этики и эстетики Русского мира, 2019. – С. 16-21.

95. Куликов, Ю. Д. Богословско-антропологические характеристики становления воспитательной среды православного образовательного учреждения /

Ю. Д. Куликов // Вестник Волгоградского государственного педагогического университета. – 2015. – № 9-10 (104). – С. 15-22.

96. Куликов, Ю. Д. Православный университет как среда богообщения и развития личности / Ю. Д. Куликов // Вестник Волгоградского государственного педагогического университета. – 2015. – № 5 (100). – С. 82-86.

97. Куломзина, С. С. Миры за мирами. Россия и церковь в моей жизни : воспоминания эмигрантки / С. С. Куломзина. – Москва : Изд-во Православ. Свято-Тихон. богосл. ин-та, 2018. – 484 с.

98. Лаговский, И. А. В Прибалтике / И. А. Лаговский // Вестник: Орган русского студенческого христианского движения. – 1929. – № 10. – С. 18-22.

99. Лаговский, И. А. Всеправославное дело / И. А. Лаговский // Вестник Русского студенческого христианского движения. – 1931. – № 4. – С. 21-28.

100. Лаговский, И. А. Неотложное / И. А. Лаговский // Бюллетень религиозно-педагогического кабинета. – 1930. – № 9. – С. 1-3.

101. Лаговский, И. А. Религиозная культура тела / И. А. Лаговский // Бюллетень религиозно-педагогического кабинета. – 1930. – № 13. – С. 1-2.

102. Лельчицкий, И. Д. Тенденции развития образа школы в педагогике российского зарубежья / И. Д. Лельчицкий, А. В. Климина // Мир образования - образование в мире. – 2013. – № 4 (52). – С. 52-60.

103. Леонов, В. А. Основы православной антропологии : учебник / протоиерей Вадим Леонов. — 2-е изд. испр. и доп. – Издательство Московской Патриархии Русской Православной Церкви. – Москва, 2016. – 456 с.

104. Ликвинцева, Н. В. Иван Аркадьевич Лаговский как христианский педагог / Н. В. Ликвинцева // Вестник Свято-Филаретовского института. – 2024. – Т. 16, №1 (49). – С. 86-106.

105. Меньшиков, В. М. Православная культура и проблема российского воспитания и образования / В. М. Меньшиков. – Курск : ЦГИ Принт, 2016. – 442 с.

106. Меньшиков, В. М. Православная педагогическая методология: отжившее прошлое или предстоящее будущее? / В. М. Меньшиков // Вестник

Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 4: Педагогика. Психология. – 2024. – № 72. – С. 49-80.

107. Налетова, Н.Ю. Генезис православного образования в контексте культурно-исторического развития России: дис. ... д-ра пед. наук: 13.00.01 / Налетова Наталья Юрьевна; Смоленский государственный университет. – Смоленск, 2014. – 411 с.

108. Налетова, Н. Ю. Христианская антропология в педагогической науке / Н. Ю. Налетова // Ярославский педагогический вестник. – 2010. – Т. II, №3. – С. 20-25.

109. Новая философская энциклопедия. В 4 т. Т.1. / Ин-т философии РАН, Нац. общ.-науч. фонд; Научно-ред. совет: В. С. Стёпин [и др.]. – Москва : Мысль, 2010. – 744 с.

110. О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года: Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2024 г. № 309 // Собрание Законодательства РФ. – 2024. – №20. – С. 7644 - 7649 (Ст. 2584). - URL: <https://www.szrf.ru/api/issues/image?volid=1002024020000#zoom=100&page=12> (дата обращения: 18.05.2024).

111. О стратегии национальной безопасности Российской Федерации : Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 г. № 400 // Собрание Законодательства РФ. – 2021. – №27. – С. 18803 - 18825 (Ст. 5351). - URL: <https://www.szrf.ru/api/issues/image?volid=1002021027020#zoom=100&page=179> (дата обращения: 04.05.2022).

112. Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей : Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. № 809 // Собрание Законодательства РФ. – 2022. – №46. – С. 21035 - 21040 (Ст. 7977). - URL: <https://www.szrf.ru/api/issues/image?volid=1002022046000#zoom=100&page=75> (дата обращения: 05.12.2022).

113. Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения : Указ Президента Российской Федерации от 08.05.2024 г. № 314 // Собрание Законодательства РФ. – 2024. – №20. – С. 7651 - 7656 (Ст. 2587). - URL: <https://www.szrf.ru/api/issues/image?volid=1002024020000#zoom=100&page=19> (дата обращения: 18.05.2024).

114. Осовский, Е. Г. Российское Зарубежье: педагогическая наука в изгнании (20-50-е гг. XX в.) / Е. Г. Осовский // Российское Зарубежье: образование, педагогика, культура 20-50-е гг. XX в. : материалы Второй Всероссийской научной конференции «Образование и педагогическая мысль Российского Зарубежья 20-50-е гг. XX в.», Саранск, 16-18 октября 1997 г. / Министерство общего и профессионального образования РФ / под ред. Е. Г. Осовского. – Саранск : Мордовский гос. пед. ин-т им. М.Е. Евсевьева, 1998. – С. 8-22.

115. Остапенко, А. А. Человек между вертикалью духа и горизонтом души : педагогические процессы становления, развития и формирования личности в свете православной антропологии / А. А. Остапенко // Вопросы теологии. – 2022. – Т. 4, №1. – С. 74-91.

116. От редакции // Бюллетень религиозно-педагогической работы с православной молодежью. – 1934. – № 1. – С. 3-5.

117. От редакции. Аскетизм истинный и аскетизм ложный // Бюллетень религиозно-педагогической работы с православной молодежью. – 1935. – № 2. – С. 4-6.

118. От редакции. О социальном воспитании // Бюллетень религиозно-педагогической работы с православной молодежью. – 1935. – № 1. – С. 3-4.

119. От редакции. О христианской педагогике // Бюллетень религиозно-педагогической работы с православной молодежью. – 1938. – № 1. – С. 3-4.

120. Пичугина, В. К. Антрополого-педагогические концепции в России второй половины XIX - начала XX в. / В. К. Пичугина // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2009. – № 1 (35). – С. 10-14.

121. Пронин, А.А. Российская эмиграция в отечественных в диссертационных исследованиях 1980–2005 гг. : автореф. дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.09 / Пронин Александр Алексеевич; Московский государственный областной университет. – Москва, 2017. – 38 с.

122. Протокол религиозно-педагогического совещания при Р.С.Х.Д. 4-6 сентября 1928 г. // Бюллетень религиозно-педагогического кабинета. – 1928. – № 1. – С. 6-10.

123. Равкин, З. И. Развитие образования в России: новые ценностные ориентиры (концепция исследования) / З. И. Равкин // Педагогика. – 1995. – № 5. – С. 87-90.

124. Раев, М. И. Россия за рубежом: история культуры русской эмиграции, 1919-1939 / М. И. Раев. – Москва : Прогресс-академия, 1994. – 292 с.

125. Ребиндер, Ю. И. Специфика социального служения членов французского округа Русского студенческого христианского движения / Ю. И. Ребиндер // Вестник ПСТГУ. Серия 4: Педагогика. Психология. – 2010. – № 18. – С. 114-128.

126. Романова, Л. А. В.В. Зеньковский: проблемы воспитания в свете христианской антропологии / Л. А. Романова // Вестник Владимирского государственного университета им. Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых. Серия: Педагогические и психологические науки. – 2013. – № 14(33). – С. 43-67.

127. Романюк, Л. В. Российское педагогическое зарубежье / Л. В. Романюк, О. А. Косинова // Знание. Понимание. Умение. – 2012. – № 4. – С. 330-333.

128. Российская Федерация. Законы. О внесении изменений в Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» и статью 2 Федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации»: Федеральный закон от 25.12.2023 г. № 685-ФЗ // Собрание Законодательства РФ. – 2024. – №1. – С. 235 - 236 (Ст. 66).

Текст: электронный.

-

URL:

<https://www.szrf.ru/api/issues/image?volid=1002024001010#zoom=100&page=235>

(дата обращения: 03.02.2024).

129. Сабенникова, И.В. Российская эмиграция (1917-1939): Сравнительно-типологическое исследование: дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02 / Сабенникова Ирина Вячеславовна; Московский государственный областной университет. – Москва, 2003. – 422 с.

130. Самарин, Ю.Ф. О мнениях «Современника» исторических и литературных / М...З...К... [псевд.]. – Москва: Унив. тип., 1847. – 90 с.

131. Самарин, Ю. Ф. Православие и народность / Самарин Ю. Ф.; составление, предисловие и комментарии Э. В. Захарова; отв. ред. О. Платонов. – Москва: Институт русской цивилизации, 2008. – 720 с.

132. Сердюкова, Е. В. Культурное наследие русского зарубежья: размышления о судьбах России / Е. В. Сердюкова // Научная мысль Кавказа. – 2014. – № 4 (80). – С. 22-30.

133. Ситниченко, К.Е. Русское зарубежье «первой волны»: феномен культурной диаспоры в аспекте самоидентификации: дис. ... канд. культурологии: 24.00.01 / Ситниченко Константин Евгеньевич; Уральский государственный университет им. А.М. Горького. – Екатеринбург, 2008. – 168 с.

134. Склярова, Т. В. Православное воспитание в контексте социализации / Т. В. Склярова. – Москва: Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, 2006. – 152 с.

135. Склярова, Т. В. Профессиональная подготовка социальных педагогов в конфессионально-ориентированных высших учебных заведениях / Т. В. Склярова. – Москва: Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, 2008. – 364 с. – URL: <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=494984> (дата обращения: 18.05.2021). – Текст: электронный.

136. Слободчиков, В. И. Русская классическая школа - школа антропологической практики / В. И. Слободчиков // Наука и школа. – 2014. – № 5. – С. 21-30.

137. Слободчиков, В. И. Со-бытийная образовательная общность - источник развития и субъект образования / В. И. Слободчиков // Ученые записки. Серия: Психология. Педагогика. – Саратов : Изд-во Сарат. гос. ун-та, 2010. – Т. 3, №2 (10). – С. 3-8.
138. Смирнова, Н.Б. Антропологические и аксиологические основы педагогических воззрений В.В. Зеньковского : дис. ... канд. пед. наук : 13.00.01 / Смирнова Наталья Борисовна ; Московский психолого-социальный институт. – Москва, 2011. – 159 с.
139. Сорина, А.К. Проектирование образовательной среды дошкольного образовательного учреждения : автореф. дис. ... канд. пед. наук : 13.00.01 / Сорина Анна Казисовна ; Санкт-Петербургская академия постдипломного педагогического образования. – Санкт-Петербург, 2005. – 24 с.
140. Сурова, Л. В. Педагогика духовного развития: сборник статей разных лет / Л. В. Сурова. – Храм Казанской иконы Божией Матери, 2014. – 470 с.
141. Трухов, В.Е. Педагогический аспект православно-ориентированной среды в отечественном образовании : дис. ... канд. пед. наук : 13.00.01 / Трухов Виталий Евгеньевич ; Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого. – Великий Новгород, 2004. – 200 с.
142. Учитель и ученик: становление intersubjectных отношений в истории педагогики Востока и Запада (цивилизации Древности и Средневековья) : коллективная монография / под ред. Н.Б. Баранниковой, В.Г. Безрогова. - Москва. Издательский Центр ИЭТ, 2013. - 707 с.
143. Фатеев, В. А. В спорах о самобытном пути России / В. А. Фатеев // Славянофильство: PRO ET CONTRA : творчество и деятельность славянофилов в оценке русских мыслителей и исследователей : антология / сост. В. А. Фатеев. – Санкт-Петербург : РХГА, 2006. – С. 7-56.
144. Хомяков, А. С. Полное собрание сочинений Алексея Степановича Хомякова. В 8 т. Т.1. / А. С. Хомяков - 3-е изд. – Москва : Унив.тип., 1900. – 420 с.
145. Хомяков, А. С. Полное собрание сочинений Алексея Степановича Хомякова. В 8 т. Т.2. / А. С. Хомяков - 3-е изд. – Москва : Унив.тип., 1886. – 498 с.

146. Хомяков, А. С. Полное собрание сочинений Алексея Степановича Хомякова. В 8 т. Т.3. / А. С. Хомяков - 3-е изд. – Москва : Унив.тип., 1900. – 512 с.
147. Хроника: Протокол религиозно-педагогического совещания в Париже 15-16 сентября 1929 г. // Бюллетень религиозно-педагогического кабинета. – 1929. – № 9. – С. 4-7.
148. Хроника: Протокол религиозно-педагогического совещания (Продолжение) // Бюллетень религиозно-педагогического кабинета. – 1930. – № 10. – С. 3-4.
149. Хроника: религиозно-педагогическое совещание 6-9 сентября в Париже // Вопросы религиозного воспитания и религиозного образования. – 1927. – № 1. – С. 79-105.
150. Цуриков, Н. Дети эмиграции / Н. Цуриков // Дети эмиграции : сборник статей / под ред. В. В. Зеньковского. – Москва ; Берлин : Директ-Медиа, 2019. – С. 6-102.
151. Четвериков, С.И. Задачи Движения / прот. С. Четвериков // Вестник: Орган Русского студенческого христианского движения в Западной Европе. – 1928. – № 5. – С. 1-8.
152. Четвериков, С.И. Неотложная задача русской зарубежной Церкви / прот. С. Четвериков // Бюллетень религиозно-педагогического кабинета. – 1928. – № 1. – С. 2-3.
153. Четвериков, С.И. Несколько слов по поводу моего назначения священником Русского Христианского Студенческого Движения / прот. С. Четвериков // Вестник: Орган Русского студенческого христианского движения в Западной Европе. – 1928. – № 9. – С. 1-3.
154. Четвериков, С.И. О трудностях религиозной жизни в детстве и юности / прот. С. Четвериков // Путь. – 1932. – № 34. – С. 52-63.
155. Четвериков, С.И. О христианской семье / прот. С. Четвериков // Вопросы религиозного воспитания и образования. – 1928. – № 3. – С. 5-21.
156. Четвериков, С.И. Путь чистоты: Из бесед пастыря-законоучителя / прот. С. Четвериков. – Paris : YMCA-Press, 1929. – 38 с.

157. Четвериков, С.И. Религиозно-христианское мировоззрение как основание человеческой жизни и культуры / прот. С. Четвериков // Вестник Русского студенческого христианского движения. – 1935. – № 1-2. – С. 7-12.
158. Четвериков, С.И. Христианство как рождение новой жизни в душе и как трудничество во имя Христово / прот. С. Четвериков // Вестник: Орган Русского студенческого христианского движения в Западной Европе. – 1928. – № 2. – С. 5-8.
159. Четверикова, А. С. Из данных анкеты / А. С. Четверикова // Бюллетень религиозно-педагогического кабинета. – 1929. – № 5. – С. 2-3.
160. Четверикова, А. С. Искусство и воспитание / А. С. Четверикова // Бюллетень религиозно-педагогического кабинета. – 1930. – № 12. – С. 4-5.
161. Четверикова, А. С. О некоторых видах социально-педагогической работы Церкви / А. С. Четверикова // Бюллетень религиозно-педагогической работы с православной молодежью. – 1934. – № 1. – С. 13-17.
162. Четверикова, А. С. О приближении детей к Церкви / А. С. Четверикова // Бюллетень религиозно-педагогического кабинета. – 1928. – № 2. – С. 1.
163. Четверикова, А. С. О религиозной работе с молодежью / А. С. Четверикова // Бюллетень религиозно-педагогического кабинета. – 1929. – № 7. – С. 2-3.
164. Четверикова, А. С. О русской молодежи / А. С. Четверикова // Бюллетень религиозно-педагогического кабинета. – 1929. – № 8. – С. 2-3.
165. Шестун, А. Г. Вернуться в Россию: миссия и стратегическая цель образования / А. Г. Шестун, М. В. Захарченко // Непрерывное образование. – 2019. – № 2(28). – С. 10-12.
166. Шестун, Е.В. Православные традиции духовно-нравственного становления личности: историко-теоретический аспект: дис. ... д-ра пед.наук: 13.00.01 / Шестун Евгений Владимирович; Институт педагогики и психологии профессионального образования РАО. – Казань, 2006. – 384 с.